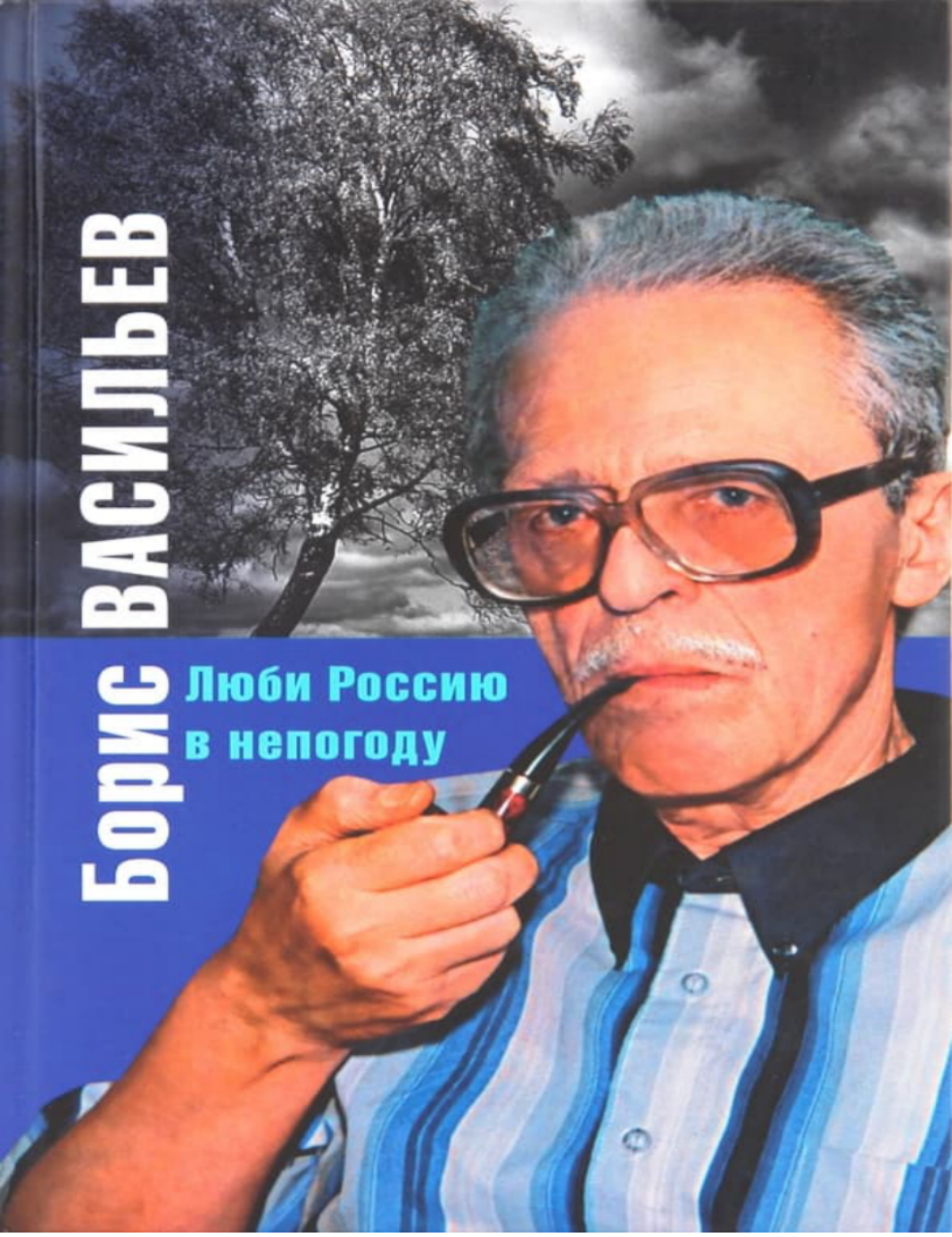
Борис ВАСИЛЬЕВ
Люби Россию
в непогоду

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Известного прозаика Бориса Васильева всегда интересовала история в ее переломных точках. В новой книге, составленной из очерков и заметок разных лет, писатель снова пытается разобраться в прошлом и настоящем России, чтобы лучше понять, что ждет ее в будущем. Его публицистика продолжает традиции Чаадаева, Герцена, Короленко — великих наших соотечественников, умевших любить Россию в непогоду, в моменты потрясений и испытаний.

- Борис Васильев
  - ○
  - ○ ВЕЛИКАЯ ЗАГАДКА ЕВРОПЫ
  - ○ ЛЮБИ РОССИЮ В НЕПОГОДУ
  - ○ ПОНЕДЕЛЬНИК ОБИТАНИЯ
    - ■
    - ■ Глава первая
    - ■ Глава вторая
  - ○ ЯЗЫЧНИКИ С КРЕСТАМИ
  - ○ СТОЛИЦА И УСАДЬБА
  - ○ ХОЗЯЕВА И ХОЛОПЫ
  - ○ ОТПУСТИ НАМ ГРЕХИ НАШИ…
    - ■
  - ○ ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО: ОБЩЕСТВО, МОРАЛЬ И ПРАВО
  - ○ ПРОЩАЙ, РОССИЯ!
  - ○ ЗАКОН И ПОРЯДОК
  - ○ ЧТО НАМ СТОИТ ДОМ ПОСТРОИТЬ?
  - ○ НАСЛЕДНИЧКИ
  - ○ ФЛЕГМАТИЗИРОВАННЫЙ ПОРОХ
  - ○ РОДИМЫЙ АД
  - ○ МЫ ВСЕ УЧИЛИСЬ ПОНЕМНОГУ…
  - ○ ОСТАНОВИТЕ ПОРУЧИКОВ
  - ○ ЛЮБИТЬ ИЛИ ДОЛЖЕНСТВОВАТЬ?
  - ○ ВОСПОМИНАНИЯ О БУДУЩЕМ
  - ○ РОССИЙСКИЙ СТАТУС КВО
  - ○ МОНАРХИЯ
  - ○ МОЛИТВА НАРОДА
  - ○ КАВКАЗСКИЙ РОКОВОЙ КРУГ
    - ■
    - ■ Глава первая
    - ■ Глава вторая

        - Глава третья
    - ЭТОТ ДЕНЬ ПОБЕДЫ…
    - «ВОЙНА КОЛИЧЕСТВА С КАЧЕСТВОМ»
    - ЕСТЬ ТАКАЯ ПРОФЕССИЯ
    - РЕФОРМА
    - «ПОКУПАЙТЕ БРИЛЛИАНТЫ!»
    - БЮВАР
    - ВЗБЕЖАТЬ НА ХОЛМ И ОТДОХНУТЬ В ТРАВЕ
    - ГРАД КИТЕЖ
    - НЕЗАБУДКИ НА МИННОМ ПОЛЕ
    - ВКУСИВШИ ПЛОДА…
    - НЕ ПОКАЯВШИСЬ, НЕ СПАСЕШЬСЯ
- notes
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4
    - 5
    - 6
    - 7

Борис Васильев
Люби Россию в непогоду

ВЕЛИКАЯ ЗАГАДКА ЕВРОПЫ

Мы — единственный народ в мире, называющий себя прилагательным. Француз, китаец, якут, чукча — существительные, отвечающие на вопрос «КТО? ЧТО?», а мы — на вопрос «ЧЕЙ?». Мы, русские, всегда — «чьи-то», но — ЧЬИ?

Европа — в тупике. Она не знает, чьи мы, равным образом как и мы — тоже не знаем — чьи же?

Зато мы знаем, кто мы. Знаем не по книгам, не по преданиям, знаем по генетическому коду, который заложен в каждом из нас. Мы знаем, что мы — вечные пограничники.

> «Для вас — века. Для нас — единый час
> Мы, как послушные холопы,
> Держали щит меж двух враждебных рас
> Монголов и Европы».

Такие строки мог написать только русский поэт, нервами, кожей, всем нутром своим чувствующий тяжкий прошлый опыт. Мы — вечные пограничники. Меж Европой и Азией, меж Востоком и Западом, меж исламом и христианством. Меж скотоводами и земледельцами. Мы — дети Ноя, стоящие меж Хамом и Авелем, самою Судьбой поставленные на страже европейской культуры. А главные свойства пограничника, веками воспитанные в нем — недоверие и подозрительность. Если солдат сторожит границы своего государства, то мы ответственны за все границы того мира, который считаем своим Домом, откуда наши предки вышли для освоения новых пространств в начале нашей эры.

Это ведь наши предки разгромили римские легионы, не позволив им продвинуться дальше Румынии. Наши предки растрепали полчища гуннов, после чего им пришлось осесть в современной Венгрии. Наши дружины дали первые бои татаро-монголам, после чего они и остались тут, у нас, не рискнув продвинуться в Европу, имея в тылу русских. Мы остановили в двух сражениях великого Тамерлана. Мы первыми нанесли поражение войскам лучшего полководца мира Наполеона. Мы освободили Болгарию и Сербию, оттеснив Османскую империю на крохотный участок побережья Мраморного моря. И, наконец, наша армия, поддержанная всем народом, в конце концов спасла мир от коричневой чумы германского фашизма.

Мы и сегодня держим фронт против нашествия мусульманских экстремистов. Мы, а совсем не Америка со своей

безопасной войной в Ираке.

Величие России не в ее пространствах и не в ее богатствах. Величие России в особой психологии ее народа. Его невероятной стойкости, отваге и внутренней ответственности за судьбы человечества, который носит пограничник в своем ранце, как маршальский жезл.

У нас есть Петербург, один из самых красивых городов мира. Отмечая его трехсотлетие, мы склоняем головы перед гением Петра Великого, жестко, а порою и жестоко повернувшего Московскую Русь на европейскую дорогу развития. Вечная ему слава, несмотря на то, что Москва никогда не ставила ему памятников. И какой же нравственной глухотой надо обладать, чтобы забыть резню стрельцов на Красной площади, когда кровь ручьями текла в Неглинку.

Именно поэтому Москва, высоко чтя гений Петра, не могла перешагнуть через его кровавое злодеяние пред священным для всех русских Кремлем. Да и на памятнике-то — не Петр Первый, а замечательный актер Симонов, стоящий почему-то на испанской каравелле. Но мы не знаем собственной истории, потому что мы — пограничники.

А истинный лик Петра Великого запечатлен на удивительном памятнике Шемякина в Петропавловской Крепости. И когда я бываю в Петербурге, я в непременном порядке посещаю Музей Александра Второго и — Петропавловскую Крепость.

Теперь понятно, почему мы называем себя прилагательным? Да потому, что мы принадлежим России.

Величие России — в сердцах его народов. Русских и нерусских. В сердцах вечных пограничников.

ЛЮБИ РОССИЮ В НЕПОГОДУ

Во мне нет твердого убеждения, что я должен был написать то, что написал. Я не историк, не теоретик, я пожилой русский писатель с военно-техническим образованием, с болью и стыдом за содеянное, переполненный тревогой за судьбу несчастного Отечества своего. Я пытаюсь разобраться в том, что произошло, хочу успеть понять логику превращения вчерашних революционных романтиков в беспамятных зомби, еще надеясь успеть поверить, что ничего подобного уже не повториться, ибо повторение равнозначно гибели.

Я ничего не утверждаю, однако мне кажется, что в наших рассуждениях о пройденном присутствуют лишь те понятия, которые были установлены непреложно именно тогда, когда народ наш его нравственность и культуру ломали на дыбе Великого Террора. Мне упорно недостает новых гипотез, какими бы наивными они не казались.

Все, что я пишу, пропитано сомнениями. В мыслях своих я все время твердил «мне кажется» да «я полагал бы», но наши истины нельзя искать под фонарем. Их постарались упрятать во тьме тайн государственных под грудой заведомой лжи и фальсификаций. И честнее разбить себе лоб в темноте, чем в который уж раз мусолить фальшивые ассигнации фарисеев и книжников, брошенные ими в оборот для оправдания предательства самой Отчизны своей. Ведь если культура — «МЫ», то нравственность — «Я»; если культура вышивает по канве истории, то нравственность — по деяниям каждого, и так и не создавший алфавита американский индеец неизмеримо нравственнее всего ученого синклита, создавшего атомную бомбу.

Кажется, что я впервые испытал бессонницу классе в шестом, когда открыл, что есть человечество. Не узнал, не понял, а именно открыл, и мой детский разум перегревался от напряжения.

Я открыл, что любой человек — русский, папуас, негр, китаец, черный, белый, желтый, старик или младенец, девочка или мальчик — все, проживая отмерянные им жизни, существуют вечно. Существуют сегодня, существовали вчера и будут существовать завтра, ибо жизнь каждого есть лишь листок на вечных корнях единого человеческого рода. И что у каждого из нас в этой общей пряже есть своя личная нить, которая тянется из миллионнолетней дали беспрерывно. И когда я представил себе это кружево прошлого, питающее живой водой настоящее, когда вспомнил о нашествиях и набегах, о войнах и восстаниях, походах

и поражениях, о морах, гладах и пожарах, ощутил ужас и восторг одновременно, голое существо, не имеющее ни когтей, ни клыков, ни стремительного бега, ни физической мощи не просто выжило в беспощадной борьбе за существование, но смогло стать сильнейшим среди живого, вырваться из неласковых объятий природы, объединиться духом, а не потребностью в пище, построить города и государства и стать Человечеством. На это ушли сотни тысяч лет, но за это же время медведь остался медведем, лев — львом, олень — оленем, и только человек совершил восхождение. Древние не могли объяснить этого феномена, почему и сняли сам вопрос, объявив человека преисполненным Духа Божия. Гениальное прозрение предков не следует оспаривать: человек смог стать человеком, только опираясь на духовность. Мучительно медленно пращуры наши складывали стену, отделившую их от лютых зверей, создавая «озонный слой» вокруг себя, чтобы обеспечить потомкам сферу существования. И каждое последующее поколение, приняв эстафету, заново наращивало этот слой, понимая, что прорыв его вновь поставит людей лицом к лицу с мировыми стихиями, вырваться из-под воздействия которых второй раз уже не удастся.

Эта стена, отгородившая человечество от произвола стихий, этот «озонный кокон», в котором оно живет и развивается и может развиваться и жить только в нем, есть нравственность. Уровень ее не зависит от уровня культуры ни нации, ни отдельного человека: в отличие от культуры нравственность оставляет не памятники, а саму память. А памяти нельзя обучиться, ее невозможно вызубрить, ее, наконец, нельзя разложить на правила, параграфы, пункты, разъять на составляющие с целью исследования по частям: охраняемая памятью нравственность существует по закону живых тел. Она может быть здоровой или больной, высокой или низкой, ущербной или одухотворенной, но ее не может «не быть», как не может не быть сердца в живом организме. Единственный способ развития личной нравственности есть воссоздание памяти, впитывание в себя, в подсознание основополагающих ее ценностей: в этом для меня основное значение слов «воспитание личности». Мы забыли о втором составляющем: мы воспитываем детей, воинов, патриотов, коммунистов, комсомольцев, пионеров и т. д., уже привычно не ведая, что воспитывать следует личность, ибо нравственно воспитанная личность вмещает в себя все. Но кто-то когда-то сообразил, что личность чрезвычайно опасна для тоталитарной империи, и лишил понятие нравственности ее личностного самовыражения. Это было несложно осуществить во

всеимперском объеме, поскольку нравственность лишена вещности, а потому и не охраняется государством, и тем не менее государство без нравственности — нонсенс. Даже в проклятое Средневековье нашего века гитлеризм и сталинщина существовали в определенных — и весьма схожих! — нравственных ипостасях, и если нравственность фашизма — дикость, при которой иноплеменник всегда раб, то нравственность сталинской эпохи — варварство, при котором любой иноверец всегда враг. И нравственность защищает нас сегодня уже не от природы, а от самих себя. Однако слой ее столь тонок, столь уязвим, столь подвержен как внутренней коррозии, так и внешнему окислению, что оно само нуждается в каждодневном наращивании, накоплении, очищении от скверны. Гибель десятков тысяч культур в истории должна напоминать нам о нравственности, дабы однажды не обнаружить ее неожиданного падения. Особенно если учитывать, что нравственность подчиняется всеобщему закону энтропии, и если в мире идет постоянная перекачка энергии от теплого к холодному, в природе — от живого к мертвому, то в человеческом обществе с недавних пор обнаружилась глобальная тенденция к упрощению нравственности и расстрате «озонного слоя». Существующая ныне энтропия нравственности есть потенциальная вероятность отката назад: это уже происходило на наших глазах, и все мы знаем, сколь трудно возвратное восхождения. Даже не на вершины духа, а хотя бы на позиции, некогда освоенные предками.

ПОНЕДЕЛЬНИК ОБИТАНИЯ

Понедельник — с его мучительным похмельем, тошнотой, головной болью, раздражительностью, тоской по глотку хмельного и острой жаждой ничего не делать…

Понедельник обитания — это у нас, в России, сегодня. Все цивилизованные страны существуют в среде обитания, обусловленной не столько географией, сколько собственной историей. У нас, естественно, есть и своя география, и своя история, но суть не в их отличии от Европы. Суть в том, что векторы как истории, так и географии у нас и Европы оказались диаметрально противоположными.

Но сначала — **НАВЕДЕНИЕ НА ЦЕЛЬ.**

Все великие державы — живые организмы. Каждой свойственно рождение, детство, юность, зрелость, старение и — гибель. Психологическое состояние народа, при котором возникает утрата смысла существования, социальная апатия, историческая амнезия, потеря ощущения своего собственного отечества. Из его памяти исчезает представление о собственной истории, и остается одна география. Место обитания, земля, именуемая родиной. И если эта, моя земля, остается, то не все ли равно, как она сегодня называется? И галлы становятся французами, бритты — англичанами, а славяне Пелопоннеса начинают именовать себя греками, забыв о собственном языке.

Все древние державы проходили эти ступени по законам живых существ, а отнюдь не по параграфам классовой борьбы, пока не превращались в пыль. В страницы истории скучного школьного учебника, толкующего о фактах и датах, и угрюмо молчащего о страстях. А ведь именно страсти в конечном итоге приводили все державы к гибели, постепенно, исподволь меняя характер титульного населения. Потом изношенная оболочка отмирала порою от ударов извне, порою — от перегрева внутренних неосуществленных желаний, а население оставалось, продолжая существовать уже с иным характером, а зачастую и с другим именем. Жители современной Греции не являются потомками древних греков точно так же, как итальянцы — древних римлян, французы — древних галлов или египтяне — строителей пирамид. В отличие от Великих держав народы бессмертны, однако им суждено наследовать только среду обитания. Или — наш понедельник, если исторические коллизии вкупе с географией подготовили им именно эту нелегкую судьбу.

Ну, а все же, по какой конкретной причине гибнут царства и государства? А гибнут они по той простой причине, что

население этих стран вдруг теряет всякое желание умирать во спасение именно этого государства, царства, державы и т. п., довольствуясь тем, что ему гарантируют землю в новом государственном образовании. Исчезает «патриотизм», как сказали бы мы сегодня, хотя само это определение деятельной любви к родине сравнительно недавнего происхождения. Оно возникло во времена Великой Французской революции, до краев заполнившей Девятым валом неистовства опустошенные души санкюлотов, возродив давно позабытое веселое пренебрежение к смерти во имя спасения Франции. Это же неистовство вело к победам босоногое воинство большевиков, которым противостояли профессиональные армии Белого Движения на первом этапе гражданской войны. Именно это чувство, эту страсть, предопределяющую пренебрежение к смерти ради достижения общенациональной цели Гегель называл духом народа, а Л. Н. Гумилев — пассионарностью. То есть, не столько избытком энергии, сколько избытком воли.

Обратите внимание на термин Гегеля: Дух народа, а не духовность. То есть, не пассивное ожидание прозрения общества, не стояние на коленях или строгое исполнение обрядности, а борьба со Злом с мечом в руке.

Ныне это великое понятие затрепано, замусолено и затаскано бесстрастными, не обладающими хотя бы крупицами харизмы коммунистическими вождями в Государственной Думе. Когда я слышу это слово из их уст, у меня возникает ощущение, будто я до блеска вылизал латунную солдатскую пряжку. Неужели не ясно, что любовь доказывается только делами, только поступками и решительно ничем иным? Если все же неясно, спросите об этом у собственных жен. У любви просто нет иного доказательства, если, конечно, речь идет не о блинах с икоркой.

Толкуют о любви к Родине, а не о блинах. Однако любовь к месту своего рождения имеет две стороны: географическую и историческую, то есть, материальную и духовную. Либо ты любишь свою землю, как таковую, именуя ее Родиной, либо ты не можешь представить себе собственного существования без ее истории, традиций, обычаев, языка, привычной системы общения, узнаваемости ее морозов, песен, застолий, рюмки водки, наконец, под квашеную капустку после доброй бани с друзьями. Это — твое Отечество, память об отцах и дедах, которую ты носишь в душе своей всю жизнь до последнего вздоха. С нею ты можешь жить хоть на Марсе, потому что Отчизна твоя умещается в сердце твоем.

«Любовь к родному пепелищу,

Таковы две ипостаси патриотизма. И если первая, имеющая в своей основе фактор вполне материальный, природный, средство гарантированного добывания пищи, собственность, как таковая, есть, по сути своей, тот же инстинкт, который заставляет хищника охранять свои охотничьи угодья, то вторая ипостась патриотизма предполагает историческую и эмоциональную память, что делает ее явлением высокого культурного порядка. Именно этот культурно-исторический фактор сыграл огромную роль в Чеченской войне, превратив ее для всей Чечни в войну Отечественную, поскольку каждый чеченец поименно помнит предков своих до двенадцатого колена, тогда как мы, русские, не только не обладаем исторической памятью, но тогда просто не понимали, за что нам приходится умирать на этой странной войне.

Эти две формы русского патриотизма, как в зеркале, отражают две культуры России, которым Октябрьский переворот 17-го года не дал возможности слиться в одну, в единый материк общенациональной культуры. Первая официально именуется христианско-деревенской, вторая — дворянско-городской: кровавая схватка меж ними за господство и есть гражданская война. Все, известные нам гражданские войны есть столкновение двух различных культур одного народа, потому-то они и называются гражданскими.

Но вернемся к двум параллельным культурам России: христианско-деревенской и — дворянско-городской. Их различие заключалось не только в уровне образованности, но и в степени эмоционального развития, существенно большего у горожан, чему способствовала сама культурная среда: театры, библиотеки, концертные залы, музеи, исторические места, ухоженные кладбища зачастую с весьма известными могилами, музыкальные салоны, клубы, благотворительные общества, балы, званые вечера и т. д. и т. п. Этого культурно-просветительного набора деревня, естественно, не имела, чем, кстати, объясняется трудное восприятие истории крестьянскими детьми. В деревнях не было ни исторической памяти, ни исторических памятников, тогда как каждый житель даже скромного Углича мог показать, где именно зарезали несчастного царевича Димитрия: я уж не говорю о новгородцах, псковичах или смолянах. Тысячелетняя история России разлита по ее городам, но отнюдь не по весям, почему вся культурная база в деревне сосредотачивалась в церкви.

Надо сказать, что церковь осознавала свою просветительскую

роль и весьма преуспела в этом направлении. Храмы на Руси вплоть до казарменного решения Николая Первого строились только по индивидуальным проектам, привязываясь как к местности, так и к материалу, и каждое культовое здание было произведением архитектуры. Оно служило жителям окрестных деревень первым и единственным приобщением к настоящему искусству, тем более, что внутри практически любой церкви их ожидало пышное театральное действо, прекрасное пение, удивительная живопись, тщательно продуманный интерьер, отработанная столетиями, по сути, балетная пластика и необычная, распевная речь священника на чарующе непонятном языке. И это послужило основной причиной, почему по воскресеньям и церковным датам прихожане ходили в церковь только в самой парадной одежде. Души их были подготовлены к празднеству необыкновенной красотой антуража, и молитва священнослужителя падала на благодатную, уже вспаханную почву.

Совершенно по иному церковь воспринималась в городе. Во-первых, церквей в городах было более, чем достаточно, почему они и не воспринимались горожанами, как «храмы искусства». Во-вторых, если крестьянский труд был консервативно-однообразным — сын пахал точно так же, как дед и отец — то труд горожанина зависел от потребностей города, почему и не мог законсервироваться раз и навсегда. Это делало жителей городов более активными, более приспособленными к изменяющейся житейской обстановке и — более циничными, нежели жителей деревенских.

Для большинства из горожан — особенно с конца девятнадцатого столетия — посещение церкви превратилось в привычную семейную традицию, которую традиционно и не нарушали. А дворянство в массе своей вообще не было религиозным, поскольку обладало знаниями, нравственность приобретало в семье и посещало церковь далеко не всегда, а, как правило, лишь по мере собственной традиционной надобности: крещения, свадьбы, отпевания и — говение, так как без церковной справки о прохождении этого обряда не выдавался заграничный паспорт. Дворянско-городская культура рассматривала религию, как традиционный институт общей культуры, тогда как село видело в ней средоточие духовной красоты, христианской морали, семейных устоев и, увы, первых (и чаще всего — последних) университетов в своей жизни.

Итак, попробуем сделать вывод. Христианско-деревенскую культуру организовывали и доводили до сельского населения религии всех конфессий. Дворянско-городскую — сам город как

таковой, хорошее воспитание и вполне достойное образование, основой которого в России всегда были история и литература.

Иначе обстояли дела в среде многочисленных носителей деревенской культуры. Русский мужик, вопреки предсказанию Некрасова, ни Белинского, ни Гоголя с базара не понес. Он довольствовался расхожими иллюстрированными книжонками, которые продавали офени с лотков вместе с бусами, крестиками, леденцами, платочками и тому подобным набором. Книжонки вполне соответствовали ассортименту офень, но даже их покупали не очень-то бойко, поскольку и денег-то у крестьян никогда не было, а практическая жилка, воспитанная тысячелетним опытом выживания в условиях постоянного рабства и перманентных голодовок, не усматривала в книжках повода для траты считанных копеек. Деревня с большим удовольствием читала Псалтирь да «Жития святых», причем, по словам Горького, старательно выискивала в «Житиях» рассказы о святых мучениках. Подробности этих святых мучений почему-то особенно привлекали крестьянское внимание, что специально подчеркивал Алексей Максимович в статье «О жестокости русского народа». И это наблюдение великого писателя нам следует запомнить, потому что мы еще вернемся к этому психологическому феномену.

Иными словами, в России перед ее революционными потрясениями существовало как бы два народа, говоривших на схожем языке, придерживавшихся сходной морали, но обладающих при этом разными ценностями и различным представлением о собственном государстве.

Для крестьянства это было некое огромное поместье, которым управлял барин от Бога, поскольку в обряд коронации государя входило и миропомазание. Ниже этого Божьего представителя располагались управляющие и бурмистры, с которыми крестьянину и приходилось сталкиваться в практической жизни. Это были «господа», обладавшие пожалованным царем правом распоряжаться его хозяйством, однако с ними можно было и не всегда соглашаться, а порою и спорить.

Для дворянства верховная власть была абсолютно законной, освященной историческими традициями и династически преемственной. Государь считался Первым дворянином России, почему дворянство допускало возможность иногда с ним не соглашаться, но лишь по вполне конкретным поводам. Дворянская фронда существовала всегда, и бунт на Сенатской площади в декабре 1825 года был крайним ее проявлением. При этом следует иметь в виду, что в России офицерство присягало не

правительству и уж тем паче не народу, а — Государю Императору, и декабристы действовали в рамках своего представления об офицерской чести, поскольку прежний государь Александр Первый уже скончался, а новому, Николаю Первому, присягу они давать отказывались.

Характерно, что государь тоже считал себя представителем дворянства, хотя и Первым, почему никогда не отказывал дворянам в просьбе о личной аудиенции, если повод казался ему весьма серьезным. Так мать В. И. Ленина Мария Александровна Ульянова получила аудиенцию без проволочек, поскольку была дворянкой, и речь шла о жизни ее старшего сына Александра, обвиненного в причастности к террористической организации, ставившей своей целью покушение на царя Александра Третьего. Вот этот самый Александр Третий и принял мать террориста по первой же ее просьбе. Государи России — во всяком случае, в прошлом столетии — старались выполнять неписанные законы дворянского сословия весьма строго.

А ведь так сложилось сравнительно недавно, всего лишь за сто лет, с конца Восемнадцатого столетия. Еще в восемнадцатом веке представители знатнейших княжеских и боярских родов, даже Рюриковичи и Гедиминовичи, униженно писали в челобитных на имя Государя: «Холоп твой князишко Шуйский челом бьет…» Так повелось еще с ханских времен, ибо система взаимоотношений меж ханом и дворянством в Золотой Орде была принципиально отличной от такой же системы, сложившейся на Руси. Ханская система оказалась заманчиво простой: хан, он и есть — Хан для ВСЕХ БЕЗ ИСКЛЮЧЕНИЯ. Эта система была чрезвычайно соблазнительной для Великих Московских князей, с огромным трудом и напряжением всех сил отбивавшихся от своих же родственников-сепаратистов: достаточно вспомнить восстание Шемяки. Поэтому при первой же возможности и с благословения золотоордынских ханов, которым удобнее было иметь дело с одним Великим князем, а не с дюжиной претендентов, эта АЗИАТСКАЯ система управления и была введена на Руси. И окончательно закрепилась при Иване Васильевиче Грозном, террор которого свел на нет все мечты удельных князей на самостоятельное правление.

Так продолжалось и при Петре Великом, и при его преемниках. Князьям рубили головы, бояр вздергивали на дыбу, дворян секли нещадно и прилюдно, а все имущество проштрафившихся отписывалось в царскую казну. Привилегии дворянства были сведены к минимуму, ограничившись в результате лишь более или менее прочным экономическим положением, да и само это положение зависело только от

очередных капризов Государя, ибо не существовало никаких законов, гарантировавших дворянству если не жизнь, то хотя бы имущество. Это было пережитком не просто средневекового, но азиатского варварства, почему европейски просвещенная Екатерина Великая, обязанная своему величию поддержке дворянства, и решила положить конец такому произволу власти.

В 1785 году Екатериной Второй была подписана «Жалованная грамота», которая возводила ряд дворянских привилегий в ранг государственного закона. Дворянина можно было привлечь к суду только за уголовное преступление, его нельзя было физически наказывать (пытать, избивать и т. п.), его имущество не подвергалось изъятию в пользу казны и так далее. Но самым главным в этой грамоте было подтверждение, что все дворяне имеют равные права перед законом, а Государь есть тот же дворянин, но только — Первый среди равных. Именно это последнее обстоятельство и породило Золотой век России, а заодно и некое социальное явление, оказавшееся уникальным, единственным в мире, но, увы, уничтоженным Советской властью на корню, оставив после себя лишь свое наименование: РУССКАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ.

Ныне под этим названием понимается некая прослойка, как определила Советская власть, роль которой заключается в интеллектуальной общегосударственной деятельности. Сюда относят ученых и писателей, учителей и врачей, юристов и журналистов, а при советской власти стали к ней же причислять и артистов, хотя Россия всегда считала их богемой. Все это запутало и затемнило само это понятие (говорю так потому, что имел честь своим докладом открывать Конгресс интеллигенции 1997 года), вследствие чего позволю себе некоторые соображения.

1. Русская интеллигенция была в основе своей интеллигенцией дворянской. Примыкавшие к ней и в определенной мере развившие ее положения (к несчастью для России вплоть до террора) разночинцы исповедывали тот же дворянский менталитет, принадлежали к той же дворянской культуре, несмотря на то, что дворянами не являлись.

2. Русская дворянская интеллигенция всегда занимала умеренно критическую позицию по отношению к власти. Это она настояла на досрочном освобождении от каторжных работ декабристов («Во глубине сибирских руд…»), с симпатией относясь не столько к декабрьскому путчу, — она всегда была против любых попыток спровоцировать русский бунт, ей принадлежит его определение как «бессмысленного и беспощадного», — сколько к самому факту пробуждения в российском офицерстве предчувствия неминуемого тупика, в

который катилась Россия, не решаясь отменить крепостное право. Это под ее непосредственным влиянием родилась великая русская литература, целенаправленно подготавливая общество к мысли о всеобщем равенстве людей перед законом и государем. Это на ее мнение опирался Александр Второй в своих реформах вплоть до решения ввести Конституционную монархию. Это под ее нажимом было сформировано общественное мнение в России, в результате чего Русско-Турецкая война превратилась в освободительную войну против турецкого владычества в славянских странах. У нее — множество заслуг перед Россией, но примыкавшие к ней разночинцы, пришедшие в конце концов к тактике террора, скомпрометировали всю русскую интеллигенцию в глазах последующих поколений.

3. Наконец, ее особый статус — дворянская! — предоставлял ей полную политическую свободу, а прочное экономическое положение — поместья, родственники, личные капиталы — делали ее неуязвимой со всех сторон.

Отсюда попытаемся сделать вывод. Русской интеллигенцией позволительно именовать круг широко и всесторонне образованных людей, ставивших своей стратегической целью последовательную деятельность по обеспечению максимального политического и экономического благоденствия Отечества при полной личной политической и экономической неуязвимости. Нельзя быть русским интеллигентом, получая зарплату от государства, тем более учитывая при этом, что русская интеллигенция ставила перед собою задачи стратегические, но отнюдь не тактические. Стратегические, то есть, интересы Отечества, а не тактические, то есть, интересы власти или какой-либо политической партии или группы. Тактикой стали заниматься примкнувшие к ней разночинцы, и мы знаем, к чему это нас привело. Тут следует поискать какое-то иное определение для этой, существенно важной для государства межклассовой прослойки.

Но однако вернемся к нашему повествованию.

Существование двух мощных социальных сообществ с разной культурой в едином государстве, тесно связанных друг с другом тысячелетней историей, не могло не породить некоего смешанного социума, оседавшего, как правило, на окраинах городов. Это был своеобразный подкласс городских обывателей, в подавляющем большинстве выходцев из крестьян, а потому обладавших, с одной стороны, культурой деревенско-христианской, а с другой, и дворянско-городской, поскольку как род их занятий, так и само место обитания не могли не наложить своего отпечатка на их поведение, пристрастия, вкусы и

привычки. Беда заключалась в том, что порвав связи с деревней, они растеряли и нравственные основы христианско-деревенской культуры, но не смогли приобрести и дворянско-городскую культуру ни в достаточном объеме, ни в нравственном ее содержании. Обыватели оказались социальной группой, потерявшей одну культуру и так и не приобретшей другой.

Городские обыватели обладали статусом мещан, как правило, были людьми грамотными, в средние века верстались в стрельцы, позже занимались торговлей, огородничеством, извозом, ремесленничеством — всем тем, в чем нуждался город. Их вкусы и привычки соответствовали той странной культурной смеси, которую они приобрели в городе, оборвав деревенские корни и не вырастив городских плодов, вследствие чего они прочно вошли в русскую литературу, а имена их героев в ряде случаев стали нарицательными. В конце прошлого века мещанство послужило основой рабочего класса крупнейших промышленных городов, оставшись по сути все тем же мещанством. Эта огромная по численности часть городского населения России в конце концов и стала доминирующей в России Советской, но об этом — разговор впереди. А пока лишь отметим, что мещанская обывательская среда породила как агрессивный антисемитизм (так называемые «охотнорядцы»), так и преувеличенно крикливое представление о патриотизме. Это ведь мещанство орало в начале столь несчастной для России русско-японской войны на всех манифестациях и шествиях: «Да мы их шапками закидаем!..», перемежая эти выкрики пением «Боже, царя храни!». Может быть, история и впрямь развивается по спирали, поскольку как ура-патриотизм, так и пещерный антисемитизм возродились в наши дни именно на Охотном ряду.

Но сначала несколько слов о еще одном весьма красноречивом и весьма знаменательном парадоксе.

Возможно ли утратить Родину, землю предков своих, «родное пепелище», как говорил Пушкин, сохранив при этом и национальную самобытность, и религию в лишенном Родины и обреченном скитаться по миру народе? Да, этот парадокс вполне возможен, и история предоставляет нам ярчайший пример этого явления.

Две тысячи лет назад евреи были насильственно изгнаны со своей родины, с земли предков своих. Две тысячи лет, гонимые, презираемые и унижаемые, они скитались по свету, ни на йоту не утратив при этом чудовищном, растянутом на века геноциде, ни своего национального своеобразия, ни религии. Евреям запрещалось избирать места своего обитания по собственной воле, а проживать только в специально созданных для этого гетто,

которые сотрясались время от времени кровавыми погромами, но они — выжили. Им запрещалось получать образование, но среди них не было ни одного неграмотного. Запрещалось заниматься целым списком профессий, но они нашли свою нишу в фармацевтике, медицине, музыкальном исполнительском мастерстве, наконец, в ростовщичестве, шесть веков назад послужившем базой для создания банковского капитала. Ни о какой нормальной конкуренции, конечно же, не могло быть и речи — уж слишком неравными были как условия, так и силы — но они восполняли это высоким качеством работы. Естественно, что в чудовищной системе почти двухтысячелетнего геноцида, могли выжить только самые деятельные и самые энергичные. Этот беспощадный, буквально по Дарвину, отбор в конечном итоге привел к тому, что к концу прошлого столетия евреи оказались едва ли не самой пассионарной нацией на земле.

Любопытно, что великие реформы Александра Второго в значительной мере породили и социальный антисемитизм, выведя его из-за бытовых кулис на авансцену русской истории. Это явилось следствием реформы образования, по которой евреям дозволялось его получать, правда, иногда — по решению местных властей — с непременным приобретением личной парты в гимназии, реальном или коммерческом училищах. Сыновья евреев богатого и среднего классов тут же воспользовались этой возможностью, в большинстве случаев оказываясь в числе первых учеников. Правительство России, существовавшее по дворянскому менталитету, то есть, подчеркнуто интернациональному в сути своей, никогда не обращавшее никакого внимания на национальность, но ценившее ум и способности, тут же начало привлекать образованных евреев в чиновничий аппарат и даже в офицерский корпус (в последний, правда, при условии принятия православия), и имена многих евреев вскоре стали широко известны всему русскому обществу.

Именно в это время появляется и широко известная фальшивка «Протоколы сионских мудрецов», реанимированная в наши дни современными антисемитами. Тогда же оживилось, начав расти и крепнуть, и славянофильство во всех своих проявлениях. Его основные черты исчерпывающе определил В. С. Соловьев в письме Стасюлевичу: «На мой взгляд, старое славянофильство было смешением нескольких разнородных элементов, и главным образом, трех: византинизм, либерализма и брюшного патриотизма.

В нынешнем квазиславянофильстве каждый из этих элементов выделился и гуляет сам по себе, как нос майора Ковалева». Только сейчас стало ясным, насколько тогда был прав

В. С. Соловьев: славянофильство в его классическом варианте служило консолидации общества, тогда как славянофильство сегодняшнего дня работает на его разрушение, оставив при себе лишь поверхностный византинизм да гиперболизированный «брюшной патриотизм», с отвратительным запашком агрессивного антисемитизма, напрочь избавившись при этом от всех следов какого бы то ни было либерализма.

В чем же, с моей точки зрения, глубинная причина возникновения антисемитизма в конце прошлого века? Мне кажется, ответ на этот вопрос дал мой современник, служилый русский полуинтеллигент, так объяснивший мне не то чтобы свой антисемитизм — он от него открещивается на все стороны, а свою нелюбовь к евреям:

— А чего они все время суетятся? Чего вперед лезут?..

«Вперед» в данном случае означает, что евреи просто-напросто обогнали на деловом поприще русского коллегу советского розлива, привыкшего никуда не торопиться и — Боже упаси! — не проявлять никакой инициативы. Столь свойственная нам боязнь риска, нерешительность и пассивность, вполне объяснимая всей нашей историей, в суматошные годы первичной — даже не рыночной, а скорее — базарной экономики, позволила более энергичным и рисковым конкурентам легко переиграть нас на многих фронтах борьбы за место под капиталистическим солнцем.

В качестве примера изменения отношений к народам по этой, обидной до невозможности причине, приведу совсем недавно возникших в нашем языке таинственных «лиц кавказской национальности», о которых мы прежде и не слыхивали. Наоборот, до войны да и после оной жители Кавказа вызывали повышенно комплиментарные чувства у русского человека. Они служили примером гостеприимства, неувядающего оптимизма, веселья, бодрости, смелости и удивительной преданности дружбе. Почти в каждом фильме непременнейшим и активнейшим действующим лицом оказывался житель одной из Кавказских республик: вспомните хотя бы фильм Пырьева «Свинарка и пастух». Впрочем, справедливости ради следует заметить, что тогда мы не забывали и о евреях, весьма часто делая их героями наших фильмов. Припомним «Искатели счастья», «Подводная лодка Т-9», где героем оказывался ее командир капитан-лейтенант Рабинович, «Подкидыш» с Фаиной Раневской, «Мечта» и многие, многие другие. Следует особенно подчеркнуть, что в восьмидесятых годах на первое место по абсолютной популярности вышло грузинское кино, а Тенгиз Абуладзе накануне «перестройки» поставил отличный и весьма

многозначительный фильм «Покаяние».

А потом вдруг все изменилось настолько, что жителей Кавказа стали ОФИЦИАЛЬНО именовать «лицами кавказской национальности».

Что же послужило причиной столь резкого изменения наших симпатий?

А то, что с кончиной Советского Союза и официального разрешения заниматься частным бизнесом энергичные, дружные, привыкшие к риску жители Азербайджана, Армении, Чечни быстро и ловко захватили господствующее положение на рынках не только Москвы, но и ряда других городов.

И дело здесь было не в пресловутой «организованной преступности» — она возникла позже, на базе уже приобретенной частной собственности, а в повышенной пассионарности жителей Кавказа, никогда не знавших крепостного права.

Вот свидетельство Александра Дюма-отца, посетившего Кавказ в начале второй половины девятнадцатого века. Он прибыл туда из центральной России и называл жителей Кавказа общим именем, принятым тогда в Европе: «татары»: «Какая разница между этими суровыми татарами и смиренными крестьянами, которых мы встречали от Твери до Астрахани!»

Это разница между свободными людьми и людьми крепостными, а по сути — рабами, о чем разговор пойдет ниже. Вот эта разница и обеспечила жителям Кавказа захват рынков, а нам, русским, унылую компенсацию в виде изменения собственного былого восторга пред их веселой внутренней свободой. Внутренней, подчеркиваю. У нас, русских, она — внешняя, до внутренней надо еще дорасти и, дай Бог, чтобы это удалось нашим внукам и правнукам!

И что же остается в основе как антисемитизма, так и антикавказских настроений? Зависть, и ничего более. Самая черная и самая страшная из всех страстей человеческих.

Еще пример? Пожалуйста. Почему в Советском Союзе не существовало социального антисемитизма? А когда его вздумали возродить, то пришлось, во-первых, прибегнуть к его государственной форме, а, вовторых, затратить немало труда и времени? Да потому что при социализме завидовать практически было нечему. (Хотя и тогда завидовали, да еще как! Вплоть до устранения предмета зависти, но об этом — потом).

Дело в том, что социализм — общественно-экономическая формация, предполагающая власть и благополучие усредненного человека. Не героя, не супермена, не пассионария, не авантюриста, наконец, а человека обыкновенного, в меру талантливого, в меру энергичного, в меру работящего и безмерно

послушного при этом. Естественно, я имею в виду социализм советского розлива, который и погиб-то именно в силу сказанного в предыдущей фразе.

История не терпит сослагательного наклонения: что было — то было. Ничего переделать уже невозможно…

Тогда для чего изучают историю во всех странах и у всех народов? Тогда почему одно из древнейших в мире литературных сочинений — «Илиада» Гомера — рассказывает именно о реальном историческом событии? То же самое можно сказать о русских былинах, об ирландских сагах, о легендах о Нибелунгах, о «Песни о Роланде». Какая необходимость заставляла наших далеких предков рассказывать об исторических событиях в жизни своих народов? Или — точнее — какая потребность?

В предисловии к «Философии истории» Гегель напоминает о том, что «для камердинера не существует героя, но не потому, что второй — не герой, а потому, что первый — камердинер». И в этом напоминании содержится ответ, почему мы начинаем знакомство с историей, еще сидя за школьной партой. И почему курс этой школьной истории в русских гимназиях был несоизмеримо более обширным, нежели в наших сегодняшних, а, тем паче, вчерашних школьных учебниках.

Потребность в этом возникла не вследствие любознательности, а по причине острейшей необходимости формирования в последующих поколениях фундамента для постижения СОЦИАЛЬНОЙ НРАВСТВЕННОСТИ, без которой невозможно существование народа в целом как национального объединения.

Если литература появилась на свет для воспроизводства нравственности ЛИЧНОЙ (а совсем не для приятного времяпровождения), то история — и только история! — есть могучий и постоянный источник воспитания нравственности СОЦИАЛЬНОЙ. Уберите ее из школьных программ, перестаньте восхищаться деяниями исторических героев, сорвите с них венцы героического примера для подрастающего поколения, и вы в конечном итоге весьма скоро (что мы и покажем впоследствии) получите народ, лишенный исторической памяти. Народ, который окажется способным ценить и защищать только место своего обитания. Свою землю, то есть, принадлежащую лично ему географию, которую во всех странах мира именуют Родиной, но не свою самобытность. Вы получите народ без Отечества, народ, состоящий из ущербных сирот, готовых уступить любому агрессору свою землю, если этот агрессор гарантирует, что не прогонит вас с насиженного места. Не с отчих могил, а со знакомого, с детства привычного поля, луга, речки или березовой

рощи. И таковое случалось в истории народов сплошь да рядом.

Мы, сегодняшние русские, восприняли свободу прежде всего как волю, и не могли воспринять ее по иному в силу целой цепи исторических причин. Ради этой «цепи исторических причин» я в данном случае и взялся за перо: это только «НАВЕДЕНИЕ НА ЦЕЛЬ», объяснение необходимости именно такой задачи и именно такого ее изложения. Все воспоследует далее, но пока…

Пока наши книжные прилавки ломятся от книг, авторы которых в меру собственных сил стремятся выяснить темные места, недосказанности, неточности, а то и хронологическую привязку всей истории нашего народа.

Ими движет то ли обостренная любознательность, то ли неутоленное тщеславие, то ли привычное пренебрежение к наукам гуманитарным, то ли соблазн легкой наживы — мне безразличны их родовые позывы. Мне важен результат их стараний в целом. И результат этот весьма неутешителен. Я не могу рассматривать эти попытки иначе, нежели сознательное или бессознательное торпедирование фундамента СОЦИАЛЬНОЙ НРАВСТВЕННОСТИ всего русского народа. Все работы подобного направления написаны КАМЕРДИНЕРАМИ, то бишь, лакеями. Это — холуйское представление о героях прошедших времен. «А у Багратиона штаны сзади были порваны еще до начала Бородинского сражения!.. Вот смеху-то…»

Свобода в странах развитой демократии вовсе не предполагает русского «что хочу, то и ворочу»: подобных сочинителей там ожидает суд и, как минимум, огромный штраф за оскорбление национального достоинства. Но не обладая достоинством личным, мы и представить себе не можем, что, оказывается, существует и достоинство народа в целом! И оплевываем самое святое, что у нас есть. Святее религии, потому что в выборе веры человек волен, это — вопрос совести. Но он неволен в выборе собственной истории: какая досталась ему по рождению, такая и досталась, — это как с родителями. Как назвать подобное оплевывание? С моей точки зрения, глубочайшей внутренней безнравственностью. Точнее, полным непониманием, а что это такое — нравственность и зачем она вообще нужна современному вольному русскому человеку?

Только — русскому ли? Увы, не русскому, что доказывают подобные исторические изыски, а — СОВЕТСКОМУ. Тому самому, которому совершенно несвойственна и совершенно непонятна была нравственная брезгливость, как чисто русская черта характера. Кто, когда, как и зачем лишил нас, русских, присущей нам нравственной брезгливости, мы еще поговорим. Когда дойдем до деяний Советской власти.

Да, историю — не в записи, разумеется — исправить невозможно, но можно — и нужно! — попытаться сгладить последствия деяний прошлого, если эти деяния сказываются в дне сегодняшнем. Если они и до ей поры изменяют ритм наших сердец, затемняют наше мировосприятие, рождают в нас алогичное представление об окружающей действительности, искажают реальное восприятие сегодняшнего дня.

Почему мы воспеваем наших наиболее кровожадных разбойников в культуре крестьянской и восторгаемся террористами в культуре дворянской? Почему самыми высокочтимыми государями у нас всегда оказываются самые жестокие деспоты, балансирующие на грани безумия? Почему Москва — та, дореволюционная — так и не поставила в городе, в котором родился, крестился, короновался и женился Петр Великий, ни одного памятника ему?

Почему, исключая Пушкина, никто из русских классиков более не писал о том же Петре Великом? Почему мы никогда практически не вспоминаем об Александре Втором, отменившем тысячелетнее проклятье Руси, именуемое крепостным правом и пожаловавшем России целый набор реформ, рассчитанных не на латание Тришкиного кафтана, но на века вперед? Почему именно у нас, в стране, заплатившей немыслимую и еще не сочтенную цену за победу над фашизмом, его наследники бодро маршируют по улицам, вскидывая руки в нацистском приветствии? Почему мы работаем ради того, чтобы отдыхать, а не отдыхаем ради того, чтобы лучше работать? Почему мы с куда большим энтузиазмом просим и требуем, нежели ищем собственные промахи и ошибки для того, чтобы их исправить, не прибегая к помощи бурмистров разных калибров? Почему мы не любим собственной интеллигенции, относясь к ней в лучшем случае с насмешкой? Почему мы в первую очередь начинаем искать врагов, которые прямо-таки спят и видят, как бы нас изничтожить? Почему мы воруем у себя же самих и неудержимо, по-детски врем, что в стране люди умирают с голоду, хотя потребление водки на душу населения красноречиво опровергает этот убийственный факт? Почему мы начинаем не доверять властям на второй день после их избрания нашим же добровольным волеизъявлением? Почему мы позволяем себе откровенную хамскую грубость в адрес своего, Первого в истории России, Президента, с которым можно и должно не соглашаться и спорить? Но — спорить, а не публично и ежедневно ему хамить? Почему в нашей стране до сей поры ВЫБИВАЮТСЯ (мягко говоря) признательные показания у ПОДОЗРЕВАЕМЫХ, то есть, еще совсем не преступников? Почему мы постоянно и прилюдно унижаем своих женщин матерщиной?

Почему советский городской фольклор прямо-таки из кожи лез вон, воспевая уголовников? Почему экраны наших телевизоров залиты РЕАЛЬНОЙ кровью практически ежедневно? Почему начальники всех степеней говорят с подчиненными на «ты», тогда как Россия никогда этого не делала, исходя из того, что подчиненный лишен возможности ответить начальнику тем же? Почему мы со всенародным восторгом празднуем свои победы и тихо помалкиваем о своих поражениях с их миллионами погибших, хотя победы никогда и ничему не учат, ибо учат только поражения? Откуда в нас такая ярость отрицания, которая заведомо, априори, превалирует над яростью созидания?..

Вот, что сказал почти полтора столетия назад Александр Дюма-отец, автор столь любимых нами романов, человек, обладавший и даром наблюдательности, и талантом публициста.

> «Вот так все и делается в России: никогда начатое дело не доводится до конца, не простирается за пределы абсолютной необходимости конкретного момента. Когда же нужда миновала, начатое дело бросается на полпути, на произвол судьбы — вместо того, чтобы поддержать, довести до конца, пополнить, продолжить, завершить. Россия является неуправляемой стихией, она вторгается, чтобы уничтожать. В ее современных завоеваниях есть отголоски варварства скифов, гуннов и татар. Нельзя понять — тем более при современном уровне цивилизации и культуры — эту одновременную и равную потребность в захвате чужого и беспечность в сохранении и улучшении собственного».
>
> *(А. Дюма. 1859 год.)*

И напоследок — еще одно недоумение, которое хотелось бы понять и объяснить.

Почему наше самоназвание суть прилагательное, а не существительное, как у всех прочих народов? «РУССКИЙ», то есть принадлежащий… кому? Никого более мы прилагательным не называем, даже тех, кто проживает в России или совсем рядом с нами. Например, украинец, белорус, литовец, чуваш, татарин, цыган, чукча и так далее. Вот эта загадка и будет первой темой дальнейших размышлений.

А пока — продолжим.

Мы наследовали ПОНЕДЕЛЬНИК обитания, позавчерашний день, и отсюда — все наши беды. Мы живем не в своем времени. Когда, почему и каким образом мы вывалились из него?

Чтобы понять это, придется вспомнить все ступени,

пройденные нашим Отечеством от рождения до гибели. Понять, какие страсти двигали Россией от момента ее первого крика до старческого хрипа мучительно затяжной агонии.

Предлагаемое — не исторический трактат. Это попытка вспомнить о страстях, прикрытых мифами, легендами и псевдонимами.

«У нас, в России, две напасти: Внизу — власть тьмы, вверху — тьма власти».

Глава первая
РОЖДЕНИЕ

1.

Нам повезло: в отличие от очень многих народов мы точно знаем, кто и когда заложил первый камень в фундамент нашей державности. Знаем его имя, звание, должность, даже расовую принадлежность, хотя последняя нашей историей никогда не уточнялась. И это понятно: при рождении никто не задумывается о национальности младенца. Но потом, еще в детстве, начинают просыпаться страсти, и первейшей из них является страсть самоутверждения. Все народы переболели ею, но только у нас болезнь эта приняла характер хронический. Мы особенно не рвались приобретать мудрость, и самоутверждение так и осталось главнейшей чертой нашей национальной натуры. И эта затяжная детскость — тоже вопрос, требующий разъяснения, мы обязаны в нем разобраться, чтобы понять, почему бес продолжает ломиться в ребра, когда борода уже стала седой.

Может быть, именно неопределенность происхождения и стала причиной того, что мы забыли имя первого архитектора нашей державности? И если бы не прекрасная баллада Пушкина — Ох, недаром он поведал ее нам, недаром! — мы бы так и не знали имени этого князя со школьных времен. Правда, исория, равно как и литература, не числятся в любимых предметах нашего школярства (а школярство, должен сказать, и есть основа нашего всеобщего гуманитарного просвещения, перекочевав из семьи в школу, но это — разговор особый), почему мы и забываем о нем и в жарких, самодовлеющих потугах юности, и в суетных заботах зрелости, а в старости выясняется, что внукам передавать нечего, потому что забыли мы малопонятную и малопочтенную для нас мудрость филологических знаний. Иначе я никак не могу понять необъяснимый факт забвения этого героя древности нашей, хотя был он и воином, и основателем, и строителем государственности нашей. Но не называют в его честь ни городов, ни улиц, ни боевых кораблей, ни даже новых моделей скромненьких отечественных автомашин. Уж скорее назовем мы их именем одного из самых двусмысленных персонажей русской истории, этакого реально существовавшего Плюшкина, в насмешку прозванного современниками Калитой за уникальную мелочность и скаредность, нежели хотя бы так вспомним о

первом князе первого государства восточных славян Великого княжества Киевского, которого звали — напоминаю! — ОЛЕГ.

Мало строк отведено ему в истории, согласен. Да и имя его, прочно вошедшее в гражданские «святцы» нашего века, совсем не славянское, а — древнегерманское («Хельги» — святой, равно как и женский аналог его Ольга — древнегерманское — «святая»), а мы, преклоняясь, как папуасы, пред иностранными обозначениями фирм, названиями магазинов да загадочным звучанием словечек из заграничного жаргона, в истории своей иностранцев не жалуем, поскольку этого не велел делать товарищ Сталин еще в конце сороковых. А то, что сказал этот НЕИНОСТРАНЕЦ даже походя, для нас — святее самой Библии при всех наших нынешних крестах как окрест, так и на груди.

Но великий Киевский князь Олег — это Глава первая нашей истории, у которой было и некое подобие Предисловия или, точнее — Введения. Вот о нем и напомним.

2.

В середине 9-го века восточнославянские племена, осевшие на великом торговом пути «Из варяг в греки», открытом еще в Каменном веке, заключили Тройственный союз из Новгородских словен, кривичей и веси (угро-финское племя). Заключали они его, исходя из целей торговых, а совсем не военных, но что-то при этом у них не заладилось. Что-то не поделили — то ли затрат на кормление лодейщиков, то ли мытных доходов за транзит товаров, то ли причитающихся каждой из высоких договаривающихся сторон процентов вознаграждения, а только нарушился «наряд», как тогда это называлось, то есть, договорной порядок самой хозяйственной деятельности прежде всего. Долго спорили, к «консенсусу», как модно сейчас говорить, прийти не смогли, и решили поискать независимого третейского судью. Просить на эту ключевую должность кого-либо из самого Тройственного союза было бесперспективно; из соседних государств — опасно; абсолютно незнакомому ни с сутью проблемы, ни с расстановкой политических сил и векторов экономических интересов — бессмысленно, а посему предки наши, поразмыслив и почесав в потылицах, решили пригласить судьею человека, никак не связанного ни государственными, ни родовыми обязательствами, но хорошо понимающего, кто есть кто, и что от него лично требуется. А таковым мог быть только ВАРЯГ.

ВАРЯГАМИ на Руси называли речных и морских пиратов,

грабивших прибрежные и приречные селения, а заодно и сам торговый путь «Из варяг в греки» (почему, кстати, он так и назывался: варяжские разбойные ватаги практически невозможно было обойти). Удобство избрания из их среды Третейского судьи заключалось в том, что варяги не имели ни роду, ни племени, ни, тем паче, государственной принадлежности, но, регулярно грабя торговые караваны, отлично разбирались в ситуации. На родине, а породила их Скандинавия, в течение двух с лишним веков поставлявшая лихих флибустьеров как для Европы, где они назывались викингами, так и для современной России, где их именовали варягами от древнегерманского «вар» — верность, порука, обет; то есть «союзники, члены корпорации» (Фасмер) — основным условием для члена разбойной ватаги было отречение от рода своего. Отрекшись от всех родственных связей, варяги давали клятву верности своему выборному вождю-конунгу, и более не имели никаких обязательств. И это обстоятельство вполне устраивало перессорившихся участников Тройственного согласия, поскольку избранный ими варяг не мог действовать в пользу четвертой стороны за неимением таковой.

Летопись сообщает, что в качестве третейского судьи был приглашен конунг варягов некий Рюрик. Таково написание этого имени в исторических документах, а расшифровывается оно, как Хродриг (древнегерманское имя: «хрод» — слава, «рик» — богатство, могущество. Отсюда современные европейские имена Родерик, Родрик, Родриго). Конунг Рюрик не отказался от лестного предложения, но пришел, как утверждает летопись, не один, а с двумя братьями Трувором и Синеусом. Первое имя скандинавского происхождения, второе — явно славянского, но суть не в именах. Суть в том, что «братья Рюрика» — более поздняя легенда, по неясной причине попавшая в летопись.

В самом деле, представьте полновластного конунга, этакого капитана Флинта раннего средневековья, которого вдруг пригласили на почетную и очень выгодную должность в богатое межгосударственное объединение: зачем ему делить власть и богатство с кем-либо еще? Он, что, альтруист при его-то способе добывать кусок хлеба с ветчиной? Этакий скандинавский король Лир, прошедший беспощадную пиратскую выучку? Абсурд: властью не делятся и в наши дни, а уж в те времена — тем более. Ладно уж поделиться со своим «корешом» по прежней профессии Трувором, но славянин Синеус тут-то причем? Добавим к этому, что вскользь упомянутые «братья» Синеус и Трувор более ни в каких текстах никогда не упоминаются и никаких потомков за ними не числится, хотя они представлены в летописи далеко не рядовыми варягами, а соправителями самого конунга Рюрика.

Была бы полная неясность, если бы летопись не указала, куда именно отправил их Рюрик, вступив, так сказать, в должность. Так вот, Трувора он назначил в Изборск, то есть, в землю кривичей, сам сел в в Новгороде, столице словен-новгородцев, а Синеуса заслал аж на Белоозеро, где проживала весь, народ угро-финский. Таким образом все три племени, составлявшие Тройственный союз, — словене, кривичи и весь — получили по персональному управляющему, а учитывая, что сам атаман оставил за собою Новгород, за ним осталась и дирижерская палочка во всем этом руководящем трио.

Кстати, упомянутые «братья» вполне могли быть и из варяжской ватаги Рюрика, поскольку варяг — не национальность, выражаясь современным языком, а — профессия, которой занимались не только выходцы из Скандинавии, но и финны, и жители Прибалтики, и сами славяне, по тем или иным причинам разорвавшие связь с родом своим. И это тоже следует иметь в виду.

Попав в Новгород в качестве лица, облеченного огромным влиянием, Рюрик не стал мелочиться и весьма скоро прибрал к рукам всю власть вообще, став первым в истории новгородским князем.

Возможно, что тут сыграло роль упомянутое в летописи восстание новгородской голытьбы под руководством некоего Вадима, поскольку попытки добиться справедливости силовыми методами никогда добром не кончаются. Как бы там ни было, но Рюрик оказался князем Господина Великого Новгорода с правом наследования своего высокого звания. Однако ничего путного, кроме своих потомков-Рюриковичей более в нашей истории так и не оставил. Слава основателя первого государственного объединения восточных славян досталась некоему Олегу, о чем мы уже упоминали. А княжение Рюрика оказалось всего-навсего лишь кратким Введением в длинную Историю государства Российского.

Теперь вернемся к главе Первой, к истории восхождения к власти и правления таинственного Олега.

Он тоже не был славянином, но если национальная принадлежность Рюрика не оказала ровно никакого влияния на судьбы нашего народа, то с Олегом все было наоборот настолько, что мы и по сегодняшний день несем на себе убедительную печать его решительного вмешательства в нашу историю.

Летопись наша подробно описывает известные ей восточнославянские племена и их соседей. Как правило, соседями наших предков были народы угро-финского корня, потомки которых и поныне продолжают жить среди нас. Однако в год

призвания Рюрика (862), когда решено было разыскать некоего третейского судью, читаем:

> «И пошли за море, к варягам, к РУСИ. Те варяги назывались Русью подобно тому, как другие называются свеи (шведы), а иные норманы и англы…»

Варяг никак не называется, поскольку варяг, он и есть варяг: пираты поднимают над своими судами отнюдь не государственные флаги. Возможно летописцу надо было как-то объяснить, почему союз славянских племен вдруг стал называться Русью, и он сообщил об этой причине сразу же, не вдаваясь в излишние подробности. Однако это известие вполне может оказаться и позднейшей вставкой, поскольку упомянутое племя жило непосредственно на территории, позднее ставшей местом проживания славянских народов, еще в начале Первого тысячелетия. То есть, две тысячи лет назад. До появления в этих местах сколько-нибудь замеченных историей славянских племен: они появились позднее, расселившись севернее озера Ильмень, где в девятом веке и заложили город с красноречивым названием Новгород.

3.

В четвертом веке нашей эры сорвались с насиженных мест жители балтийского побережья, ранее переселившиеся туда из южной Скандинавии. Готы, древнегерманское племя. С чего это вдруг народ в полном смысле этого слова — то есть, все население, все племя, может быть, за небольшим исключением, с женщинами, детьми, скотом, припасами — поднималось тогда с привычных мест обитания и начинало куда-то двигаться в поисках лучшей доли, не очень ясно. Возможно, природные ресурсы подходили к концу — пастбища истоптаны, пахотная земля истощена, рыбные стада подорваны. Возможно, какие-то внутренние факторы на них влияли — безумные пророки, знамения и тому подобное — а только это случалось в истории неоднократно, и известный русский историк Л. Н. Гумилев нашел для этого эффекта объяснение в пассионарном толчке. То есть, в силах почти космических, в заряде внезапной дополнительной энергии и — в особенности — воли, воспринятой тем или иным народом спонтанно и толкающим его на действия алогичные с точки зрения нормального стремления каждого народа к определенной консервации уже достигнутого. Как бы там ни было, а готы двинулись на юг, придерживаясь, в общем,

известного с древнейших времен Торгового пути «Из варяг в греки». Вполне вероятно, что к ним примкнули «лишние люди» из тех племен, которых они задевали при своем движении — искатели приключений с повышенной жаждой новых впечатлений, не нашедшие возможности приложения своих способностей и сил в собственном племени всегда найдутся. Статистика уверяет, что около двадцати процентов населения любой страны всегда было внутренне готово поискать счастья на стороне — вспомните о заселении Америки, Канады, Австралии, Новой Зеландии и т. д.: не одни же каторжники осваивали новые континенты. Нет, в основе своей первопроходцами всегда были люди с повышенной страстью к свободе, независимости и — мечте. И эта мечта толкала их на рискованные авантюры. И толкает сегодня, в наши дни: пятая часть населения любой страны рождается с необъяснимой тягой к новому и с конфликтной тоской в душе своей.

4.

Но вернемся к переселению готов неизвестно куда. По пути своего продвижения они вступили на ныне нашу территорию, отбросили финно-угорские племена, а заодно и славянские, проживавшие южнее озера Ильмень, и встретились с народом, самоназвание которого ныне хорошо известно всем, а нам — в особенности. Этим народом были РУСЫ, впоследствии обитавшие южнее озера Ильмень.

По счастью, историк готов Иордан описал эти встречи достаточно подробно для того, чтобы сегодня разобраться, кем же были эти русы. А были они потомками россомонов, древнегерманского племени, издревле обитавшего в этих местах и, естественно, говоривших на древнегерманском языке. Они были известны в Европе под разными названиями: русы, роги, руги, рузы, рутены. Епископ Адальберт, к примеру, называл киевскую княгиню Ольгу «королевой рогов», но суть не в этом. Суть в том, что топонимика района их предполагаемого обитания и по сегодняшний день хранит память о них. Это и речки Руса и Руза, и похожие словосочетания, и, наконец, городишко Старая Русса, название которого в древности писалось через одно «С». Здесь произошло знакомство готов с русами, и Иордан счел нужным подчеркнуть разницу между русами и их южными соседями славянами, чтобы впредь их не путать. И особенно подчеркнул три признака, по которым это легко сделать.

1. Русы бреют голову начисто, оставляя лишь первородный

клок волос на темени, тогда как славяне стригут волосы в кружок («под горшок»).

2. Славяне всегда умываются под струей текущей воды, тогда как русы делают это в тазу, что и по сей день типично для всех европейских народов древнегерманского происхождения.

3. Наконец, главное. Он уверяет, что земли здесь небогатые, а посему основным занятием русов является не земледелие со скотоводством, а насильственное взимание пошлины с товаров, поступающих по торговому пути «Из варяг в греки», а то и попросту грабеж с последующим сбытом добычи хазарским купцам. Запомним это, поскольку подобное занятие уж очень напоминает нам о пиратстве варягов.

Вероятно, русы оказали существенное сопротивление готам, поскольку были отброшены с занимаемых ими земель в совсем уж некормные неудобья и частично рассеяны. Готы отправились дальше на юг, а русы — остались где-то в заильменьских болотах, постепенно приходя в себя от разгрома. На это, естественно, потребовалось немало времени, и когда они сумели возродиться, как организованный социум, оказалось, что их земли севернее озера Ильмень заняты пришедшими на свободное место славянами, которые долго сохраняли это название, пока оно не заменилось на новое: новгородцы. По их главному городу, который они успели не только построить, но и укрепить.

Вот об этом-то народе русов наша летопись по какой-то причине и не упоминает в перечне славянских племен и их неславянских соседей. Но, как уж было сказано выше, под 862-годом вдруг извещает, что депутация от Тройственного союза — новгородских словен, кривичей и веси — в поисках третейского судьи отправилась — цитирую: «И ПОШЛИ ЗА МОРЕ, К ВАРЯГАМ, К РУСИ.»

Позвольте, за какое море? За Балтийское? Тогда они пришли бы к шведам, но летопись специально оговаривает, что то были не шведы («свеи»), а — Русь. Тогда через какое море им пришлось переплывать, если учесть, что «за море» означает его пересечение? Через Финский залив они попали бы к финнам, которых хорошо знали, и, следовательно, никакого уточнения («к руси») не потребовалось бы. По морю — не «за море», подчеркиваю! — прибыли бы к племенам прибалтийским, которые тоже им были известны, поскольку они являлись их торговыми партнерами. Тогда куда же, за какое море направили свои челны наши предки?

А если предположить, что так они называли озеро Ильмень? Ведь говорим же мы — «Славное море, священный Байкал»? Ведь даже официально именуем же мы Каспийское и Аральское (увы,

уже не существующее) озера морями? Ильмень в те времена был существенно больше, чем сейчас, на нем, лежащем на продуваемой со всех сторон равнине, случались и бури, и шквалы, и штормы, и пересечение его в то время было делом совсем не простым.

А что понимали под словом «море» наши предки? В олонецком и онежском диалектах «море» означало «озеро», то есть, прежде сего — огромный водный бассейн. В «Житии Александра Невского» «морем» именуется Чудское озеро. Вряд ли будет большим преувеличением предположение, что в записи легенды о призвании варягов автор летописи употребил слово «море» в значении прежде всего большого водного пространства, которое требует не просто пересечения, как, скажем, река, но пути длительного и рискованного. Путешествия — «За». За пределы привычной ойкумены, а на запад я ее покидаю, на восток, юг или север — в данном случае безразлично. Главное — далеко. Событие.

Да, скажет читатель, допустим. Но причем тут тогда варяги, из среды которых наши многомудрые предки решили избрать третейского судью для восстановления порядка?

Вопрос вполне закономерен, но вспомните, как характеризует русов готский историк Иордан в третьем пункте своих предупреждений о принципиальной разнице между русами и славянами? По его словам, русы занимались грабежом торговых караванов. То есть, с точки зрения нормальным трудом кормящихся народов были теми же варягами, только — оседлыми, выходящими на промысел с началом навигации, а зиму проводящими не на тоскливых варяжских зимовьях, а в городах и селах со своими женами и семьями. Может быть именно по этой причине наша летопись и разъясняет, что они не шведы, не норманы, не англы, то есть, не народы, живущие праведными трудами и лишь время от времени выбрасывающие из своей среды орды «криминальной», как мы сказали бы сегодня, молодежи. Нет, они именно РУСЫ. Они живут пиратским ремеслом, не отходя далеко от домашних очагов.

5.

Это предположение помогает распутать множество неясных мест летописи. Тут и непонятное появление Олега — появление вдруг, внезапно, «деус экс махина» (бог из машины), как именовали подобное появление персонажа трагедии древние греки. Летописи называют его то родственником Рюрика, то

воеводой Игоря, но если он стал конунгом русов после ухода последнего в Новгород, то все встает на свои места, потому что ему есть, откуда придти: он — рядом, в уже возникшей связке между новгородцами и русами. Здесь же и непонятное количество доселе неизвестных русов в Киеве, больше похожее на нашествие, нежели на помощь Олегу в его борьбе с Аскольдом за власть. Тут и последующие набеги воинственных русов на побережья Черного моря, в Хазарию и даже в Закавказье. Тут, наконец, и объяснение деления жителей Киевской Руси на славян и русов, старательно подчеркиваемое в летописи, которое исчезает только в третьем поколении после прихода Олега с войском в Киев, и древнегерманские имена дипломатов, подписавших договор с Византией под красноречивым обозначением «мы от рода русского» после похода Олега на Царьград, и многое, многое другое, к чему мы еще вернемся.

Поэтому я позволю себе придерживаться этой гипотезы. Кроме всего прочего, я исхожу из того, что цель моей работы не историческое исследование, а популярное изложение русской истории с максимальной многовариантностью возможных причин и следствий ее ключевых событий. Мне кажется, что свойственный нам комплекс национальной неполноценности надо преодолевать не в пустопорожних спорах, а в понимании, что записанная история всегда есть документ политический, то есть, выражаясь языком современным, ангажированный («ангажировать» (фр.) — приглашать, заключать контракт, например, с артистом). Иными словами, работа эта всегда была негласно договорной с оплатой либо денежной, либо — борзыми щенками. У нас, на Руси, летописцев ангажировала, как правило, церковь со всеми, вытекающими отсюда последствиями в виде угодных заказчику мифов.

О, эти заумные споры между западниками и славянофилами! Бог весть, когда они начались, но уверен, что они так никогда и не закончатся, хотя в наших летописях ясно и недвусмысленно указано, что предки, не сладив с разноголосицей в Тройственном союзе новгородских словен, кривичей и угро-финнов, решили пригласить третейского судью. Выбор пал на варяга Рюрика, за которым послали посольство «К варягам, к руси». Пришел Рюрик, навел порядок, а заодно и подобрал упавшую власть.

Никого это тогда особо не беспокоило (возможно, потому, что они и слова-то такого не знали: «ПАТРИОТИЗМ»), но и в прошлом, и ныне почему-то не прекращаются утверждения, что вышеупомянутый Рюрик этот был… славянином. И никто не дает себе труда обратить внимание, что имячко-то у него отнюдь не славянское, а древнегерманское. Хродриг, то есть, по-нынешнему,

Родриго. Ну, ладно, Бог с ним, с Рюриком, но ведь и имена последующих владетельных киевских князей того же древнегерманского происхождения: Олег, Игорь, Ольга. С ними-то как быть? Ведь только внук Рюрика Святослав Игоревич наконец-таки приобрел славянское имя. И только со времен его сына, то есть, правнука Рюрика Владимира Святославича, летопись перестает противопоставлять славян русам, называя их единым народом.

Но вернемся в девятый век. В 879-м году умер Рюрик, передав, как сказано в летописи, княжение свое Олегу вместе с малолетним сыном Игорем. В Лаврентьевской летописи Олег назван родичем Рюрика, но иные списки этого не подтверждают, что представляется более правдоподобным.

Уж очень, как говорится, «видны уши» в утверждении Лаврентьевской летописи, то есть, следы заведомого заказа: правящая династия — а правили Русью потомки Рюрика — не должна прерываться, иначе теряется преемственность, а, следовательно, и законность наследования оказывается под вопросом. Олег собрал войско, подкрепил его наемными варягами и двинулся вниз, через волоки, к Днепру.

Он шел на Киев, в котором княжил то ли один Аскольд, то ли совместно с неким Диром. Относительно совместного правления в те суровые времена у меня есть серьезные сомнения, но сейчас — об ином: кем он мог быть, этот узурпатор? Имя у него — равно как и у его сомнительного соправителя Дира — древнегерманское, летописи говорят, что эти захватчики стольного города полян были до этого боярами Рюрика, но что-то тут не совсем ясно. В то, весьма «крутое», выражаясь современным новоязом, время письменные договора заключали редко, а вот клятвы на верность — сплошь да рядом. По-славянски клятва вождю называется рота: знакомо, неправда ли? Да, да, с тех времен эта «рота» и дожила до наших дней, обозначая единицу воинского подразделения (около ста человек), устную клятву которых вождь мог проконтролировать. Если бояре Рюрика Аскольд и Дир по согласию с ним решили отправиться в Киев, они обязаны были дать клятву исполнять его повеления. При подобных клятвах славяне клали перед собою оружие, а представители древнегерманских племен клали перед собою оружие, а представители древнегерманских племен вонзали перед собою меч и клали руки на его перекрестие: на некоторых иконах запечатлен именно момент клятвы. За нарушение клятвы безусловно следовала смертная казнь ослушника. Конечно, никакого аппарата полиции тогда не существовало, но уважение к клятвам подкреплялось необратимостью наказания за их

нарушение. Имена клятвопреступников тотчас же становились известными соседствующим конунгам, повторная клятва не принималась никем, никогда и ни под каким видом, и клятвопреступник оказывался вне варяжского закона. Его мог убить любой хотя бы ради того, чтобы получить награду за наказание клятвопреступника.

Нет, в случае с Аскольдом что-то явно не сходится. Попробуем поискать более достоверные варианты, откуда он мог явиться и почему осел в Киеве.

Ну, почему осел в Киеве — понятно: город богатый, а владыка его, то бишь, Рюрик, далеко. И, говорят, стар, такие конунги не очень-то любят срываться с насиженных мест. Да, но откуда он, Аскольд этот, мог в Киеве появиться?

Есть сведения, что потомки россомонов были распространены в Восточной Европе довольно широко, что неудивительно, если припомнить, что славяне тоже когда-то густо населяли междуречье Одера и Эльбы: в раннем Средневековьи государственные границы проходили не по этническим разделам меж племенами, а в рамках, которые способен был охранять владетель. Король, герцог, князь, конунг. Там проживало сборное население, и представить, что потомки некогда грозных россомонов селились не только в южной Прибалтике, допустимо. Некоторые исторические сведения указывают, что родственные прибалтийским русам рутены проживали в Донецком бассейне, откуда приходили по весне на Черное море грабить прибрежные города и села. В «Житии святого Серафима Сурожского» содержится любопытное известие, относящееся к 8-му столетию:

> «Воинственный и сильный князь Новгорода русского… Бравлин с многочисленным войском опустошил места от Корсуня до Керчи, с большой силой пришел к Сурожу… сломал железные ворота, вошел в город с мечом в руке, вступил в святую Софию… и ограбил все…»

Известный нам Господин Великий Новгород в указанное время еще не существовал, имя князя Бравлина нигде более не упоминается, а если под русами понимать славян, то как они могли дойти до Крыма через Дикую степь, когда это было немыслимо трудно осуществить и добрых восемь столетий спустя? Дорог не существовало, степь кишела ордами воинственных кочевников, обозы с продовольствием для войск просто невозможно было бы провести сушей до Крымского полуострова. Нет, славяне в данном случае отпадают. Тогда — кто же такой «князь Бравлин»?

Разгадку предложил известный историк Вернадский. Сопоставив все известные исторические документы, он доказал, что под Новгородом русским имеется в виду Неаполь Скифский, то есть, современный Симферополь. Русы — потомки россомонов, разгромленные готами и распавшиеся на отдельные анклавы (а, возможно, и на племена), известные современникам под названиями русов, рогов, рузов, рутенов и т. д… которые расселились после разгрома от озера Ильмень до бассейна Донца. Вот отсюда-то, с Донца, достичь Крыма не так уж и сложно, что и проделал местный предводитель воинственных русов некий Бравлин не столько ради грабежа крымских городов, сколько ради выхода к Черному морю. Русам это удалось, после чего они в течение двухсот лет наводили страх и ужас на все Черноморские города и поселки своими беспощадными и чрезвычайно жестокими набегами.

Вот откуда мог заявиться в Киев Аскольд вместе с Диром или не вместе — это не столь уж важно. Важно, что он захватил город, оседлал торговый путь «Из варяг в греки» и взимал пошлину с проходящих караванов, что Новгороду понравиться никак не могло. Именитые люди — бояре и купцы — ворчали, обвиняя князя Рюрика в нарушении договорных обязательств охранять торговые пути, поскольку доходы начали ощутимо падать. Однако у Рюрика уже не было сил на столь далекий боевой поход, он тянул, новгородцы начали угрожать восстанием, и тогда Рюрик вынужден был согласиться. Вполне возможно, что этому согласию предшествовал договор со своим преемником, конунгом Ильменских русов, доселе нигде не упоминавшимся Олегом. Вполне возможно, что Олег за врученную военную власть принес клятву, что посадит на Киевский Стол («Престол», то есть, передаст Игорю верховное княжение по достижению им определенного возраста) после взятия Киева. И вручил ему малолетнего сына, как живое доказательство права Олега покарать Аскольда.

В пользу этого предположения говорят два факта. Первое: киевляне и не подумали о том, чтобы поддержать Аскольда, оставив его лицом к лицу со всеми силами Олега ВНЕ СТЕН ГОРОДА. И второе: Олег, как известно, и впрямь предъявил им законного претендента на власть, подняв на руках малолетнего сына Рюрика Игоря и напомнив о принесенной Рюрику роте на верность.

Как бы там ни было, а поход на Киев состоялся сразу же после смерти Рюрика. Всеми военными силами командовал уполномоченный на это Олег, а в обозе следовал законный наследник. После убийства Аскольда Олег предъявил им этого

наследника, киевляне выразили свою радость по этому поводу и…

И в этот самый торжественный момент напоминания о клятве над поверженным захватчиком да еще с законным наследником на руках Олег и произнес знаменитую фразу. Фразу, не только отмечающую собою акт рождения нашего, первого в истории государства, не только решение о том, что отныне город Киев будет столицей нового государственного объединения, но — самое главное — в словах Олега содержалось и само название новой державы: — КИЕВ БУДЕТ МАТЕРЬЮ ГОРОДОВ РУССКИХ!..

Глава вторая
ДЕТСТВО

1.

— Киев будет матерью городов русских!

Выражаясь современным языком, Олег объявлял Киев столицей всех городов, подвластных Руси. Кое-какие мы можем себе представить: Новгород, Ладога, Белоостров, Изборск, Смоленск — все те города, которые перечисляет летопись наша, как владения Тройственного союза. Остальные Олегу пришлось захватывать силой, как, например, упомянутый в летописи Любеч. А вот Киев он не штурмует, и это — понятно. Киев еще до Олегова рывка на юг принес роту на верность Рюрику и, следовательно, входил в состав городов, уже принадлежащих Руси.

Попытаемся восстановить, как могли размышлять оба полководца — Олег и Аскольд. Один — наступает, второй — обороняется.

ОЛЕГ. Длительное продвижение к встрече с противником по воде: иных путей тогда просто не существовало, войско через чащобы не проведешь, а уж обозы — и думать нечего. Сплав по пути «Из варяг в греки» пролегал через земли славянских племен, из которых новгородцы — тыл, обеспечение лодьями и обслуживающим плавание составом — заинтересованы в сокрушении конкурента, захватившего Киев. Кривичи — волоки, ремонт судов, ближайшие тылы и снабжение продовольствием — тоже заинтересованы в том же, поскольку Смоленск, как и Новгород стал значительно меньше получать прибылей от торговли. Наконец, сами киевляне всегда предпочтут Рюрика Аскольду, так как это вдвое уменьшает поборы с населения, которому приходится кормить прожорливую рать Аскольда, платить ему же налоги и — не получать ни гроша прибыли от торговли, которую захватчик прибрал к своим рукам. Стало быть, все три мощных славянских племени будут энергично способствовать продвижению войск Олега. Остаются племена, расположенные по обеим берегам Днепра, но, во-первых, в значительно меньшей степени связанные с торговыми караванами, а, во-вторых, формально не приносившие роту на верность Рюрику. С ними необходим договор на беспрепятственный пропуск войск под любые обещания, потому

что в противном случае Аскольд может перехватить инициативу и — посулами или силой — заставить вмешаться в спокойный сплав флота наступающего Олега.

И, если не самое главное, то одно из самых сложных обстоятельств, которое невозможно просчитать: собственные войска. Они состоят из трех составляющих: личная дружина, нанятые варяги и примкнувшие бесконтрольные отряды искателей легкой наживы. Чудь, весь, ватаги славян, на собственный страх и риск двигавшиеся к Киеву через леса и болота в надежде принять участие в штурме Киева, где и пограбить всласть. Их невозможно проконтролировать и невозможно остановить в прибрежных дебрях. И если собственную дружину он будет кормить сам, то варяги привычно кормятся «с ног», отбирая продовольствие у мирного населения. Пресечь это не удастся, следовательно надо попытаться взять с них обещание брать только самое необходимое. Это трудно, но возможно, а вот удержать от дикого грабежа ватажников — невозможно. И тут следует привлечь славян для защиты их же соплеменников.

Приблизительно так должен был размышлять Олег, затевая свой бросок на Киев. Возможно поэтому он посадил в Смоленске своих представителей, оттеснив племенную власть кривичей: славянские вожди могли поосторожничать, проявить нерешительность в отпоре диким ордам, а русам Олега осторожничать было не к чему. Вполне вероятно, что и взятие Любеча исходило из продуманных заранее планов, и почти наверняка можно сказать, что брать Киев штурмом он не собирался. Ссора с киевлянами была для него равносильна провалу всей задуманной операции.

АСКОЛЬД. Одной дружиной Олегу Киева не взять. Поэтому он, конечно же, привлечет к походу множество трудно контролируемых и не обладающих дружинной спайкой союзников. Варягов, чудь, весь, случайных охотников до чужого добра. Чем дольше протянется осада Киева, тем все активнее и бесцеремоннее варяги и случайные попутчики станут грабить окрестное славянское население. В конце концов обиженное население позовет на помощь кого угодно, хотя бы хазар, только бы защитили их от грабежа и насилия. Вот тогда дружина Олега и получит совершенно неожиданный удар в спину. Воевать с восставшими славянами, а тем более с кем-либо из привлеченных ими в помощь вдали от родных мест Олегу весьма затруднительно, поскольку в случае малейшей неудачи придется возвращаться в полыхающей восстанием стране. И русам останется одно: отступать, не ввязываясь в бои, чтобы сохранить

дружину.

Стало быть, главная задача — заручиться поддержкой и военной помощью киевлян. С одной дружиной можно и не дождаться народного возмущения и бунта. Естественно, за киевскими стенами и при активной помощи жителей города.

Таковы могли быть планы обеих полководцев. Спрашивается, зачем же автор поместил эти планы не ДО похода Олега, а ПОСЛЕ оного? После бесславного поражения Аскольда?

Потому что как Олег, так и Аскольд не понимали и не могли понимать особенностей поведения основного населения. То есть, самих славян, как народа, обладающего нравственными ценностями и характером, непонятным не только для потомков древних германцев, но и для всех прочих своих соседей. Хотя бы просто потому, что славяне пришли в эти места сравнительно недавно, и соседи еще не успели ни толком познакомиться с ними, ни тем более постичь их эти их особенности.

Как они представлялись соседям? По внешнему виду — высокорослыми, сильными и ловкими. Загорелые лица, обрамленные прямыми светлыми волосами, со светло-голубыми глазами, чаще всего — с бородой, окрашенной желтой или черной краской. В длинных рубахах, стянутых поясом, низко спускающихся поверх широких шаровар, стянутых ремешками у колен и у щиколоток. Поверх носили накидку с застежкой на левом плаще, который многие надевали и на голое тело, без рубахи.

Таков внешний вид славянина глазами византийских и арабских торговых людей. Ну, а какими их воспринимали? Как средневековые писатели оценивали их сущность, характер, внутренний мир?

Прокопий. «Живут они скудно и беззаботно».

Лев Мудрый. «Они соблюдают умеренность в пище и предпочитают праздную жизнь трудам ради богатства».

Неизвестный автор. «Они многоженцы, но женщины их свободны и принимают участие в общественной жизни».

Наша летопись сообщает, что славяне (кроме полян) умыкают невест по сговору, а иногда и силой, но если семья заплатила выкуп («вено», отсюда наш венок, знак согласия) коровами или овцами, то кровной мести уже не требуется. Кровная месть среди славян существовала долго и после принятия христианства: кровь за кровь, смерть за смерть, увечье за увечье — таковы были ее основные законы. Это вызывало весьма частые стычки между семьями и родами.

Однако эти постоянные раздоры между славянами не мешали им проявлять удивительное гостеприимство, которое особенно

подчеркивают иностранные современники.

Например, император Маврикий говорит, что у славян существует культ гостя. «Они радушны к пришельцам и дружелюбно провожают их на место, куда тем нужно; если же по небрежности хозяина приключится гостю вред, сосед его ополчается против такого хозяина, считая за бесчестие обиду, нанесенную иностранцу».

Прокопий. «Испорченности или коварства у них вовсе нет, но прямотою их нрав подобен гуннскому».

Германский писатель. «В приглашении гостя славяне как бы соперничают друг с другом, и никогда не приходится страннику самому просить у них приема. Если же случится, что кто-нибудь отвергнет странника, то у славян читается справедливым сжечь дом и имущество такого человека; все единогласно считают его бесчестным, подлым, достойным всякого презрения».

Перечисляя эти качества, все писатели отмечают, что с легкостью отдавая свое, славяне в то же время столь же легко брали и чужое. Это весьма удивляло иностранцев, уже забывших, что их собственные народы когда-то были точно такими же. Эти черты — следствие непонимания и неприятия частной собственности по той простой причине, что в те времена наши предки знали только собственность личную, а всякую иную считали как бы вообще не существующей.

Любопытна сама по себе и этимология слова «гостеприимство». В те времена, о которых идет речь, словом «гость» называли купца. Отсюда ведут свое начало «гостиница» — временное место проживания купцов; «гостинец» — купеческое подношение хозяину дома; современные «гость» и «гостеприимство», и даже — погост. Погост образовался из приречных пунктов остановок торговых караванов для ремонта судов или — просто отдыха. С принятием христианства в таких местах начали ставить церкви или часовни, рядом с ними, как и положено, хоронили умерших на долгом и нелегком торговом пути, и вот эти-то кладбища при церкви и стали со временем называть на Руси сельской погостами, оставив название кладбище для городов.

Однако вернемся к нашему изложению. А как предки наши добывали пропитание? Неужели только охотой, рыболовством да бортничеством?

Нет, основным их занятием было подсечное земледелие. Поздней осенью вырубался березняк, который оставляли на зиму. К весне он высыхал, и его сжигали до тла. Удобрив таким образом тощую землю золой, ее вспахивали «ралом», то бишь, сохой, и засевали просом или рожью. Через три-четыре года

ничем более не удобряемая почва окончательно истощалась, и тогда приступали к соседнему лесному участку. Все повторялось сначала, но никого это особенно не трогало, потому что никто не препятствовал жечь лес. Кроме самого леса, разумеется, с которым приходилось бороться постоянно, потому что лес упрямо вторгался на уже отвоеванные участки. Лес был врагом земледельца. В крайнем случае — серьезнейшей и всегда досадной помехой.

Таков был экстенсивный способ землепользования, вполне естественный в условиях крайнего малолюдья при бескрайних лесных или диких степных массивах. И эта бескрайность полупустых пространств не могла не сказаться на самих основах нашего национального характера.

Мы раздвигали свои границы отнюдь не потому, что нам не хватало «жизненного пространства» для перенаселенной метрополии. Мы — совсем не царь Гвидон, которому стало тесно в бочке. Нам никогда не было тесно, а вот страх голода витал над нами всегда, и зависимость от привозного хлеба — будь то из Суздаля в Новгород или из штата Миннесота в закрома родины была постоянной головной болью наших князей, царей, вождей и предводителей. Тогда звонили в колокола и строили стрельцов или готовили эшелоны для ударной вспашки последних целинных земель.

Сообщения авторов того времени пестрят подробностями боевого духа славян. Предваряя воинские достоинства, они сообщают, что славяне никогда не изменяли своим клятвам. Уж коли она была произнесена, можно было не сомневаться, что все будет исполнено в точности. По их уверениям именно на этом (можно полагать, что на клятве племенному вождю или предводителю) основывалась особая стойкость и упорство славянских воинов в бою.

Вооружение славян, по словам императора Маврикия, «состояло из двух маленьких дротиков, лука и стрел, намазанных ядом, который очень сильно действовал». Другие авторы добавляют к этому ножи, обоюдоострые мечи, секиры, пращи для метания камней и длинные копья. Многие надевали железную кольчугу и шлем: судя по всему, это были профессиональные воины, состоящие на содержании племени, потому что подобное вооружение стоило тогда очень дорого.

Одновременно все авторы (в том числе и наша летопись) отмечают дикость и яростную свирепость славян, особенно удивлявшую тех, кто успел оценить славянское гостеприимство на личном опыте. Пленных, как правило, подвергали мучительной казни, если не могли увести их с собою.

Вырезали на теле ремни, вбивали в головы железные гвозди, сажали на кол, сжигали живьем. Греческие писатели с ужасом вспоминают о славянских вторжениях: «они все жгут, грабят, убивают всех, не имея жалости ни к малым детям, ни к дряхлым старикам, ни к беззащитным женщинам». Век был очень жестоким, но славянская жестокость пугающе выделялась в нем, странно уживаясь при этом свойственным тем же славянам удивляющим Европу гостеприимством. В чем же причина сочетания столь несочетаемых черт общего славянского характера?

А вы вспомните завоевание Северной Америки переселенцами из той же Европы. Как в исторической и мемуарной, так и в художественной литературе (Ф. Купер, Майн-Рид) повсеместно отмечается точно такое же смешение, казалось бы, несмешиваемых черт. Гостеприимство, верность слову, высокое достоинство воина прекрасно уживаются с его невероятной жестокостью. Если бы эта жестокость была направлена только против пришельцев из стран неведомых, было бы хотя бы понятно: «так им, оккупантам, и надо!», как сказали бы мы сегодня, исходя из выученного с детства постулата простейших решений. Но европейских переселенцев трудно причислить к оккупантам: с ними вместе в переселенческих караванах шли женщины и дети, которых тоже не щадила ни стрела, ни томагавк, ни лассо с последующей мучительной смертью. Никакие идейные или ультрапатриотические заклинания не в состоянии оправдать никакой жестокости. Тем более, жестокости обоюдной.

С моей точки зрения эта жестокость была вызвана несовместимостью культур, столкнувшихся на Американских просторах: буржуазно-христианской культуры переселенцев и родоплеменной культуры коренного населения. Настоящего и прошлого, по ступеням которого когда-то восходили все народы, населяющие землю.

Христианская культура Византии столкнулась с нашими предками точно так же, как американские переселенцы столкнулись с коренным населением Америки. Славяне переживали распад родоплеменного строя, тогда как византийские греки существовали в уже ином культурном пространстве. Отсюда и удивление, и восторг, и ужас одновременно звучат в их сочинениях. Фенимор Купер, историки и мемуаристы Северной Америки писали в своих книгах по сути точно то же самое.

Русы уже прошли этап родоплеменной формации, поскольку потерпели разгром от готов, а ничто так не способствует

социальному прогрессу, как поражения. Если победы консолидируют племя, нацию, государство, то поражения всегда нарушают социальную гармонию поиском причин и осмыслением последствий. Разгромленным русам пришлось менять не только место жительства, но и сам способ существования, что и толкнуло их на путь разбоя и грабежей, поскольку и новый ландшафт оказался непривычным, и земля малопродуктивной, а кормить людей надо было сегодня, немедленно, и уж никак не после ничем не гарантированного урожая. Это привело к тому, что роды и кланы ослабели, а пропитание стало зависеть только от мужчин боевого возраста и нрава. Так сложилась иная социальная формация, с выборными вождями (конунгами) и передаче им всей полноты полноты власти. Такая социальная формация называется военной демократией, поскольку воины занимают высшую, решающую все вопросы ступень иерархии, а не собрание всего племени (как, к примеру, вече у славян). И только они, воины, и выбирают верховного вождя, которому и приносят клятву на верность.

А у славян все еще существовало вече, вопросы решались сообща, и земля, охотничьи угодья и даже борти (ульи диких пчел) принадлежали общине. Собственность оставалась общественной и — личной (оружие и орудия, землянка и лодка и т. п.), и никакой частной собственности еще не просматривалось и в ближайшем будущем.

2.

Вот что увидел и, по всей вероятности, понял Олег, совершив военный поход через славянские земли. Конечно, он и до этого как мирно встречался, так и немирно сталкивался со славянами, но славянский океан, распахнувшийся перед ним, требовал иных подходов, действий и решений.

Посмотрим, что же конкретно сделал Олег, устранив конкурентов, перехватывавших доходы с транзита товаров по Великому торговому пути.

Первое. Он объявил Киев столицей принципиально нового государственного объединения — Руси, заняв Киевский княжеский стол от имени сына Рюрика Игоря. Следовательно, вполне допустимо предположить, что славян он более не опасался: сохранив свою дружину, он оказался сильнее всех в этом регионе.

Второе. Именно поэтому он и отправил из Киева всех варягов, переложив на славянские племена оплату за их участие в походе.

И новгородцы платили варягам вплоть до конца княжения Ярослава.

Третье. Неизвестно, сохранил ли он жизнь племенным вождям в Киеве, но известно, что в управлении новым государством они более участия не принимали. Имена не только новых правителей, но и высшей киевской знати на добрых два поколения звучат по-древнегермански. Для примера приведем имена дипломатов, подписавших договор меж Великим Киевским княжеством и Византией: Карлы, Инегельд, Фарлаф, Веремуд, Рулав, Кари, Гуды, Руалд, Фрелав, Руар, Актеву, Труан, Лидул, Фост, Стемид. И все — отчетливо древнегерманского происхождения. И подписывали они эту, дошедшую до нас хартию не от имени Киевского княжества, не от имени славянских племен, а — «ОТ РОДА РУССКОГО».

Это означает, что объявив себя преемником Рюрика и став великим Киевским князем, Олег просто-напросто узурпировал власть. Неизвестно где проживавшие доселе русы, на которых он опирался, отныне становились господами всех славянских земель. В Киеве, например, всего четыре раза за четыре века вече заключало с князем РЯД (договор), предписывая ему определенные условия княжения. Вече с не очень ясными правами остается только у новгородцев. Однако после победоносного похода Олега Новгород оказался всеголишь окраиной огромного государства, целиком зависящей от стольного города Киева.

Так началась оккупация Киева русами. Оккупация, которая длилась около ста лет. И прекратилась не изгнанием оккупантов, не их физическим уничтожением, а вполне мирно. Без широкомасштабного организованного сопротивления.

Это еще не было рабством. Это было полной зависимостью коренного славянского населения от пришлых русов, ставшими политической и военной верхушкой в новом государственном образовании. В Великой Киевской Руси.

3.

Подобные государственные образования способны существовать только при опоре на военную силу. Ее представляли княжеские дружины, а в особо тяжких случаях — появление многочисленного противника на собственно Руси — дружинам в помощь собиралась рать. И если дружины верстались из добровольцев-русов, в знак клятвы на верность князю вонзавших мечи перед собою, то рать была, как правило, добровольным народным ополчением. К ее формированию и вооружению князь

не имел никакого касательства, но свои дружины обязан был содержать сам. Кормить, одевать и предоставлять вооружение, которое тогда стоило очень дорого. Средства на полное содержание дружин — в денежном выражении — князь получал с подвластных ему центров славянских племен. Кроме этого налога существовал и налог продовольственный (на прокорм дружинников), который назывался полюдьем и взимался дружиной непосредственно поздней осенью.

Ну, а славяне, платившие дани, откуда брали средства на содержание княжеских дружин, самого князя и всей государственной системы? Единственным источником была торговля, почему и само это государство выстроилось вдоль Великого торгового пути «Из варяг в греки». С юга, из Византии, шли дорогие ткани, восточное оружие и византийская броня, ювелирные изделия и драгоценные камни, вина, фрукты, пряности, сласти и многое, многое другое. А что шло с севера? Меха, кожа, мед, пенька, воск… Соизмеримо? Нет. Значит, шло что-то еще, что делало торговлю заведомо очень прибыльным делом. Настолько прибыльным, что на доходы можно было содержать целое могучее государство со всеми его вооруженными силами вкупе с правящей элитой.

Что же это был за товар такой, который стоил дорого, но брали его при этом, что называется, нарасхват?

Несколько свидетельств того времени.

Византийский император Константин Багрянородный при описании Днепровских порогов упоминает о том, что «рабов везут скованными цепями, а перед порогами переводят по суше тоже скованными».

Летопись под 944 годом сообщает, что князь Игорь одарил византийских дипломатов, прибывших для уточнения Договора в Киев, мехами, воском и… рабами.

Князь Святослав Игоревич, намереваясь навсегда покинуть Киевскую Русь и организовать новое государство в Болгарии, на последнем совещании с киевскими боярами в присутствии матери, княгини Ольги, уже к тому времени христианки, гордо объявляет, что там, в Болгарии теперь будет центр княжения его: «ибо в столице болгарской, как в средоточии, стекаются все драгоценности искусства и природы: греки шлют туда золото, ткани, вино и плоды, богемцы и венгры серебро и коней, россияне меха, воск, мед и рабов».

Можно привести еще массу примеров, но вряд ли стоит. И так понятно, что являлось основным товаром, поставляемым из Руси. Этим товаром были рабы.

Работорговлей тогда занимались многие страны и народы.

Это было весьма прибыльным бизнесом, выражаясь современным языком, и не поэтому я вспомнил о занятиях наших предков: судить народы можно только по нравственности того времени, но отнюдь не из сегодняшнего дня. Тогда это было просто всеобщее очень выгодное дело, в которое не зазорно было вкладывать силы и средства. Только и всего.

И даже когда на Русь пришло христианство, еще долгое время сохранялись старые привычки и старые способы быстрого обогащения. Вот что по этому поводу писал Н. Андреев («Прошлое русского народа»): «Наиболее значительную часть русского товара составляли невольники. Откуда же набирали их князья? Это был «полон», то есть, пленники, которых князья набирали во время своих походов. В числе этих пленников были не только печенеги, хазары, болгары, чудь (финны), но и славяне. Взаимные распри князей нередко превращались в настоящие войны, и князь победитель брал «полон» у князя побежденного и продавал в Грецию. И так поступали не только князья — язычники, но и князья — христиане. Обличая грехи, навлекшие на русскую землю разные бедствия (главным образом татаро-монгольское нашествие) епископ Серапион писал: «братью свою ограбляем, убиваем, в полон продаем». А это было уже в Тринадцатом веке».

Вот, что подвигло воинственных русов с яростной активностью заняться добычливым ремеслом работорговцев вскоре после того, как они создали собственную державу, принудив многочисленные славянские племена платить им дани и прокормы. И с этой целью ринулись на берега Черного моря, до которого было теперь рукой подать. От их насилий и грабежей стонало все побережье, захваченное в полон население продавалось византийским и хазарским купцам, и греки переименовали Черное море сначала из Гостеприимного («порт Евксинский») в «Негостеприимное», а затем подобрали этому зловещий синоним, назвав его «морем Русским».

К этому названию наши предки-славяне не имеют ни малейшего отношения, ну, а мы, сегодняшние русские, и подавно.

А что же оставалось делать славянам, отрезанным от привычного и прибыльного дела демпинговыми ценами на рабов? Где и как добывать реальные деньги на многочисленные дани тем же русам?

Прежде всего, в мелких межплеменных войнах и набегах на соседей, поскольку пленный издревле считался рабом. Центральная киевская власть, куда больше заинтересованная в прямых доходах с каждого подданного, нежели в уменьшении этих подданных, боролась с военными конфликтами, но бороться

с похищениями соседей ей было весьма затруднительно.

Кроме этих источников на стороне (пусть и недалекой, соседней) существовал родник доходного товара и в собственном племени, что в условиях ломки не только общественного устройства, но и прежнего способа хозяйствования оказалось делом несложным и очень даже добычливым. В рабов стали превращать своих же родственников и соседей, не сумевших вписаться в новые экономические порядки. И вчерашние смерды попадали в рабство, не сумев вовремя отдать долг, свободные землепашцы за те же долги становились закупами, преступившие закон частенько попадали под наказание в виде «потока и разграбления» и отправлялись в то же рабство вместе с чадами и домочадцами.

Так начала складываться система продажи «лиц собственной национальности», чего в Европейских странах, взявших за основу не только Римкое право, но и традиции древнего Рима, никогда не было. Да, там существовала продажа крепостных (сервов), но — только с землей. А наши крепостники продавали своих крестьян, как рабов. Без земли, «на вывод», как это официально именовалось. Чем и пользовался Чичиков, скупая «мертвые души».

Я пишу об этом столь подробно потому, что подобная торговля разделяет людей на хозяев и рабов. На лиц, обладающих правами, и на лиц, никакими правами не обладающих. Все «цивилизованные» народы мира прошли через это деление, но мы расстались с ним последними. И всего-то-навсего полтораста лет назад, когда наконец-таки было отменено крепостное право. А расставшись, ровнехонько через сорок шесть лет вернули если не работорговлю, то — неравенство перед Законом. Оно существует и сейчас под псевдонимом так называемого «двойного стандарта». Двойственного отношения власти к своим гражданам, ярким примером чего является ожесточенная борьба депутатов нашей Государственной Думы за свои особые привилегии и права не только во время их депутатской деятельности, но и после сложения с себя парламентских полномочий. Выходные пособия, квартиры, пенсии, оклады, спецбольницы, спецраспределители, спецтранспорт, спецзалы ожидания, спецсвязь и так далее, и тому подобное. То есть, иные права перед Законом, не как у их избирателей, не как у всех прочих граждан нашего государства. Спецправа. Таково представление наших избранников о демократии, о справедливости, о личном достоинстве, личной чести и личной совести.

Приблизительно такое же представление о достоинстве, чести и совести было и у наших предков. Не у тех, разумеется,

кого отдавали «на поток и разграбление» или вели в цепях вокруг Днепровских порогов, а у тех, кто вел на этих цепях. Нравственные принципы, которыми человек руководствуется всю свою жизнь, закладываются в детстве. Иного ему просто не дано, потому что их недостаточно вызубрить назубок. Нравственность относится к сфере эмоционального воспитания, это — из области человеческих чувств, а не выученных правил и параграфов, и рассудок тут бессилен.

4.

Существует убеждение, что нравственность — основа деятельности религии. Действительно, доброе слово уважаемого — да еще благословенного свыше — человека совершенно по-особому проникает в простые, доверчивые, настежь распахнутые сердца. Является ли это нравственностью или чем-то иным, суррогатным, не то, чтобы заменяющим нравственные принципы, но подкрепляющим их своим авторитетом, порассуждаем ниже. Религии далеко не одинаковы, истоки их суровы, смутны и кровавы, а потому сначала вспомним, кому именно поклонялись наши далекие предки, и как их наивные верования могли отразиться на последующих веках.

Древние славяне были язычниками, как и все прочие народы, так как путь исторического прогресса одинаков для всего человечества. Языческая религия не есть выбор совести, как великие религии современности, но является ступенью осознания окружающего мира, миновать которую невозможно. Этот тип веры не предоставляет человеку никакого выбора, являясь строжайшей племенной традицией, за соблюдением которой жестко следят не только жрецы и племенные вожди, но и каждый член племени, ибо твое неподчинение, твое нежелание следовать заветам предков, с точки зрения представлений того времени, неминуемо скажется на судьбе всего племени. Язычество не терпит ни сектанов, ни отступничества, ни какого бы то ни было свободомыслия.

Как известно, история развивается по спирали, но наша историческая спираль чересчур уж наглядна. Менее десяти лет назад законным образом в нашей стране возродились религии всех конфессий, и тут же весьма жестко сработал эффект исторической спирали. Да, веротерпимость и свобода совести подразумеваются, но чрезвычайно любопытно, что сыновья и внуки тех, кто с яростным неистовством совсем еще недавно сокрушал храмы, вскрывал раки святых и превращал монастыри в

застенки, тут же нацепили крестики и ринулись в Храм Божий со свечками наперевес. Это не второе пришествие Православия на Русь: это пришествие второго язычества. Это не вера во Христа, а суеверие и словоблудие. Это — знак твоей принадлежности к стаду, а не личное убеждение; не голос твоей совести, а требование толпы. Безмысленное и, увы, бессмысленное следование в общем потоке, способное скорее возродить костры инквизиции и охоту за ведьмами, нежели постижение постулатов Нагорной проповеди.

Уже широко распространяются и чисто внешние (кстати, противоречащие христианству, но церковь пока почему-то помалкивает) приметы языческого культа. Вера в заговоры, в сглаз, в «черную» и «белую» магии, в добрую и злую энергии, которые способен излучать тот или иной человек, в потусторонние вполне телесные миры, влияющие на живущих на земле И прочее, и прочее. Добавьте сюда всеобщее увлечение мистикой, в дикое, несвойственное христианской культуре сектантство, в поверхностное, моды ради, кокетство с древневосточными религиями, на постижение смысла которых нужны десятилетия упорного труда, и мозаика сложится в полную опустошенность не столько ищущих душ, сколько сыто дремлющего полузнайства.

А ведь языческая вера предков наших была по-своему стройна и осмысленна хотя бы потому, что обожествляли они не абстракцию, а вполне конкретный, окружающий их мир.

Они поклонялись родникам, рекам и озерам, рощам и отдельным деревьям, холмам и полянам. Они поклонялись самой природе, щедро населяя ее таинственными живыми существами, порою — добрыми, порою — очень непредсказуемыми. В доме жил Домовой, дух предка и дома, и ему ставили на ночь еду. Эта добрая вера, в которой не столько идолопоклонства, сколько благодарной памяти предкам своим, пережила христианство и весь духовный прогресс в целом, оставшись и до сей поры в наших душах, то ли в шутку, то ли всерьез. Мы не ставим ему миску с кашей на ночь, но моя матушка, потерев что-либо, непременно «завязывала бороду» домашнему шутейнику: левой рукой делая узел на висящем полотенце. И что вы думаете? Сразу же вспоминала, куда именно подевалась пропавшая вещь.

Все — с нами, с нами, ничего не пропадает в генетической связи времен, цепочка которой есть нить из глубокой — страшно себе представить, КАКОЙ ГЛУБОКОЙ! — древности. Со времен изгнания из рая, то есть, с того мучительного момента, когда человекообразное существо приняло решение, что оно не должно более жить в природе, лишенное клыков, когтей, яда или

мимикрии. Что единственный способ уцелеть, это уйти из природы в крепость, стены которой суть человеческая культура. Обрыв генетической цепи есть прекращение нити данного существа в бесконечной пряже человечества, объективно выраженной в отсутствии потомства, и поэтому мы, ныне живущие, обречены помнить все. Если, разумеется, и память наша достаточно развита, и чувство великой благодарности к предкам заполняет душу твою.

И моя мама, дочь народника и принципиального атеиста, завязывала дедушке бороду в непременнейшем порядке. В знак благодарной памяти связи времен. Прошлого, настоящего и будущего. Чтобы не «распалась цепь времен», потому что подобный распад ведет к неминуемой гибели всего нашего народа.

Вы испытывали ужас перед темной глубиной воды? Не на море, не на реке, а в прудах, затонах, бочагах, подернутых ряской, где и глубины-то, с сущности, нет? Этот детский (он проходит не столько с возрастом, сколько с опытом) страх — древний страх перед водяным, которого так боялись наши предки несмотря на то, что, судя по записям дотошных греков, были лучшими пловцами в мире. А вы не настораживаетесь в бане? Нет, не в шумно веселой, с друзьями и обжигающим парком, а — в утренней, полутемной, сырой, которую предстоит еще только затопить?

А как же не настораживаться, когда там живет дедушка Банник. Он и дымку может надуть, и угару, и водой внезапно плеснуть. Он тоже — оттуда.

Из верований предков наших.

Мы и сегодня завиваем березку в семик и встречаем первые проблески весны масленицей. И подобная раздвоенность меня не страшит, а скорее радует: она — сигнал еще не стертого компьютерами прошлого. Меня пугает вторая, мрачная сторона язычества, которая порою тоже шевелится в тяжкой дреме своей.

Наши предки жили не столько в гармонии с природой, сколько в страхе перед нею. Я уже говорил о темной стоячей воде, в которой прячется водяной. Вспомним и о лешем, кружащем нас кругами по лесам, путая все ориентиры, а заодно и наши знания, с какой стороны на деревьях растет мох. А гроза, которую напряженно переносят все, даже если и пережидают ее в доме с громоотводом? С точки зрения наших предков, все враждебное (равно как и все доброе) творили неподвластные человеку силы, которые можно было только умилостивить.

Приносили жертвы. Черного петуха — перед боем, лошадь раз в году — водяному, козла — при внезапной тяжкой болезни.

Но самых кровавых жертв требовал самый кровавый бог грозы, молнии и воинских дружин. Звали его Перуном, и умилостивить гнев его можно было только человеческими жертвами.

Обычно пред его идолом закалывали девушку и юношу, когда — по жребию, когда — по указаниям волхвов. В летописи отмечено последнее человеческое жертвоприношение в Киеве, в 983 году, за пять лет до Крещения Руси. Тогда выбор волхвов пал на молодого варяга-христианина, но его отец с таким выбором не согласился, и киевляне, не задумываясь, убили обеих. Позднее православная церковь канонизировала их под именами Феодора и Иоанна, но суть не в этом.

Может быть, не столь уж любопытен сам факт кровавого жертвоприношения, как выбор волхвов: почему именно на христианина пал жребий? Вполне возможно, что язычество уже предчувствовало свой уход из истории славянства, по-своему мстило за него. Эта превентивная месть весьма любопытна, и нам, может быть, стоит поразмышлять, в каких нарядах и масках она перекочевала в наши дни. А ведь — перекочевала.

Сразу по окончанию гражданской войны большевистское правительство отправило в изгнание, выслав из страны, двести крупнейших деятелей русской культуры. Философов и филологов, историков и теологов, правоведов и искусствоведов и тому подобных «книжников», как презрительно именует подобных деятелей иной культуры Евангелие. Они ни в чем не провинились еред властями, но непременно проявили бы себя в будущем походе большевиков против русской культуры. Это был первый превентивный удар, но далеко не последний: большевики готовили плацдарм для атаки по самим основам национального сознания.

Культуры воюют меж собой, и воюют жестоко, вплоть до уничтожения основ культуры соперничающей. Именно это и произошло с нами, именно в нашей стране восторжествовала культура вчерашнего дня. В Понедельнике обитания.

Но вернемся в древность. В эпоху становления самих основ наших представлений о том, что есть хорошо, а что — плохо.

5.

Язычество среди восточнославянских племен доживало последние времена. Остальные славянские народы уже расстались с ним, кольцо христианства неумолимо сжималось, и языческие жрецы предчувствовали свой конец, скорее всего даже не понимая причин.

Могучая Хазарская держава, которой все славянские племена, лежавшие на левобережье Днепра, много лет платили дань, являла собой пример чрезвычайно редкой по тем временам веротерпимости. Сам каган и его окружение исповедовали иудаизм (редчайшее явление, когда племенная религия воспринимается совершенно иным народом, но это — разговор особый); многочисленный — Хазария была центром торговых путей, связывающих Юг с Западом — торговый люд принял ислам; кое-кто из вчерашних кочевников на окраинах Хазарского каганата продолжал поклоняться своим идолам, но таких было немного. А за сто тридцать лет до крещения Руси широко известные нам миссионеры Кирилл и Мефодий крестили горожан, воинов, виноградарей, рыбаков и прочих хазар в православную византийскую веру. О широком распространении христианства в Хазарии говорит количество епископий: их было семь в то время, когда крещеная Владимиром Русь получила от Византии всего одну. Так что знаменитый полководец того времени киевский князь Святослав Игоревич, отец Владимира Красное Солнышко, сокрушал, по сути, христианскую державу, и как знать, какие страсти бушевали в его темной душе.

К тому времени в Киеве было уже много христиан, и в их числе — княгиня Ольга, мать не в меру воинственного Святослава и бабушка крестителя Руси Владимира Святого, тайно принявшая православную веру за три десятилетия до официального крещения Руси. А вот отец князя Святослава великий князь Игорь Рюрикович остался верен своим скандинавским богам. И не этим ли объясняется его чрезвычайно жестокая даже по тем временам, уникальная в своей исключительности казнь? Напомним, что Игорь был привязан за ноги к двум склоненным березам, которые и разорвали на части его тело, когда перерубили оттягивающие их веревки. Подобной казни не знает история, она нигде не практиковалась, а это означает, что ее надо было ПРИДУМАТЬ. Почему и зачем?

Начнем с того, что Святослав оказался первым и единственным ребенком князя Игоря, когда этому князю было много лет даже по меркам нашего времени. А ведь наследника ждали, его отсутствие не только ставило крест на правящей династии Рюриковичей, но и грозило нешуточной смутой во всем славянском океане. И вдруг наследный принц появляется спустя двадцать девять лет после свадьбы Игоря и Ольги, которую, отметим, выдали замуж десяти лет отроду, когда самому князю Игорю было уже никак не менее тридцати трех — тридцати семи. Историки (Л. Н.Гумилев, в частности) не без оснований предполагают, что отцом Святослава был скорее всего не великий

киевский князь, а его воевода, виднейший полководец Свенельд. Косвенно это подтверждается еще и тем, что князь Игорь удалил (а вернее сказать, сослал) свою супругу княгиню Ольгу из стольного града Киева в Вышгород, но в конце концов суть не в этом.

Княгиня Ольга не могла не знать о готовящемся убийстве своего мужа. Иначе невозможно объяснить, с какой целью в летописи подобрано столько фантастических легенд о ее свирепой мести древлянам, в земле которых нашел свою гибель князь Игорь. И живьем их закапывают, и в бане сжигают, и требуют странную дань по живому воробью с дома, чтобы, привязав к их лапкам горящую паклю, спалить дотла главный город древлян Искоростень, и чуть ли не до последнего человека вырезают оставшихся в живых. И это делает христианка, впоследствии канонизированная православной церковью? Нет, конечно, это — легенды, рассчитанные на восприятие язычников. Активная пропаганда, преследующая цель во что бы то ни стало снять с княгини Ольги всяческие подозрения в соучастии.

Историки (первым это сделал Шахматов) на основании тщательного анализа летописей установили имя непосредственного организатора этого убийства. Им оказался сын Свенельда Мстислав (Мстиша) Свенельдыч, которого сама летопись после гибели князя Игоря начинает именовать Лютом Свенельдычем, что весьма показательно. А его дочь Малушу (Малфриду — ее полное имя упоминается в летописи), которую та же летопись называет дочерью древлянского князя Мала, княгиня Ольга берет к себе как бы в качестве заложницы-рабыни, а реально для того, чтобы уберечь от расправы.

И — самое главное. После гибели Игоря княгиня Ольга становится регентшей при малолетнем сыне. А управителем, главным советником, правой рукой Ольги и фактическим главой киевского правительства оказывается… Свенельд. Отец убийцы ее мужа. Целью убийства оказывается государственный переворот в Киеве. История повторится через много веков, когда Екатерина, по праву заслужившая титул Великой, придет к власти, устранив бессильного супруга в аналогичных обстоятельствах.

Неправдоподобно? Слишком вольно толкуем летопись? Давайте разбираться.

Во-первых, кто именно повинен в лютой смерти князя Игоря, современникам было известно. Сын Святослава князь Олег убил Люта Свнельдыча на той же древлянской земле, где этот Лют (Мстиша Свенельдыч) когда-то расправился с его дедом князем Игорем, во имя исполнения неписанного закона кровной мести. Почему этого не сделал сын Игоря Святослав, поговорим ниже. А

пока — во-вторых. А во-вторых, взяв Малушу в свою челядь, княгиня Ольга отнюдь не делает ее рабой, что предполагалось как бы само собою, в силу обычая. Она назначает ее ключницей, то есть управляющей всем домашним хозяйством, что реально давало Малуше статус боярыни, но совсем не заложницы-рабыни. Я уже упоминал, что именно о ее кончине сообщает летопись под 1000 годом, называя ее полным именем Малфрида. Но летописи фиксировали, как правило, только имена, теснейшим образом связанные с правящей династией. Имя это скорее скандинавского, чем славянского происхождения, поскольку по-славянски оно ровно ничего не значит. Ее, как известно из летописи, и изнасиловал князь Святослав…

Стоп. Ему, что же, челядинок не хватало? Может быть, он отличался особо изощренной страстностью? Но та же летопись восторженно рисует нам образ сурового воина, аскета, почти рыцаря без страха и упрека. Тогда зачем же она занесла на свои страницы именно это изнасилование?

А его мать, княгиня Ольга, неустанно пыталась воспитать в нем чувства добрые, пыталась привить христианские начала, упорно склоняла его к принятию православия, но… Но в летописи есть весьма многозначительная фраза: «Святослав же притом гневался на мать».

За что? За то, что она учила его добру?

Конечно, Святослав не знал, кто в действительности является его отцом, да и не мог этого знать. Он считал себя законным наследником, сыном князя Игоря, а Малуша была дочерью убийцы. Насилие было первым актом взлелеянной мести, но княгиня Ольга прекрасно знала, что при этом он насилует собственную племянницу, а таковое преступление христианская религия считает великим грехом. Это оказалось тяжким ударом по христианским чувствам матери, и именно поэтому Ольга упрятала Малушу в деревню. Это было не наказанием, а спасением внучки Свенельда и, по всей вероятности, своей любимицы от дальнейших посягательств собственного сына.

В том убежище Малуша родила сына Владимира. Фактически бастарда, но этого бастарда официально признают княжичем все, включая и самого Святослава. Того самого Владимира, которого мы знаем не только, как одного из самых деятельных и ярких князей древности, но и как Святого Равноапостольного Крестителя Руси. Наконец, ее брат, известный нам со школьных времен былинный богатырь Добрыня Никитич (отчество, как доказал Шахматов, позднейшая трансформация из Мстишича-Мистишича), становится главным наставником, советником и воеводой князя Владимира.

Это идет в какое-либо сравнение со всеми фантастическими легендами о жестокой мести княгини Ольги за смерть мужа?!.

Правительница Ольга не ограничилась попытками воспитания своего сына в заповедях христианства. Она развила бурную и плодотворную деятельность по приведению княжества в порядок. Установила дани по Луге и Мсте, разделила землю на волости, строила мосты и дороги, чем заслужила долгую благодарную память потомков. Затем великая княгиня отправилась в Византию, где была принята с большим почетом, особенно, когда решила принять православную веру. Патриарх был ее наставником и крестителем, а император Константин Багрянородный — восприемником от купели.

Любопытно, однако, то, что Ольга, по словам Голубинского («История русской церкви»), к тому времени была уже православной христианкой, тайно крестившись еще в Киеве. Для чего же тогда была затеяна вся эта комедия с ПОВТОРНЫМ крещением и как это согласуется с христианскими канонами и христианской нравственностью? Ответ может быть только один: Ольге во что бы то ни стало надо было дезавуировать слухи о своей роли в Вышгородском заговоре и убийстве собственного мужа. Тоже самое касается и причин ее бурной внутригосударственной деятельности. Ее правление остро нуждалось в активной поддержке как со стороны народа, так и со стороны иностранных держав. Она была мудрой женщиной, и, судя по всему, ей удалось решить обе задачи: об убийстве законного великого князя Киевской Руси Игоря Рюриковича забыли довольно скоро.

Ну, а почему же тогда сам Святослав не отомстил за смерть Игоря? Знал, что он ему не отец? Даже если и предположить, что, в конце концов, слухи добрались и до его ушей, то это не меняет дела.

Святослав был обязан отомстить, как правопреемник, и он — отомстил. И не только тем, что изнасиловал дочь убийцы, а куда, как продуманнее, изощреннее и страшнее.

6.

Летопись, а вслед за нею и все историки, описывают деяния князя Святослава в тонах восторженных. И это не вызывает никаких сомнений, пока речь идет об одном из самых отважных и талантливых полководцев Древней Руси. Но как только мы начинаем приглядываться к нему не как к полководцу, а как к великому киевскому князю, то есть, государственному деятелю,

то наша восторженность начинает испытывать весьма серьезные сомнения.

Воспитателем сына княгиня Ольга назначила боярина Асмуда, а его боевым учителем стал сам Свенельд. Это был самый выдающийся полководец того времени, обладавший не только опытом походов и сражений, но и — побед, что для мальчика всегда важнее всего остального. Ему было, что передать даже не столько княжичу и наследному принцу, сколько — сыну, если верить предположениям историков. Но не верить им у меня, например, нет никаких оснований, и Свенельд учил Святослава с гордостью и тщеславием отца.

Однако быстро познав необходимое, Святослав столь же быстро отдалился от родителей, дворцовой суеты и домашнего уюта. Все это ему заменила дружина, которая и стала для него семьей, душевной опорой и неиссякаемым источником энергии, хотя боевой энергии ему отпущено было самой природой далеко сверх обычной для воина меры. Но он превратил всю свою энергию и волю в зло, опираясь только на дружинное братство и питаясь им.

Первым боевым деянием Святослава стал поход на вятичей, лишь мельком помянутый в летописи. Судя по тому, что ему пришлось вторично их «примучивать» (летопись довольно часто употребляет именно этот глагол), Святославу либо не удалось сломить их сопротивление, либо он не ставил это своей целью. Вполне допустимо, что он просто искал ближайшего выхода на Волгу, а выйдя на нее по Оке, неожиданно ринулся на Хазарский каганат, используя для скорости и скрытности самосплав по Волге.

Хазарский каганат простирался от нижней Волги и Дона, где имел в районе нынешнего Цимлянского моря крепость Саркел (славяне называли ее Белой Вежей), и далее на юг вплоть до Терека, и на запад до Тьмутаракани. Это было могучее государство, собиравшее дань со славянских племен всего сотню лет назад, не без успеха воевавшее с Киевской Русью и остановившее победоносное продвижение персидских армий на Кавказе. Его хорошо знали современники, он заключал договоры и соглашения с Византией и иными странами, но для Великого княжества Киевского Хазарский каганат имел совершенно особенное, исключительное значение.

Надо думать, что опытный воевода Свенельд разъяснил наследнику Киевского княжеского Стола (то есть, престола) исключительность расположения Хазарской державы. Не мог не разъяснить, поскольку будущему руководителю государства необходимо было знать не только очертания границ собственных

земель и расположение государств соседних, но и геостратегические особенности земель этих соседей. Исключительность местоположения Хазарского каганата заключалось в том, что эта держава располагалась меж Киевской Русью и Дикой Степью. И само ее пограничное расположение не позволяло кочевникам Азиатской Степи беспрепятственно проникать в Степь Европейскую, лежащую между Хазарией и Киевской Русью.

Это было одинаково невыгодно обеим соседствующим странам. И хазарская крепость Саркел, она же — Белая Вежа, и стояла на самом опасном пути, прикрывая тыл Хазарии, а заодно и фронт Киевской Руси от хищных кочевых орд.

Всех ли кочевников она способна была перехватывать? Нет, конечно, кочевник в степях неуловим. Но крепость, седлая переправы через Дон, не давала возможности свободно двигаться тылам этих орд. Запасным табунам, стадам овец, кошам с семьями, кузницами, запасом продовольствия, снаряжения и немаловажного для воинов ощущения домашнего очага. Еще князь Олег, направляясь «отмстить неразумным хазарам», не ставил перед собою задачи сокрушить само Хазарское государство. И уже одним этим стратегическим решением не позволил никому в будущем усомниться, что усомниться, что прозвище «Вещий» ему дано было современниками вполне заслуженно.

Безусловно, зная о государственной прозорливости Олега, князь Святослав, тем не менее, поступил прямо противоположно. Он сокрушил Хазарский каганат, навсегда стерев его с исторической карты мира. Исчезла плотина, отгораживающая азиатский кочевой океан от уже сложившегося земледельческого материка Европы. Каин и Авель теперь стояли лицом к лицу.

Маленькое отступление: а как это ему удалось?

Армия Святослава была небольшой, не обремененной обозами, а потому и мобильной: позднее мы встретимся с подобными армиями в монгольской армии. Летопись упоминает о том, что он передвигался, аки барс, отдельно сообщая при этом, что был весьма аскетичен, спал на попоне, подложив под голову седло, и питался мясом, поджаренным на угольях. Если так существовал в походах вождь, то так же точно существовала и дружина. Отсюда — невероятная по тем временам подвижность и готовность к сражениям. Святослав реанимировал варяжскую ватагу, где каждый ватажник был предан лично ему, принеся личную клятву. Ни семьи, ни родных, ни друзей, ни родины, как понятия, во имя чего следует сражаться и умирать, у нее не было. Они сражались только за своего вождя, уже отрекшегося от

родины и предков своих в душе своей.

В этом секрет удивительного для полководцев всех времен отказа Святослава от преимуществ неожиданного удара. В самом деле, что особенно страшно для такой отлично подготовленной, обученной, преданной лично вождю высокопрофессиональной, но малочисленной армии? Ей страшна война народа, защищающего свою родину: нападающему всегда страшно встретиться с оружием, которым он не располагает. Варяжская, по сути, дружина Святослава не имела на своем вооружении понятия отчий край. Родина, семьи, дети, прошлое, территория, наконец. И поэтому Святослав всеми силами избегал войны народной. Войны за свое отечество, то есть, войны партизанской.

Вероятно, опыт этой войны он получил, вторгшись в землю вятичей. Они жили в пойме Оки, изобилующей притоками и затоками, болотами и трясинами, озерами, старицами, протоками и — непроходимыми лесами на взгорьях. И здесь, в узких дефиле, где невозможно развернуться во весь фронт, вятичи и навязывали ему свою войну. Бесконечными ночными вылазками и внезапными нападениями из засад. Жалили, кусали, грызли и — отходили, чтобы вновь броситься в удобном, хорошо известном им месте, обеспечивающем внезапность и своевременный отход. Он так и не смог их тогда «примучить», но пробился к Волге и отлично усвоил урок. А поскольку был воистину Вывод был гениально простым. Для того, чтобы победить врага на принадлежащей ему территории, надо заставить его собрать в одном месте все свои вооруженные силы. То есть, отказаться от заманчивой для любого полководца внезапности, заранее объявляя противнику, когда и где я на него нападу.

«ИДУ НА ВЫ!»

Карамзин и все последующие историки в той или иной степени восторгаются этим вызовом противника, так сказать, на дуэль, находя в ней рыцарство и благородство. Я тоже восторгаюсь, но совсем не романтикой, которой никогда не было в арсеналах завоевателей, а тонким, умным и хладнокровным расчетом гениального полководца. «Иду на вы!», провозглашал он, и противник, защищая свою родину, старательно собирал все силы для кровавого поединка. В случае удачи — Святославу более не за кем было гоняться; в случае неудачи — он всегда мог вернуться в свою землю, набрать новую дружину и начать все сначала. Только и всего, он решительно ничем не рисковал, как не рискует тот, кто пришел уничтожать, а не созидать.

И он уничтожил Хазарский каганат, «аки барс» кидаясь с севера на юг и с юга на запад. А все последующие историки постарались уничтожить и память о нем, отделываясь

несущественными замечаниями. И меня всегда интересовал вопрос, почему это было сделано и кому это было выгодно. Кому мешала сама память о Хазарском каганате с его многочисленным многонациональным населением, поклонявшимся разным богам, которое позднее вошло в состав России, но — под другими именами и с иной биографией? И это — далеко не праздный вопрос, учитывая ура-патриотические и политические вивисекции над Русской историей ради спекуляций сегодняшнего дня, а потому — повторим его. Почему наша история забыла о Хазарии?

Чтобы не вспоминать, что донские и терские казаки ведут свое происхождение от православных христиан юга и севера Хазарии? Слишком уж просто это доказывается: кто обучил предков донских казаков культуре винограда и производству вина? Ведь в столь суровых климатических условиях может произрастать только морозоустойчивые, специально выведенные сорта винограда. Конечно, можно привезти саженцы, но… откуда? С юга? Они не годятся для донских зим. Нет, эту на редкость устойчивую к длительным холодам, снегам и морозам лозу могли вывести только там, где она растет и поныне. А там жили хазары, упрямо занимавшиеся виноградарством в столь неудобных климатических условиях.

Чтобы избежать неприятного для церкви факта уничтожения Святославом не просто некоего государства, но государства, значительная часть населения которого (семь епархий!) уж более века исповедовала православие? Возможно, недаром же в советской истории особенно выпячивалась иудейская религия среди всех прочих конфессий, существовавших в Хазарском каганате, тогда как о христианстве вообще старались не упоминать. Действительно, правящая верхушка Хазарии приняла иудаизм, но причем же здесь сами хазары? Земледельцы и скотоводы, виноградари и садоводы, рыбаки, ремесленники, торговцы? Они веровали в то, во что хотели веровать, никто им силой ничего не навязывал — так, может быть, именно в этом и заключается причина забывчивости наших летописцев? Все они были монахами, а церковь — куда более жесткий цензор, чем даже Идеологический отдел ЦК ВКП(б). Особенно, если учесть, что православие на Руси было введено повелением сверху, огнем и мечом, как-то, например, случилось в Новгороде. Но об этом — разговор впереди.

Да, это — аргумент. Но — не единственный.

Уничтожение Хазарии снесло плотину, отгораживающую причерноморские степи от потоков кочевых орд из Дикой Степи. До его крушения летописи не сообщают о нашествиях, угрожающих существованию Киевского государства. Первое

известие о проникновении печенегов относится к княжению Игоря (915 год: «Пришли первые печенеги на Русскую землю»), но, судя по всему, в количество их не было угрожающим, поскольку князь легко договорился с ними, спровадив просочившуюся орду к Дунаю. Однако после разгрома Хазарии летопись вновь сообщает о появлении печенегов, причем, что весьма красноречиво, употребив слово «ВПЕРВЫЕ» (968 год: «Пришли ВПЕРВЫЕ печенеги на Русскую землю»). Эти печенеги отличались от первых, поскольку воспользовавшись отсутствием князя Святослава, обложили Киев, где заперлась княгиня Ольга со своими внуками. Отсюда позволительно сделать вывод, что печенеги ВПЕРВЫЕ явились большой ордой, достаточной для того, чтобы осадить сам стольный град Киев. Святослав отогнал их, но разгромить не смог, так как именно эта орда и убила самого князя Святослава, а их предводитель Куря приказал сделать чашу из черепа погибшего полководца. Может быть, летописец усматривал в трагической гибели Святослава перст Божий, может быть, последующие неудержимые нашествия кочевников затмили собою интерес к судьбе Хазарии, а только стало не до того, чтобы бросать тень на вину князя правящей династии в последующих несчастьях предков наших. Как бы там ни было, летопись ограничилась восторгами пред полководческой доблестью Святослава, старательно не замечая его расчетливых геополитических ошибок, чудом не приведших к гибели Киевской Руси.

Реальную угрозу гибели принесли кочевники иного племени. В 1015 году летопись впервые упоминает о половцах. Они ворвались из просторов Дикой Степи, как стихия, и как стихия почти два с половиной столетия потрясали сами основы Киевского государства. Это их высматривают в знойном степном мареве богатыри на картине Васнецова, это память об их беспощадных набегах укоренилась во многих поколениях русичей, причудливо переплетясь с паматью о набегах иных орд. Золотордынских, ногайских, крымских татар. Со временем эта перегруженная память упростила воспоминания, отнеся все без исключения набеги в адрес золотоордынских татар, что укрепляло народное мнение о татаро-монгольском иге, старательно вложенном церковью в исторические представления наших предков.

Но вернемся к по меньшей мере странным деяниям неукротимого князя Святослава.

7.

Он упорно избегал не только Киева, но и вообще всей Киевской Руси. После разгрома Хазарии, который практически сразу — в историческом времени — привел у появлению в степях большой орды печенегов, ушел со своей дружиной в Болгарию, где и занялся мало перспективной для Киева войной. Мало перспективной потому, что это мешало исторически сложившимся торговым отношениям Киева и Византии: либо — воевать, либо — торговать. Торговать было почему-то выгодно Святославу, и совершенно невыгодно Киеву. Торговля хирела, печенеги сильно мешали ей, перехватив Днепровские походы. Для их охраны Киев был вынужден направить туда добрую рать для охраны, чем немедленно воспользовались те же печенеги.

Они вскоре осадили сам стольный город — впервые за все время существования Киевской Руси. Престарелая княгиня Ольга затворилась…[1]

ЯЗЫЧНИКИ С КРЕСТАМИ

Был такой период в жизни человечества, именовавшийся Средневековьем. Люди жили в смраде и нищете, картошки Колумб еще не привез, голодоморы посещали Европу с регулярностью весенних простуд, а нравы отличались свирепостью. Грамота была привилегией Церкви, война — привилегией дворянства, а все прочие считались подданными. По городам и весям бродили нищие пророки, предвещавшие близкий конец света в обмен на кусок хлеба. Их отлавливали власти и передавали в объятья Церкви, которая после пыток объявляла пророков еретиками и отправляла на костер. Это было единственным развлечением, на время отвлекала народ от голодного озноба в животах, а потому костры горели часто, и истово верующие во Христа с восторгом волокли к местам казни охапки специально припасенных дровишек. Однако животы от этого не наполнялись, и Церкви приходилось часто разъяснять, из-за кого регулярно наваливаются всяческие беды. Голод и холод, чума и холера, падеж скота и непослушание дочерей. И испанцы колошматили фламандцев, французы — гасконцев, англичане — шотландцев и — наоборот. Однако любой враг был вооружен и давал отпор, почему Церковь порою прибегала к поиску врага с одной стороны — хитрого и опасного, а с другой — невооруженного и совершенно безопасного. И такой враг простому люду нравился куда больше всех иных супостатов.

Основная привлекательность заключалась как в том, что никуда не требовалось отлучаться надолго, так и в том, что враг этот, должно быть, отличался особым коварством, поскольку множество десятилетий существуя бок о бок, умудрялся скрывать свои зловредные козни и свою особую ненависть именно к представителям коренного населения. Это Церковь подчеркивала особо, и обиженное коренное население тут же хваталось за дреколье. Католики против протестантов или — наоборот; христиане против мусульманских общин или — наоборот: это не имело ровно никакого значения. Требовалось «выпустить пар» из перегретой обидами души, для чего необходимо было обозначить ВРАГА.

Чаще всего таким врагом оказывались евреи. Во-первых, средневековый христианин был твердо убежден, что именно они и распяли Христа, а, во-вторых, евреям запрещено было иметь оружие, почему бить их оказывалось очень даже приятно. Ну, поорут, погалдят, порыдают, но никто особо отбиваться не станет. Во-первых, сопротивляться воле коренного населения им тоже

было запрещено, а, во-вторых, население это заранее готовилось к погрому, отбирая мужиков здоровенных, озлобленных до свирепости и темных, как июльская безлунная ночь. И эта злая тьма, похватав дубины, с ревом мчалась крушить ближайшее еврейское гетто.

Мужчин избивали нещадно, старикам рвали бороды, женщин насиловали по очереди. Натешившись, усталые, но довольные, расходились по домам. И все замирало до следующего погрома.

Так складывались отличительные черты Средневековья: абсолютное господство Церкви, ворчливое подчинение синьорам и непременное наличие коварного врага. А потом Колумб открыл Новый Свет, и в Европе начало помаленьку рассветать. Понадобились корабли, способные пересечь океан, паруса, пушки, канаты, цепи, якоря. Задымили заводы и фабрики, появилась постоянная работа и заработная плата, завертелись деньги. А поскольку синьоры считали профессии капитанов, штурманов и врачей неподходящим для себя занятием, то возникла новая социальная прослойка: служилая интеллигенция. Дни безусловного господства синьоров были сочтены, и Европа начала стряхивать с себя ржавые оковы крепостного права. Насущные проблемы оказались выше традиционного долга.

По ряду причин Россия не вписалась в этот бурный процесс первой промышленной революции. Она варилась в собственном соку, отбиваясь от регулярных набегов крымских татар, пожаров казачьих волнений и мятежей собственных удельных владык. Через сто лет после Колумба Ермак присоединил Сибирское ханство, но это ничего изменить уже не могло.

Освоение Сибири не востребовало ни промышленности, ни финансового капитала, ни служилой интеллигенции. Сабли, лодки, коня да отваги вполне хватило на то, чтобы достичь как устья Амура, так и мыса Дежнева. И Россия осталась наедине с собственными мечтами.

А мечты были ослепительными, и это — тоже черта Средневековья. Русские крепостные, а по сути — полные рабы своих ханов, не золотоордынских — ночами напролет слушали рассказы захожих странничков совсем не о конце света, а о сказочной земле справедливости Беловодьи. Оно было там, там, далеко, где-то на окраине самой Сибири, но — было, существовало реально и неколебимо, поскольку в него — ВЕРИЛИ.

— Верный старец мне рассказывал, бывал сам в Беловодье. Землица там два раза в год родит, а пахать надо, сколь сам пожелаешь. И господ нету, никаких нету господ, а кругом — земля. Жирная и теплая-теплая. И вода, сказывал, в некоторых

речках сытная течет, местные знают. Попьешь ее — и есть не хочется. На весь день сыт!

Сияющая мечта о крае справедливости, в котором текут молочные реки с кисельными берегами была одной из основных черт языческих, по сути, верований средневекового человека, и здесь Русь, лишенная активной практической деятельности, дала Европе миллион очков вперед. Все последующие социальные теории, подбрасываемые ей, основывались на этой чудесной вере. Думаете, мы в России строили марксовский немецкий коммунизм? Увы, мы пытались воссоздать Беловодье. Мечту предков своих.

Может быть, именно поэтому у нас ничего и не получилось…

СТОЛИЦА И УСАДЬБА

Был такой недешевый — не для массовости, значит, — очень нарядный журнал в дореволюционной России. Читали его, в основном, те, у кого были усадьбы. И, естественно, столица тоже имелась в виде владения где-то в дворянском центре. На Поварской или, допустим, на Арбате.

Это приятное сочетание в одном владении как того, так и другого, очень ценилась московской элитой тех времен. Сейчас, кстати, тоже ценится по инстинктивной тяге к собственности, приятной во всех отношениях.

Москва стала столицей столь же случайно, как миллионный выигрыш в любой лотерее. В историю она вообще, так сказать, влипла, поскольку никаких решающих битв, договоров или, скажем, убийства какой-либо персоны того времени там не случилось. Все это множество раз случалось потом, а тогда она просто оказалась на пути двух конкурирующих кланов. Силы у тогдашних «братков» были приблизительно равны, почему они и решили для начала потолковать на нейтральной почве. Москва — в то время совсем еще не город, то есть, не обнесенное укреплениями поселение — вовремя подвернулась под руку, и главари встретились при равном соотношении телохранителей. Это произошло в сентябре 1147 года, что советской властью и было прочитано, как день ее рождения. Ребенок к тому времени уже носил бородку, но это никого смутить не могло, поскольку приказано было считать, что он увидел свет Божий именно в этот день, когда князья Юрий Долгорукий и Святослав Рюриковичи организовали свое толковище.

Летопись говорит о пире, на котором они присутствовали в день первой встречи. Поскольку она же отмечает, что князь Юрий дал большой обед с подарками на следующий день, то возникает вопрос, кто же закатил им пир в первый день исторической встречи.

А пир устроил некий боярин Кучка, практический владыка этой деревни на пока еще нейтральной земле. Усадьба его, по всей вероятности, стояла там, где ныне высятся мрачные корпуса бывшего НКВД-КГБ: на Лубянке, долгое время именовавшейся Кучковым Полем. Вот с этой княжеской попойки и приказано нам было отсчитывать годы собственной столицы, хотя надобно полагать, что боярин Кучка возник отнюдь не позавчера.

Впрочем, зачем ворчать? В жизни нашей было так мало праздников, не замешанных на идеологических дрожжах, что, честно говоря, за всю свою затяжную жизнь я испытал всего лишь

две радости от всего сердца и от всех сердец одновременно. Это были праздники, которые делали людей счастливыми братьями без указания сверху немедленно побрататься. Так случилось в великий День Победы и так повторилось через три года в день, объявленный 800-летием Москвы. Так что спасибо и на этом. Всем остальным жителям городов и весей всей необъятной Советской Империи досталось подобной радости ровно в половину меньше.

А вот грозные государи наши Москвы почему-то не жаловали. Собственно Грозный (который Иван) бежал из нее в Александровскую слободу на время, а в Вологду мечтал убежать навсегда. А Петр просто-напросто перенес столицу во вновь отстроенный город на Неве. На костях отстроенный, прямо скажем, но зато — европейский, какого и в самой Европе не вдруг-то отыщешь. И поклонимся ему за этот подарок прямолинейной строгости и ледяного сияния.

Перенести-то перенес, но святыни московские с могилами древних властителей перенести не рискнул. И проживавшие по новому адресу кандидаты в государи всея Руси вынуждены были трястись из стольного европейского города в вечно средневековую Москву за легитимностью своего высокого звания. Именно здесь, в Первопрестольной, вершились все коронации вплоть до последней, ознаменованной не столько миропомазанием Николая Второго, сколько Ходынкой, кровью и муками простых и ни в чем неповинных людей помазавшей всех нас отныне жить в небывалом доселе веке, переполненном кровью и муками.

Так образовалась вторая столица Империи, носившая оккультно-мистический оттенок. Может быть, именно поэтому мысливший прямолинейно Петр Первый и не любил ее. Там оказалось средоточие сил, упрямо противоречащих его мечте сделать Россию государством европейским. Там гнездилась та азиатчина, с которой он жестоко боролся всю свою жизнь.

И в результате этой борьбы Петербург концентрировал в себе русских европейцев, тогда как Москва — русских азиатов. Не ставлю никаких кавычек, ибо в нас, русских, сосуществуют обе эти ипостаси и по сей день.

А после октябрьского переворота большевистское правительство вдруг покинуло «колыбель революции». Говорят, заопасалось стоявшего у предместий Питера Юденича, срочно погрузилось в спецпоезд и умчалось подальше от неприятностей. А когда Юденича разгромили, то почему-то так и не вернулись к родным пенатам, объявив, что отныне Москва будет единственной столицей, а отнюдь не продуваемый

революционными ветрами Питер. Почему, спрашивается? Потому, отвечали нам, что Москва-де центр всей России. И мы — верили, получая за точный ответ «пятерки». А ответ-то тянул на «двойку» с минусом и полным запретом когда-либо заниматься историей Государства Советского.

Знаете, почему правящая большевистская камарилья не вернулась в свою колыбельку? Потому что в Питере Кремля нет. Царям прятаться от народа было как-то не к лицу, хотя и покушались на них, и взрывали, а честь все равно была для них дороже жизни.

У большевиков чести не было, а вот страха перед собственным народом хватало. И от этого страха хорошо прикрывал Кремль. Лишние ворота быстренько заложили, всех с Кремлевской территории выгнали, расселились по дворцовым помещениям, ощетинились охранными штыками и запретили своим же гражданам России приближаться к кремлевским стенам ближе десяти метров. Синдром оккупантов или вечных эмигрантов, привыкших жить в своем уголке. И так — тридцать пять лет, пока Хрущев не дозволил москвичам и гостям столицы в специально оговоренные дни посещать храмы и музеи.

Но беда-то не в том, что большевики-ленинцы, больше всего на свете страшась собственного народа, прятались за седыми стенами общерусской святыни. Беда в том, что они проложили зримую межу меж столицей России и ее провинцией. А ведь провинция это и есть собственно Россия. Огромная, великая, сверкающая в своих неожиданных изгибах как зеркальца калейдоскопа. И в своем подавляющем большинстве градов и весей всегда забытая.

Я сам — оттуда. Я — смоленский, и сейчас низко кланяюсь своему провинциальному детству. Я помню не только неспешное достоинство жителей губернских городов России, но и свою причастность к данной точке земного шара.

— Чей будешь, мальчик?

Ваш, дорогие мои провинциалы: в Москве так не спросят. Но разве в этом дело?..

Когда-то, в далекие, но тоже смутные времена, Россию спас нижегородский купец Кузьма Минин и москвич князь Пожарский. Вместе. Плечом друг к другу. Когда-то из далекого Архангельска в Москву с рыбным обозом приехал Михайло Ломоносов. Когда-то тульский оружейник Демидов заложил основы промышленной мощи Урала. Россия гордилась своею провинцией, особенно если припомнить, что Лев Толстой и Иван Бунин тоже были провинциалами по сегодняшней мерке.

Только сегодня такая мерка никуда не годится. Провинция

была и есть основа России, и с этим ничего не поделаешь. Да и не надо ничего делать. Самый провинциальный город США — Вашингтон, ее столица. И, представьте себе, живут без Кремлевских стен.

ХОЗЯЕВА И ХОЛОПЫ

Л. Н. Толстой не признавал в классовой борьбе никакой движущей силы, считая любые смуты помехой нормальному развитию общества. Ну, не дозрел русский гений до немецких кабинетных теорий, за что, как мне кажется, и был объявлен Лениным «Зеркалом русской революции». Отражающим нечто само собой разумеющееся, и не более того.

Дядя моей матушки Василий Иванович Алексеев был учителем старшего сына Льва Николаевича Сергея. Атеист и видный народник стал не просто другом великого писателя, но и первым толстовцем в истории русского общественного движения. Кстати, ему принадлежит честь спасения «Евангелия» Толстого, рукопись которого — в единственном экземпляре! — Толстой дал ему почитать, а Василий Иванович за ночь переписал двадцатилетний труд Льва Николаевича, и когда Синод, куда Толстой послал свое «Евангелие» (наивность — свойство гения), навечно положил его труд под сукно, Алексеев переслал «Евангелие» в Париж, где оно и было напечатано.

Но это — к слову. Еще в детстве мама рассказала мне о беседе ее дядюшки с Толстым. И этот разговор застрял во мне, как откровение, я помню его до сей поры, почему и позволю себе его пересказать. Уж очень он, как мне кажется, объясняет многие вопросы нашей современной жизни.

Итак, представим себе середину осени в Засеке, шелест опавших листьев под ногами и неторопливый разговор двух интеллигентов конца девятнадцатого века…

— Я не могу поверить в классовую теорию Маркса, потому что он видит общность социальных интересов там, где никакой общности быть не может. Не может изначально, поскольку на свете нет двух одинаковых людей. Не рождаются они таковыми или таковыми не становятся, не суть. Суть в том, что, с моей точки зрения, люди делятся не на крестьян, дворян, разночинцев или «Иванов, не помнящих родства своего», а лишь по запасу личной нравственности.

— Нравственность — результат семейного воспитания.

— Крестьянское воспитание основано на религиозной морали, дворянское — на хлопотах гувернеров и гувернанток. Что, разве не встречали высоконравственных крестьян или беспутно безнравственных дворянских детей? Встречали, неоднократно встречали. Стало быть, кроме воспитания в младенца закладывается еще что-то, которое является стержнем его существа, и все дальнейшее воспитание наматывается на этот

стержень.

— Это слишком уж рациональный подход.

— Не спешите с выводами. Я путем наблюдений и размышлений пришел к убеждению, что все люди в конечном итоге делятся только на хозяев своей жизни и на ее холопов. Хозяин способен поставить перед собою цель, которой и добивается впоследствии. Холоп плывет по течению, стремясь только уцелеть. У него нет никакой иной цели, для него не существует Отечества с его историей, ему будет уютно плыть и в водах зарубежных, только бы не пойти ко дну. В конечном итоге для него нет представления даже о семье, которую он может бросить в любой момент, а коли не бросает, то не из чувства ответственности, а из чувства страха перед нею. Общественное мнение, пересуды, неудовольствие окружающих и тому подобное. От этого в первую очередь страдают женщины и ни в чем неповинные дети. А приоритет совести в хозяине превышает по своему значению понятия «люблю — не люблю», то есть, свои, личные мотивы.

— Абстрактно сие. От ума.

— Сейчас сделаем конкретным, приведя примеры. Ну, скажем, хозяин никогда и ни при каких обстоятельствах не возьмет чужого, будь то лесина из чужого леса или бумажник, набитый червонцами. Не украдет, проще говоря. И не потому не украдет, что боится закона, а потому, что закон «Не укради» заложен в душе его. Далее. Хозяин никогда не солжет, потому что ложь унижает, а у него есть цель, которой не достигнуть с душою, однажды униженной. Чистота души для него важнее всех соблазнительных пороков, вместе взятых. Еще пример. Для хозяина любой труд — наслаждение, тогда как для холопа труд — каторга, наказание Господне. Он либо всяко отлынивает от него, либо исполняет порученное кое-как, спустя рукава. Хозяин ищет себе занятия, тогда как холоп ищет себе удовольствий. Были в Европе и заметили, поди, что там с удочками не сидят над речкой. Почему не сидят? Потому что процветание нации зависит не от правительства и не от идей, а только от твоего личного труда. Крепостное право из года в год перенасыщало Россию холопами, а есть некая пропорция между количеством хозяев и количеством холопов, превысив которую нация теряет внутренний импульс к наращиванию собственной жизнеспособности. Не по этой ли причине и гибнут великие нации?

— Вы считаете крепостное право благом?

— Одну его сторону мы можем смело назвать благом. В нашем веке не было ни одного повального голода, хотя неурожаи

случались довольно часто. Почему не было? Да потому, что никакой самый жадный хозяин не даст помереть своим батракам. Отменили крепостное право — получили страшный голод. Знаю, занимался этим. Причина? Превышение нормы холопствующих, желающих взять от жизни все, ничего не дав ей взамен.

Вот, что я в детстве запомнил, а позднее — записал.

Рабство — даже в смягченном виде крепостной зависимости — накладывает отпечаток как на рабов, так и на рабовладельцев. Рабовладельцы приобретают чувство безнаказанности и презрение к праву личности, рабы — холопскую зависимость от хозяев, как бы они при этом не назывались. А на Руси это рабство длилось тысячу лет, то есть, согласно демографии — более тридцати поколений, если считать три поколения на век. Тридцать поколений покорных рабов и сегодня дышат в затылки нам, их потомкам. Да и освободили-то русских крепостных не в результате крестьянских войн, как то было, к примеру, в Германии и Франции, а повелением сверху императора Александра 2-го.

А через 57 лет к власти пришли большевики. И через два десятка лет после их воцарения начался небывалый в истории и неизвестный более ни в одной стране разгром крестьянства. Наиболее активных и работящих расстреливали и ссылали, а тихих и осторожных загнали в трудовые поселения (колхозы), покидать которые им было строго-настрого запрещено. При этом их на долгое время — на тридцать лет! — лишили даже паспортов.

Из колхозов бежали всеми возможными способами. Призванные в армию после службы в большинстве своем вербовались на стройки, уходили на заводы и фабрики, а деревня теряла не только рабочие руки, но и завтрашних отцов семейств. Что, в свою очередь, заставляло девушек тоже любыми средствами бежать в города, на стройки, в Сибирь, за Урал — да хоть к черту на рога! — лишь бы уйти из беспрерывно пустующих деревень. Советская власть обрекла крестьянство — свою основу и своего кормильца — на вымирание и на пассивную и бесконечную борьбу за личную свободу.

И молодежь либо спивалась в колхозах, либо попадала в условия чуждой им городской культуры. А церковь, являвшаяся столпом крестьянской нравственности, была разгромлена, а деды с бабками остались в деревне, и мы в результате закабаления крестьянства получили огромную, исчисляемую многими миллионами массу людей, стоящих одной ногой в деревне с ее генной памятью о барине, а второй — шаткой и неуверенной — в городе с разгромленной большевиками интеллигенцией, где

правил бал городской мещанин со своими вкусами, запросами и своим пониманием, как надо жить, чтобы ВЫЖИТЬ.

И Россия перестала жить. Она начала ВЫЖИВАТЬ.

А первое условие выживания на собственной утраченной Родине — терпеть, приветствовать и не спорить. То есть, жить так, как жили их деды и прадеды. Тишком. Превратившись в холопов.

А второе условие выживания — не надрываться на работе, поскольку плоды ее тебе не принадлежат. Перекуривать ее по возможности.

А третье условие — просить барина, как бы он сегодня не назывался. Просить пособий, помощи, льгот да хоть кулек конфет для ребятишек.

А четвертое — воровать, что под руку попадет, как только барин или его надсмотрщик отвернутся. Тащить все, что плохо лежит.

Все это — черты холопства, реанимированного заботами и неустанными хлопотами родимой Советской власти.

— Ты меня уважаешь?

Где, в какой стране, в какой точке Земного шара зададут этот вопрос после второго стакашка родимой водочки? В какой стране воздвигнут Мавзолей человеку, уничтожившему собственную Родину? Расстрелявшему твоих отцов, загнавшему твоих братьев в концлагерь? Это возможно только у нас, в России, в стране возрожденного холопства и настолько к нему привыкшего, что встречает всех остальных (не холопов) с огромным недоверием, неприязнью, недоброжелательством, а зачастую и с ненавистью, как то случилось на наших глазах с таинственными «лицами кавказской национальности».

Ну, повезло жителям Кавказа: они не знали крепостного права. Они никогда не были холопами и, что важнее, никогда не ощущали себя холопами. Отсюда их предприимчивость, дерзость и чувство собственного «Я». Попав на Кавказ в середине прошлого столетия, Александр Дюма ахнул, повстречавшись с горцами:

«Какая невероятная разница между смиренными крестьянами России и этими суровыми, полными достоинства горцами в с изодранных черкесках, но непременно с дорогим кинжалом за поясом!»

Мне нелегко говорить об этом, поверьте. Но существует строгая пропорция между количеством хозяев жизни и количеством холопов. И меня не оставляет горькое чувство, что мы подошли к порогу этой пропорции.

Один пример. По 1-й программе ТВ сообщили, что расторопные петербуржцы уже изготовили букварь о детских

годах маленького Вовочки. Из лучших холопских побуждений: ничего подобного никогда не издадут ни во Франции, ни в Америке, да ни в одной стране мира, за исключением КНДР. Что-то липкое закапало вдруг в нашем царстве-государстве.

Имя этой приторной влаги — холопская тоска по барину.[2]

ОТПУСТИ НАМ ГРЕХИ НАШИ…

Я — атеист по воспитанию, по семейной традиции, по убеждению, наконец, но прошу не путать меня с безбожниками. Я и мои родители всегда с величайшим уважением и пониманием относились к церкви, мать еще в детстве познакомила меня с Евангелием, объяснив, что в этой Книге сконцентрирована мудрость тысячелетий, что любая Вера требует трепетного отношения. Евангелие и Библия и сейчас мои настольные книги, я знаю Евангелие почти наизусть, а Библию многократно перечитываю, всякий раз поражаясь ее поразительной мудрости, удивительному языку и великой нравственной силе.

Нравственная мощь Христианства основывается на постулатах На горной Проповеди Христа. Отработанные человеческим опытом многих тысячелетий моральные принципы ее, выраженные в строгих и очень точных формулировках, живут без малого две тысячи лет без всяких изменений, разъяснений и добавлений. В них ничего не убавишь и ничего не прибавишь, их не заменишь инструкцией или распоряжением свыше. О них можно только забыть самому и силой заставить забыть других. Не это ли имел ввиду великий русский историк Ключевский, написав слова, ставшие сегодня пророческими:

> «Ворота Лавры Преподобного затворятся и лампады загаснут над его гробницей только тогда, когда мы растратим без остатка весь духовный нравственный запас, завещанный нам нашими великими строителями земли Русской, как Преподобный Сергий».

Уже в июле 1920 года Наркомюст распорядился о «ликвидации всех и всяческих мощей», и первой была вскрыта могила величайшего из русских патриотов, инициатора и идейного вдохновителя Куликовской битвы Сергия Радонежского. Кощунственное перетряхивание праха национального героя и русского святого было не просто прилюдным, но и снималось на кинопленку в назидание потомству, которое отныне обрекали жить вне христианской морали, без нравственной опоры и понятия личного греха.

Так начинали наши завоеватели и оккупанты. Я видел эту документальную ленту, а кроме этого, чудовищного по своей просчитанной безнравственности фильма видел, собственными глазами видел и многое другое, столь же кощунственное и столь же аморальное.

— Борька, возле костела могилы разрывают!..

И я помчался: все дети безгрешно любознательны. Территория смоленского костела охранялась милицией, но на мальчишек никто особого внимания не обращал. Мы спрятались за кладбищенскими памятниками совсем близко от разрываемой могилы, и нам были слышны не только удары заступов, но и голоса самих гробокопателей.

— Глянь, зуб золотой. И перстень.

И летели наверх челюсти и кисти, а наверху костоломы клещами вырывали золотые зубы и ломали полусгнившие кости, снимая нательные крестики, кольца и перстни, которые вручали ответработнику в кожаной куртке.

Это — детство мое. Господи, прости…

А в Воронеже Чугуновское кладбище разрывали подряд, не щадя даже окраинных, заведомо бедных могил: а вдруг и там золотишко завалялось? Но тоже вполне организованно, под четким руководством бдительных органов, хотя и без особой охраны. Я стоял совсем рядом с могилой, смотрел, как старательно перетряхивают прах в поисках чего-либо полезного для победы мирового коммунизма, и мне было страшно. Страшно и горько, хорошо помню и до сей поры.

Это — мое отрочество. Господи, прости…

А на месте Чугуновского кладбища теперь парк. И телевизионная вышка. На костях о нравственности рассуждают и обвиняют демократов в разгуле преступности.

Вероятно мы и в этом «впереди планеты всей». Мародерство было санкционировано Советской властью. Да, массовое уничтожение церквей, почти поголовное превращение монастырей в застенки, взрыв Храма Христа Спасителя, как апофеоз этого средневекового варварства, были чудовищными преступлениями, и все же глумление над давно почившими предками нашими куда более страшное и гнусное деяние, ибо ничто так не разрушает нравственность, как кощунство. Святотатство и кощунство, издревле воспринимаемые нашим народом, как тягчайшие грехи, было отменено коммунистами, превратившись в обычную работу для пользы дела.

Гробница первого Гражданина России Кузьмы Минина разрушена и уничтожена в середине тридцатых годов. А на месте Спасо-Преображенского собора, в крипте которого благодарная Родина определила ему некогда вечный последний приют, выстроен Дом Советов. Характерно, что в «Путеводителе по Волге» за 1937 год в разделе «Город Горький» нет даже упоминания о самом Кузьме Минине.

Могила любимца А. В. Суворова героя Отечественной войны

1812 года князя Петра Илларионовича Багратиона на Бородинском поле была не только ограблена, но и взорвана, дабы и костей легендарного полководца не осталось нам в наследство. Взорвана, а задним числом восстановлена, но и восстановлена-то не на том месте, где была.

Так встретила меня моя молодость. Господи, прости…

Коммунистическая система пропаганды и обучения растлевала всех нас, весь народ продуманно и целеустремленно, готовя не просто «Иванов, не помнящих родства», но людей, не знающих сострадания и жалости, чести и совести, убив в нас само понятие греха и старательно выращивая вместо этого святого ощущения только страх перед властями. А добившись этого леденящего души страха, вдруг спохватилось, поняв, что перегнуло палку, когда с заводов и фабрик, с колхозов и совхозов стали тащить все, что попадалось под руку. Запчасти — так запчасти, зерно — так зерно, доски, шифер, гвозди, канцелярские скрепки — да все, что плохо лежало, вплоть до оконных рам и скамеек в электричках. Это началось вскоре после войны, росло, как снежный ком, и никакие драконовские законы уже помочь не могли. Началась стремительная криминализация нашего общества. Она началась изнутри, а не снаружи, потому что внутри каждого человека образовалась пустота.

Тогда коммунисты спохватились и поспешно сочинили «Моральный кодекс советского человека», кое-как переписав постулаты Нагорной проповеди Христа. Помните доски с полуграмотными разъяснениями, что такое хорошо и что такое плохо, в приказном порядке развешанные по всем предприятиям и конторам, школам и институтам, совхозам и колхозам? А воровство росло и набирало мощь, а пьянство становилось повседневным явлением не только в подворотнях, но и на работе, а блатная «феня» вытесняла родной язык, и матерщина гнилой паршой расползлась по всей Стране Советов.

Ну, и причем же здесь демократы и демократия, господа, тоскующие по прошлым красным временам? Это ведь советские люди разрывали могилы предков наших и взрывали Храмы наши. Советская, чудовищно безнравственная пропаганда лишила страха Божьего большинство населения, подготовив сегодняшних убийц и насильников. Свершив величайший исторический грех, уничтожив одно из самых высоконравственных государств мира — Россию, — большевики решили повязать ее население одной веревочкой и — повязали. Спасибо, радетели, наша преступность действительно оказалась на высоте. Во главе планеты всей.

Пришедшие на смену большевикам коммунисты умудрились разложить даже армию нашу, традиционную гордость русского

народа. Я хорошо знаю армию не только потому, что служил в ней, а потому, что она — моя колыбель. Я родился в семье офицера, я рос в военных городках, я в шестом классе впервые надел военную форму, а в девятом в ней же пошел добровольцем на фронт. Так вот, армия моего детства не пила, не издевалась над новобранцами, не воровала и не материлась. Это при вашей власти начали вмертвую пить офицеры. Это при вашей власти в армии родилось уродливое гнусное как по форме, так и по содержанию небывалое в русской армии явление дедовщины. Это ваш бравый генерал-полковник (Второй класс в Петровской Табели о рангах с титулом Высокопревосходительства!) орал в мегафон площадную похабщину. Это ваши интенданты воруют оружие, снабжая преступный мир. Ваши, а не наши. Не русские, а — советские. Гнилые плоды с советского древа познания Добра и Зла.

ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО: ОБЩЕСТВО, МОРАЛЬ И ПРАВО

То, что перечислено в заголовке, и есть собственно культура человеческого сообщества. Не отдельного человека, а сообщества в целом, то есть, этнической группы, народности или нации. Наше современное обыденное понятие культуры подразумевает под нею чаще всего искусство, в лучшем случае — гуманитарное просвещение: история, литература и т. п. Однако это лишь части той гигантской крепости, которую человек воздвиг между собою и природой, почему, собственно, и стал человеком. Человеческое сообщество («племя») способно существовать без литературы и истории, без искусства (кроме примитивного); подобные племена найдены в бассейне Амазонки, в джунглях Африки и полупустынях Центральной Америки. Но они так и останутся племенами, не став народами, если не сумеют породить у себя гражданского общества. Подчеркиваю — «породить», т. е. создать себя из себя самих, не прибегая к заимствованию и помощи извне.

XX век обогатил нас и неким феноменом человеческого сообщества, внешне вполне жизнеспособного. Я имею в виду Советский Союз — единственный в истории человечества союз народов, три четверти века существовавший вне религиозного пространства. Ничего подобного доселе не наблюдалось даже среди племен колыбельной цивилизации. В конечном итоге он рухнул, как государственное образование, и в этом его крушении сказалось и отсутствие религиозной составляющей. Крушение СССР привело к весьма тяжким последствиям, но об этом — ниже.

Все мы — родом из Советского Союза, но корни наши — в России. А Россия насчитывает свыше тысячи лет своего существования, почему особенности наших корней надо знать хотя бы для того, чтобы разобраться, что с нами произошло, и что происходит. Поэтому займемся кратким экскурсом в собственную историю.

Почти до конца XIX века Россия, в основе своей, была страною рабов и рабовладельцев. Эти две шестерни и вращали могучий государственный механизм, правда, с разной скоростью, ибо замершая в своем развитии энергосистема рабов не требовала, по сути, никаких внешних изменений, обходясь самовосстановлением. Иное происходило в подвижной, тесно связанной с правящим классом среде рабовладельцев. В их обязанности входило не воспроизводство средств пропитания, а их защита от внешних посягательств и управление

государственной машиной на разных уровнях. Это требовало не только подготовки, но и гибкости в подстройках к изменяющимся условиям существования самого государства: войны, неурожаи, эпидемии и т. п. В соответствии с этим в России и существовали две культуры, обеспечивающие жизнь как рабов, так и хозяев. Обе они в основе опирались на христианскую мораль, однако в деревне эта мораль играла куда большую роль, нежели в дворянской среде. Для сельского жителя церковь была не только местом общения и общей молитвы, но и единственным источником христианской морали, представления о мироустройстве, а позднее и грамотности. В городе при обилии храмов и наличии иных мест общения (дворянские и купеческие собрания, клубы, разный стиль жизни) существовали театры или театральные общества, философские кружки, гимназии и университеты и т. п. Базы основных культур России оказались различными, а потому и не могли служить основой для создания единого гражданского общества. В начале — до отмены крепостной зависимости — существовало и разное право (дворянина можно было арестовать только за уголовное преступление, нельзя было подвергать его унижению и уж тем более пыткам или избиениям). С рабами было просто: их казнили, ссылали или отправляли на каторгу зачастую вообще без всякого суда. С отменой крепостничества Россия начала строить единое гражданское общество на фундаменте общих законов, но процесс шел замедленно, поскольку разница в образовании была катастрофической: вчерашние рабы почти сплошь были неграмотными. И эта массовая неграмотность основной части населения сыграла огромную роль в осуществлении большевистского переворота.

В конце двадцатых годов XX века это рыхлое население, по-прежнему сидящее на двух стульях (т. е. принадлежащее двум различным культурам) подверглось неслыханному в мировой истории террору. Террор был вполне рациональным: уничтожить обе культуры старой России для того, чтобы создать (сверху!) единую советскую культуру. С этой целью в деревне разрушили до основания как экономический, так и и моральный базис культуры деревенской, проведя насильственную коллективизацию и ликвидировав церковь. То же происходило и в городах, где не только взрывали соборы и храмы, но и беспощадно уничтожали самих носителей дворянской культуры, т. е. собственно дворян и разночинную интеллигенцию. Одновременно проводилось гигантское по своим масштабам переселение народных масс ради промышленных строек, освоения Сибири и Дальнего Востока и т. п. Это дополнялось бегством из деревень в города, поселки, на

те же строительства, и в результате этой как централизованной, так и бессистемной перетасовки населения окончательно рухнули обе русских культуры.

Рухнули, прежде всего, потому, что культуре невозможно обучить. Культуру можно только воспитать в семье. Иного способа передачи основ культуры просто не существует.

Больнее всего это ударило по деревне. Бежать из нее могли только молодые, оставляя бабок и дедов доживать век. А заработная плата в СССР была столь низка, что приходилось работать не только отцу, но и матери, чтобы кое-как свести концы с концами. А старшее поколение осталось в селах, и детей начала воспитывать Улица.

Важным обстоятельством было и то, что попадая из сел в города, крестьяне не могли воспринять городскую культуру, поскольку она была более развитой и разнообразной. Поэтому они вынуждены были довольствоваться субкультурой городского обывателя, в котором еще сохранились глубокие деревенские корни.

Советскому государству так и не удалось создать некой советской культуры. И это естественно: культура создается народом, а не правящей верхушкой, и никакая идеология здесь не поможет. То, что нам выдавали за особою «советскую» культуру есть всего лишь коктейль из двух культур России, замешанных на свинцовых окислах прямолинейной идеологии и залитый в свирепо строгие формы партийной цензуры.

С крушением Советского Союза эта культурная смесь, именуемая советской культурой, стала расслаиваться, как только из нее выпали тяжелые идеологические окислы. Однако носители ее составляющих практически исчезли как на селе, так и в городе, если, конечно, не понимать под «культурой» фольклорные ансамбли. Культура самовозрождается в каждом новом поколении, а в деревне таковое возрождение оказалось практически невозможным. А из городов уже выветрилась культура городская вместе с жизнями ее состарившихся носителей, и в них окончательно восторжествовала субкультура городского обывателя, опирающаяся уже не на обычаи, как встарь, а на принципы «прилично — неприлично» да на моду, получившую сказочные возможности с развитием СМИ.

Кроме того, в Советском Союзе — единственной стране мира! — получила широчайшее распространение субкультура мира уголовного. Большевистский террор пропустил через концлагеря, спецпоселения, колонии, ссылки и тюрьмы массы самых различных людей, сознательно перемешав их с уголовниками для скорейшего «перевоспитания». Эта система

построения советской культуры рухнула со смертью Сталина, огромное количество зеков было выпущено на свободу, и уголовная субкультура мутной волной накрыла все население России. Блатная «феня» стала внедряться в разговорный язык, а основной постулат этой субкультуры «Сдохни ты сегодня, а я — завтра» обрел жизнь под псевдонимом «жить по понятиям». То есть, не по законам культуры общества (мораль и право) а по основополагающим принципам уголовной среды, что окончательно разрушило фундамент построения единого гражданского общества в России сегодняшней. Наивное, обывательское представление, что у истории нет завтрашнего дня, неожиданно ударило по нашим гражданам из дня позавчерашнего.

Залп из прошлого основательно подорвал наши моральные устои, чему свидетельством воровство и коррупция решительно во всех сферах и институтах, как власти, так и общественной жизни. А органы, долженствующие наблюдать за исполнением прав граждан, заражены проказой той же морали, почему и разваливаются судебные процессы, если, разумеется, не судят старушку, укравшую мешок с отрубями. И даже само слово «мораль» практически исчезло из оборота, что указывает на ее жалкое существование в тайниках еще не окончательно распавшихся, проворовавшихся или спившихся душ.

Не обвиняйте автора в пессимизме: я верю и верую. Верю в новые поколения, не отравленные трупным запахом разложения некогда могучей сверхдержавы: они лишены присущей старшим неуверенности в дне завтрашнем, потому что этот завтрашний день — их день, их семьи, их жизни. И я верую в несокрушимую победу Добра над Злом, а, следовательно, в Воскрешение. Постепенно идущие нам вослед поймут, что такое культура России, перестанут путать культуру с искусством, образование — с образованностью, генеральские погоны — с индульгенцией на непогрешимость, а суетливую церковную обрядность — с постижением великих Заветов Христа. И все образуется. Все!

Ведь дело очень простое: ПОНЯТЬ. Понять, что без твоей личной нравственной позиции не существует общественной морали. А следовательно, и единого гражданского общества, без которого немыслимо счастье твоих детей.

ПРОЩАЙ, РОССИЯ!

Русский Двуглавый Орел всегда приковывал мое внимание. С той обязательной мерой тихой грусти и почтения, с какой смотрят на великие памятники.

Это — не герб. Это величественный памятник культуры, исчезавшей и окончательно исчезнувшей на моих глазах.

Любой человек — олицетворение триединства. Он соединяет в себе прошлое, настоящее и будущее. Своих родителей, себя самого и своих детей. Христианство почерпнуло триединство из этой сути человека. И сделало сакральным, чтобы вдолбить в наши головы естественный закон бытия..

Без прошлого нет настоящего, потому что нет Сына.

Без настоящего невозможно будущее, потому что некому передать Завет.

А если его нет, этого Завета? Если он заменен построением счастья во вне человека, а не внутри его? Тогда Завет замещается в душе распоряжением, приказом, умозрительной идеей, до которой нет дела никакой отдельно взятой семье. Тогда будущему передают не Завет, как надо жить, а правила, как надо выживать. И исчезают граждане, и остаются люди, которым не нужно рисковать жизнью, чтобы отстоять Завет для завтрашних поколений, а нужно просто воспользоваться моментом, чтобы что-то продать, а что-то купить. Себе, ибо Я замещаю Отечество. Оно делается ненужным и даже обременительным, потому что требует моих личных сил, средств, а то и жизни. А отдавать ЭТОГО я не желаю. Я не посвящен в рыцари без страха и упрека, я весь — безупречный страх.

Когда безупречный страх начинает превышать определенный процент населения — нация обречена. Не народ — народ никуда не денется! — а НАЦИЯ, которая может существовать только в Отечестве своем. По этой причине исчезали Великие державы, и римляне становились итальянцами, древние греки — жителями Пелопоннеса, а строители пирамид — сегодняшними египтянами. Они остались народом, способным к воспроизводству, но нации исчезли в пучине времен.

Это — не вступление и не предисловие. Это — запев погребальной песни.

Двуглавый орел России — не герб, а символ. Не былой мощи, а былого устройства российской нации. Каждая глава этого орла олицетворяет собою стороны российской жизни, которая могла существовать, только опираясь на присущую ей культуру. Но тело Орла было единым, равно как его сердце и душа. Это единство

формы питало внутренней энергией русскую нацию. Внутренняя энергия давала тот избыток агрессии, которая обеспечивает поступательное духовное развитие, именуемое прогрессом. Его двигателями являются наиболее агрессивные таланты нации.

Ежегодно самые агрессивные представители человечества отмечаются Нобелевской премией. Точно так же, как наиболее агрессивные представители нации награждаются премиями государств, институтов, обществ, академий.

Всякое явление двулико, как Янус: мир вообще устроен биполярно. Расхожий, привычный, внушенный нам с детства и затасканный прессой лик древнеримского божества времени ужасен. Он сеет смерть и разрушения, голод и мор, террор и насилие. Это — лик смерти. Его носители опоясаны мечом и освещены заревом пожаров. Именно поэтому родители с детства стращают нас им, редко упоминая, что у бога Януса есть и второе лицо. Это — лицо мудреца и художника, философа и поэта, первооткрывателя тайн и целителя недугов человечества.

Лик смерти олицетворяют завоеватели и покорители. Кортес и Писарро, Чингисхан и Ленин, Гитлер и Сталин, Джек-Потрошитель и Чикатило.

Лицо жизни вечно освещается именами Конфуция и Авиценны, Ньютона и Ломоносова, Шекспира и Толстого, Рембрандта и Моцарта, Фрейда и Павлова.

Лики Януса — это Христос и Антихрист.

Они живут в каждом народе и в каждом человеке. И только семья, только тот огромный, никем и никогда не сочтенный труд, называемый воспитанием, дает жизнь одному за счет нравственной щедрости других. Так происходит второе рождение человека — зародыш того, кто с течением обстоятельств когда-то изберет либо тернистый путь Христа, либо огненную дорогу Антихриста.

Но — при одном непременном условии. Если он рожден с избытком энергии в душе своей. Люди изначально рождаются не одинаковыми. Энергия отца и матери может суммироваться в человеческом зародыше, а может и вычитаться друг из друга.

Мужчины стали агрессивными не потому, что так запланировала природа: львица агрессивнее льва. В течении миллионов лет выживал сильнейший, и тихие мальчики не успевали давать потомства. Вспомним о том, что первым изобретением человечества была дубина.

Однако женщине нужна была не всякая агрессия, а лишь та, которая защищала ее и ее детей и доставляла им пищу. И пока мужчина бегал за добычей с дубиной в руках, женщина обихаживала своих детей и защищала свое гнездо. Любой плач из

этого гнезда мог привлечь хищника или агрессивного мужчину чужого рода и племени. И женщина убаюкивала детей, мычала им колыбельные и приплясывала перед ними, чтобы они угомонились. А потом научилась танцевать, петь песни и рассказывать сказки…

Так рождалось искусство. Оно старше культуры и, в общем-то, почти не имеет к ней никакого отношения, почему Россия — та Россия, которая ушла в небытие в крови и страданиях — и называла ее жриц и жрецов богемой.

А мужчина все еще бегал за мамонтами, тиская дубину в потной ладони. И в минуты отдыха не мычал песен, а подгонял дубину по руке, чтобы сподручнее было убивать.

Женщина — колыбель искусства и культуры, тогда как мужчина всего лишь исток цивилизации.

Мужчине изначально не нужны были фундаментальные основы культуры: мораль и право. Тот, кто уповает на дубину, не нуждается в законах.

Право, мораль и религия понадобились женщине, чтобы защитить себя и своих детей, не прибегая к силе. И в сегодняшних сообществах, растерявших мораль и пренебрегающих правами, зримо виден откат в те далекие времена, когда торжествовало только право силы. У зверей нет религии вовсе не потому, что в них не «вдохнули Духа Божьего», а потому лишь, что у них нечего передавать потомству. Эту обязанность исполняет сама Природа. У человека инстинкты сведены к минимуму, чтобы максимально расширить поле деятельности разума и тех веками накопленных человеческих знаний внутренних законов общежития, которое и является культурой, столь часто именуемой душою в упрощенной форме. Вот оно-то и было тем яблоком, которое Ева протянула Адаму: Библейские мудрецы прекрасно понимали, кому человечество обязано духовным прозрением.

Духовное прозрение человечества улиткой ползло по дороге времен, оставляя за собой кровавые следы, ибо самую большую часть своего существования человечество прожило в рабстве. Именно это постоянное ощущение, что человек — ничто, товар, который завтра купят или продадут, ощущение полной незащищенности и мучительной жажды освободиться от него если не при жизни, то хотя бы после нее, и породило культ единобожьих религий. Он возник впервые в Иудее, но наиболее полно проявил себя в одной из его сект — секте ессеев, впоследствии давший росток христианству, а позднее и исламу. Мечта о Рае, где все претерпевшие в этой жизни будут вознаграждены неземным блаженством, и аде, в котором будут вечно мучиться неправедные гонители и жестокосердные

угнетатели. И это было не мщением, а компенсацией за страдания. Но чтобы достичь этого неземного блаженства, мало быть просто угнетенным: требовалась строгая, нравственная и кроткая жизнь. Эту идею особенно четко и последовательно проводили в жизнь религии всех конфессий, что и закрепило за ними представление, будто они одни и являются проводниками общечеловеческой морали.

Но это не совсем так. Бесспорно, принятие единобожных религий сыграло огромную роль в постижении основополагающих принципов Добра и Зла. Однако воспоследовавшие этому акту религиозные войны как в форме крестовых походов, длительной борьбы меж ортодоксальным христианством и протестантством, так и в неприятии иных религиозных конфессий, которая, к примеру, в России продолжается и до сей поры, оставляют множество вопросов.

На Руси православие византийского толка пробило себе дорогу жестким повелением князя Владимира, огнем Добрыни Никитича да мечом воеводы Путяты. Языческие славянские племена долго и упорно сопротивлялись захватчикам русам, среди которых летопись неоднократно упоминает христиан. Христианкой была и бабушка князя Владимира княгиня Ольга, хотя сам он долгое время оставался язычником, имевшим дюжину законных жен и, как утверждает летопись, несколько сот любовниц. Но это не мешало ему быть одним из самых мудрых и расчетливых политиков того бурного и жестокого времени.

Князь Владимир прекрасно осознавал мятежную неустойчивость великого княжества, недавно созданного из разных племен и разных народов. Особенно часто поднимались славянские племена вятичей, радимичей, древлян, финские — мерь и весь. Ежегодно, а когда и дважды в год княжеские дружины «примучивали» непокорных, но они бунтовали снова и снова.

Необходимо было нечто единое для разноплеменных и разноязычных народов, доставшихся ему в наследство. Этот цемент, связующий разные народы в единую державу, существовал почти во всех соседствующих государствах: Иудаизм в разгромленной его отцом князем Святославом могучей Хазарии, ислам — на юге, католицизм — на западе, православие в Византии, с которой Русь связывали дипломатические и торговые отношения. Владимиру было, из чего выбирать, и, судя по свидетельствам летописей, он выбирал неторопливо и вдумчиво. Легенды говорят, что христианство ему не нравилось по причине обязательного единобрачия, ислам запрещал спиртное, к которому великий князь был неравнодушен, иудаизм пугал тем,

что не сумел спасти свою родину от разгрома. Тут было, над чем подумать, и Владимир не торопился, рассылая своих представителей в соседние страны для изучения положительных и отрицательных сторон религий разных конфессий.

В конечном итоге им было избрано православие, но вовсе не потому, что, якобы (так утверждает летопись) церковное служение в ней было особенно благолепным. Торговые договора и путь из Варяг в Греки были куда более весомым аргументом: иначе невозможно объяснить, почему Владимир, уже решившись принять греческую веру, пошел на Византию войной, захватив Корсунь и предъявив византийским властям требование выдать за него сестру императора. Сделка была заключена, Владимир крестился в Корсуньской церкви и там же обвенчался с византийской принцессой. И только после этого жестким повелением загнал в Днепр киевлян для общего крещения, а Новгород обрек мечам и пожарам.

Однако Руси долго пришлось ждать внутреннего спокойствия и порядка. Сельское население Руси, то есть, подавляющее большинство народа, не желало признавать новой веры, и двоеверие на Руси господствовало вплоть до нашествия Батыя. С признанием вассальной зависимости Русских княжеств от Золотой Орды церковь наконец-то стала прочно становиться на ноги.

Тому способствовало много причин. Во-первых, властители Золотой Орды покровительствовали русской православной церкви (мать сына Бату Сартака была христианкой несторианского толка), во-вторых, монголы были вообще на редкость веротерпимы и, в-третьих, подавляющее большинство непримиримых язычников уходило служить в татаро-монгольские войска. И этот период явился не только периодом окончательной победы христианства на Руси, но и осознания Церковью своего долга перед народом.

Отношение к церкви на Руси было далеко неоднозначным. Если податные сословия, как правило, стремились истово веровать, находя в церкви утешение и умиротворение, то сословие правящее позволяло себе вольности, порою выходящие за рамки приличия. Иван Грозный не только повелевал убивать неугодных ему иерархов, но и устраивал целые потешные спектакли на священные сюжеты, а Петр Первый заставлял работать на армию монахов, облагал монастыри дополнительными налогами и своим повелением вообще отменил Патриаршество, которое вернула только Советская Власть. В X! X веке просвещенное дворянство исполняло привычные обряды — крестины, свадьбы, похороны — но этим, как правило, и

ограничивало свои отношения с церковью. А в конце того же Девятнадцатого столетия антиклерикальное ее фрондерство зашло столь далеко, что Синод вынужден был ввести запрет на получение заграничного паспорта без справки о говении. Русская литература и живопись — яркое свидетельство антиклерикальных настроений русской интеллигенции.

Впрочем, было, за что: грехов у русской церкви перед русской культурой нисколько не меньше, чем заслуг. Это ведь она сожгла в срубе замечательного писателя средневековья протопопа Аввакума. Это она преследовала Пушкина и Гоголя, она предала анафеме — кстати, не снятой и до сей поры — гениального Льва Толстого, она наушничала как царским, так и советским тайным службам о настроениях верующих, выдавая им тайну исповеди.

Бесспорно, любая религия есть существенная составляющая культуры народа, но преувеличивать ее значение в начале третьего Тысячелетия вряд ли следует. Да, это — историческая традиция, напоминающая о сложившихся обрядах. Да, это — общепринятый психотерапевт, облегчающий многим жизнь и снимающий излишнее напряжение. Да, это — живой музей истории народа, напоминающий о вчерашних ценностях мира сего. Но преувеличивать значение церкви, как института культуры, мне представляется не только ненужным, но и опасным. Богу — богово, кесарю — кесарево. Великую Отечественную войну выиграли, как известно, атеисты.

Даже искусство в конце Двадцатого столетия в огромной степени утратило свою культурную миссию. Если в прошлом веке оно видело свою задачу прежде всего в консолидации всего общества, сея сочувствие и сострадание и помогая постигать сложности человеческих характеров, то ныне с развитием средств массовой информации оно с куда большим размахом и усердием занимается развлечением, в чем особенно преуспело телевидение.

Женские составляющие начала духовной жизни человеческого сообщества — и прежде всего религия и искусство — заложив основы взаимопонимания, мира и согласия, стали отставать от мужского ее начала с развитием высоких технологий, позволивших заменить охоту и примитивное земледелие иными способами добычи средств существования. Условно говоря, мужчина победил, создав цивилизацию, те основы культуры, которые были заложены женщиной. Равновесие было нарушено, и история векового угнетения женщин лишь подтверждает этот вывод. Равновесие было найдено в общей морали и общем праве как для мужчин, так и для женщин.

Кстати сказать, если сами понятия морали и нравственности еще не совсем исчезли в нашем обществе, то упоминание о них в

прессе, а уж, тем паче, по телевидению стало редчайшим событием. Случайно ли это? Боюсь, что скорее закономерно. Это скорее признак исчезновения этих понятий, признание за ними то ли чего-то сугубо второстепенного, то ли не совсем, что ли, современного в том болоте аморального и безнравственного потопа, грязной волной которого накрывают нас почти все программы телевидения и тучи расплодившейся, как навозные мухи, книжной продукции, часто выступающей под прикрытием псевдонаучной популярности или дешевой беллетристики. Почему и позволю себе напомнить, что есть что.

Мораль — внутренний закон сосуществования человеческого сообщества, основанный на исторических обычаях, привычках, религии, свойственного данному народу менталитете и т. п.

Нравственность — внутренний закон семьи, основанный на традициях, привычках, запретах и семейном воспитании, что дает обладающему нравственностью человеку остаться нравственным и в аморальном сообществе. Русская интеллигенция оставалась интеллигенцией и в Сталинских концлагерях.

Политические и экономические причины были столь отчетливы при решении князя Владимира принять христианство из Византии, а надобность в единой религии столь велика, что некогда было обращать внимания на некоторые весьма важные сопутствующие обстоятельства. Они заключались в том, что народ вместе с религией получал и основы гражданского права. И если Рим имел в своем прошлом различные формы правления — как империи, так и республики — то Византия была одной из самых жестоких и кровавых деспотических держав раннего Средневековья. Поэтому страны западной Европы получили право Римское, в основе которого лежала человеческая личность, тогда как Россия вместе с православием восприняла основы права Византийского, при котором интересы государства были всегда заведомо выше интересов его граждан.

Это византийское право господствовало на Руси почти тысячу лет. Тысячу лет Слово и Дело олицетворяли собою закон, суд, права граждан и отсутствие надежд на справедливость. Девять тысяч стрельцов, зарезанных на Красной площади по личному повелению Петра Первого — всего лишь один из примеров торжества византийского права. Кстати, именно по этой причине Москва не ставила Петру памятников. Нужно было напрочь забыть историю собственного народа, чтобы памятник одному из самых кровавых деспотов человечества вознесся над историей нашего народа, над Кремлем, Москвою и — нами. Сегодняшними.

Судебные реформы Александра Второго — единственного мирного реформатора за всю кровавую историю России —

наконец-то отменили этот чудовищный пережиток раннего Средневековья, и в этом — одна из основных причин убийства Государя-интеллигента. Больше Россия — в наказание — не получит ни одного правителя, хоть сколько-нибудь, хоть в самой малой степени претендующего на интеллигентность. То большинство, которое в конечном итоге победило на Руси, ненавидит интеллигенцию, хотя когда-то это, уничтоженное ими же меньшинство гордилось ею, как величайшим общенародным достоянием.

Мировые религии есть первые системные культуры, противостоящие агрессии. Они — все, без исключения! — построены на запретах, на табу, и запреты эти столь же агрессивны, сколь агрессивно религиозное понятие греха, нарушения системы. Они предполагают жесточайшие наказания вплоть до лишения Царства Божия, Рая, отпущения грехов отмолимых, а в начале своего пиршества — и физические терзания вплоть до смерти ослушника — вспомним Джордано Бруно. Отступничество каралось беспощадно, но религиозная система — отдадим дань временам — была единственной плетью, способной загнать человеческое стадо в стойло.

Русская церковь предложила систему семейного воспитания. Жесткую, порою жестокую, всегда бескомпромиссную и суровую, но — систему. Разрушение церкви разрушило и систему ее отработанного семейного воспитания подрастающего поколения. Исчезли запреты и табу, и стадо людское разбежалось по животворным нивам и пастбищам, грабя и воруя, сквернословя и богохульствуя, издеваясь над слабыми и пресмыкаясь пред сильными мира сего.

Так рухнул главный Завет поколений.

Это не я тороплюсь Это вскачь несется птица-тройка с окончательно обезумевшим Селиваном на козлах.

История не терпит сослагательного наклонения, однако государь Александр Второй ехал подписывать Конституцию. И если бы не бомба Гриневицкого… Нет, нет, история не терпит иного: она не терпит вторжения человеческой воли в свое развитие. За проявление личной своенравной воли следует наказание, растянутое во времени. Наказание не для поколения свершивших преступление пред судьбою предначертанной, а для их внуков, правнуков, праправнуков до седьмого колена. Отсчитайте, на кого придется это седьмое колено. Если полагать, как полагают демографы, что в столетии укладывается три поколения, то есть, три колена, то России ждать искупления вины еще около ста пятидесяти лет. Полтора века. Да мы за это время собственную азбуку забудем, судя по телевизионному напору.

Ничто не проходит бесследно. Логика истории мстит за вторжение в ее внутреннюю стабильность — мы доказали это собственным кровавым опытом. Собственной судьбой своего собственного народа.

Речь не идет об убийстве помазанника Божия, хотя и этого я не берусь окончательно сбрасывать со счетов. Речь идет о вторжении в Историю злой человеческой воли, исходящей не из необходимости, а из теоретического постулата. Из самодовольного убеждения, что внутренними историческими процессами можно управлять.

Александр Второй был убит 1 марта 1881 года. Через 36 лет и почти день в день рухнула Российская монархия. Еще через год и пять месяцев был расстрелян внук Александра Второго Николай Второй вместе с детьми и женой Александрой Федоровной.

Так началась Эра Проклятия. История России выпала из естественного всемирного потока, мутной кровавой рекой затопив ее ни в чем неповинный народ.

Только неповинный ли?.. И можно ли быть неповинным, старательно исполняя приказы сорвавшихся с привязи пристяжных?..

* * *

Сергей Львович Толстой в своих воспоминаниях («Очерки былого») приводит любопытное мнение Л. Н. Толстого:

> «О степени культурности страны следует судить не по распространению грамотности и образованности среди массы, а по степени образованности высшего слоя населения».

Толстой предугадал один из основных аргументов строителей канализации собственной истории, в результате которой текущая по естественному руслу река Истории заилилась, обмелела и заболотилась среди множества искусственных плотин, затонов и неестественных проток, прямых, как солдатский штык. А со всех трибун кричат о чуть ли не поголовном высшем образовании, и не подозревая при этом, что любое самое развысокое знание есть всего лишь вторая ступенька лестницы, ведущей к озарению. И если первая ступень познания — представление о предмете — дается жизненным опытом, вторая — знание предмета — считывается с чужих мыслей, то третья — понимание предмета — есть результат собственных размышлений на фундаменте гуманитарных наук и философии в

первую очередь. Именно это и имел в виду бестелесный Козьма Прутков, сказав, что «специалист подобен флюсу».

Почему музыку России слышали во всем мире? Потому что звучал оркестр. Город играл на фортепьяно, в деревне заливалась гармонь, а оказавшийся меж ними обыватель тренькал на гитаре. А на чем играем мы? А мы уже не играем, мы — слушаем, как играют другие. У нас исчезла мелодия жизни. Ее разорвала гражданская война, ее заглушили стоны концлагерей, ее раздергали дирижеры, лихорадочно переписывая партитуру. И музыка заглохла в наших душах.

Из нас наружу рвется матерщина, перемежаемая уголовными воплями.

Не знаю, существует ли генная память, но я почему-то ощущаю себя скорее человеком конца XIX столетия, нежели XX. В котором не только родился, но — и это самое главное — выжил. Этот нечеловеческий, этот звериный глагол приходится употреблять, потому что люди в России советской не жили, а выживали. Вопреки.

Вопреки бабушка накрывала на стол так, как накрывали его в семьях провинциальной интеллигенции. Приборы, тарелки, салфетки. А на завтрак — по кусочку хлеба, поджаренного на льняном масле. Или — мамин кулеш:

Болтушка из ржаной муки с отрубями, поджаренная на крохотных кусочках сала. Каждому — по кусочку.

Это — голод тридцатых годов. Когда я попробовал написать о нем в автобиографической повести «Летят мои кони» (название не мое, у меня эта повесть называлась «Взбежать на холм и отдохнуть в траве», но Б. Н. Полевому оно не понравилось), все упоминания о великом голодоморе тридцатых безжалостно вычеркнула цензура на том основании, что не было объявлено о создании «Комитета по борьбе с голодом». А коли не было Комитета, то, стало быть, не было и самого голода. Подобная этой ложь сопровождала Советскую власть, как тень сопровождает сущность предмета. У нас не было даже Ашхабадского землетрясения, а так, только его тень.

У нас в семье никогда не повышали голоса друг на друга и никогда не ругались. Самым страшным ругательством отца было «Шляпа!», а он прошел четыре войны. А мама не могла выговорить даже слова «Дурак». И очень огорчалась, когда я приносил его с улицы.

Меня готовили в школу так, как готовили бы в гимназию. Я умел читать и писать, знал все четыре правила арифметики, имел представление об астрономии, географии, литературе, истории, знал много стихов, потому что обязан был встречать отца со

службы новым четверостишьем каждый день. И в начальной школе мне нечего было делать, но я аккуратно сидел до большой перемены. На ней выдавали тонюсенький кусочек хлеба с конопляным маслом, иногда даже чуть присыпанный сахаром. Я съедал эту пайку и сбегал. В Лопатинский сад или на Блонье, к Днепру или на Крепость, которую любил и знал до последнего зубца.

Вероятно я принадлежу последнему поколению России, которую мы потеряли, и первому — Советского Союза, который мы получили взамен. Но получили с верой в невероятно светлое будущее. В то самое Беловодье, в которое верили отчаянные русские мужики, срываясь с мест в поисках его. Колумбы Европы срывались с мест в поисках новых земель, а мы — сказочного Беловодья, где люди — странники рассказывали! — уважают друг друга.

Вспомните знаменитый русский вопрос:

— Ты меня уважаешь?

Его не зададут вам ни в каком Лихтенштейне или герцогстве Люксембург, не говоря уж о прочих европейских царствах и государствах. Это — наше достояние. Русское. Оплаченное тысячелетним рабством.

Вглядитесь в нашего Орла, в свое время привезенного из Византии. Его развернутые головы смотрят отнюдь не на Запад и Восток, как то нам вдалбливали в школе, потому что во время принятия герба Русь располагалась только в Европейской части. Они смотрят на два основных сословия — на рабов и рабовладельцев. И символизируют две культуры Руси — массовую культуру крепостного крестьянства, получившую в конце X1 X века название деревенско-христианской, и на культуру господ, именуемую дворянско-городской.

В полном соответствии с главами российского герба эти две культуры смотрели в разные стороны. Схватка меж ними за господство, спровоцированная и организованная большевиками, и есть наша, самая длительная и самая кровавая за всю историю человечества гражданская война. Любая гражданская война есть вооруженная борьба за культурное господство.

Но не она погубила Россию. Она нанесла ей тяжелейший удар, но Россия могла устоять и выправиться. Однако эта гражданская война имела длительное — вплоть до смерти Сталина — продолжение в иной, скрытой фазе. В беспощадном терроре, который обрушила власть большевиков на обе культуры России одновременно. То, что не добил меч, расплющил молот ЧК-НКВД — МГБ.

Большевики обезглавили российский герб.

Ради чего? Сотворения нового мира? Всеобщей справедливости? Счастья народов, населяющих нашу землю? Блажен, кто верует.

В воспоминаниях Н. Крупской рассказывается, как во время ссылки в Шушенское Ленин — страстный охотник — отправился поохотиться во время разлива, одолжив лодку. И очень скоро вернулся обратно: лодка была полна убитых зайцев. Их раздавали соседям и знакомым, друзьям и не очень, их жарили и парили, а зайцы все не уменьшались.

Оказывается будущий величайший гуманист всех времен и народов перестрелял ушастых на острове, где они спасались от разлива. Просто перезаряжал и стрелял, перезаряжал и стрелял, пока не перебил всех. Вот такой дед Мазай.

Видимо, ему нравилось смотреть, как течет кровь. Или слушать, как кричат недобитые зайцы. Слабость гения.

Ленин не любил русской природы. Он любил подстриженные газоны Швейцарии. Правда, там нет беспомощных зайцев.

Ленин не любил и русского, романтически бестолкового народа. Он любил немецкий орднунг, немецкий порядок, немецкую порядочность и немецкое трудолюбие.

А еще он любил власть. У него был фрейдистский комплекс Наполеона. То есть, комплекс мужчин маленького роста, обидный комплекс неполноценности.

Первую мировую войну, не без основания объявленную на его родине Второй Отечественной, Ленин встретил в тихой, спокойной и сытой Швейцарии. Он быстро понял, какой сказочный шанс дала ему история Этот шанс невероятно возрастал при условии, что Россия проиграет эту Вторую Отечественную, а потому и сделал все, от него зависящее, чтобы его Отечество проиграло свою Отечественную.

По всем юридическим, моральным, религиозным и просто понятиям порядочности сама мысль об этом была изменой. Приходила ли эта мысль в голову человеку, воспитанному в провинциальной, многодетной семье, которую кормил отец, работавший столь усердно и старательно, что получил за свой труд потомственное дворянство? Какое там! Любимец Володенька шел своим путем. Путем чудовищно безнравственным и чудовищно преступным. Сам лозунг о превращении войны империалистической в войну гражданскую уже содержал в себе уголовное деяние, за которое в военное время полагался расстрел.

Огромные потери русской армии — свыше четырех миллионов в первые годы войны — удобрили почву для разложения всей России, как воюющей, так и не воюющей.

Неграмотные, темные массы большинства населения не понимали и не могли понимать никаких политических лозунгов, зато они отлично воспринимали обещания будущего пришествия царства справедливости на Русь, когда воздастся за их потери, голод, горе и неустройство. Призрак Беловодья сиял пред солдатскими глазами, как берег Земли Обетованной.

Весь Двадцатый век мы плыли поперек исторического течения, бросившись в поток 1 марта 1881 года. Февраль 17-го давал маленький шанс опомниться и развернуться по течению, но Россия в массе своей не умеет мыслить. Зато прекрасно заучивает слова.

Еще в первой Большой Советской энциклопедии события Октября Семнадцатого именовались Октябрьским переворотом. А мы заучили — Великая Октябрьская революция.

Лгали все: вожди и секретари разного достоинства, газеты и радио, литература и кинематограф. К примеру, в фильме «Ленин в Октябре» в кабинет, где Министры Временного правительства спокойно ожидали, когда же, наконец, их сменит новая власть, входил какой-то внеисторический персонаж, хотя в действительности это был легендарный Владимир Александрович Антонов-Овсеенко, расстрелянный 6 февраля 1938 года через три часа после вынесения приговора и на два часа позже своей жены Софьи Ивановны. История и докладчики различных рангов, искусство и литература лгали четверть века, а молчали об этом вообще до скончания Советской власти.

Горький когда-то сказал вещие слова: «Ложь — религия рабов и хозяев». И эту религию мы исповедуем до сей поры. Эту. А не православие, не ислам, не католицизм, не иудаизм. Потому что во всех этих религиях ложь полагается тяжким грехом.

А ведь когда-то Россия говорила правду. Та Россия, к которой по моему глубочайшему внутреннему ощущению я принадлежу.

Мне с самого нежного возраста категорически запрещалось лгать: мама уверяла, что правда все равно будет написана у меня на лбу. А я ей верил, потому что никогда не слышал от нее ни одного слова неправды. А озорство, шалость, детские проступки так хотелось скрыть, что я говорил неправду, но всегда при этом прикрывал ладонью лоб. И мама почему-то безошибочно угадывала, что я ее обманываю.

Я прожил долгую жизнь, и в ней, конечно же, приходилось лгать. Но при этом моя левая рука неумолимо тянется ко лбу. Нет, я уже не прикрываю его, я делаю вид, что просто почесываюсь. Не потому, что я такой уж хороший. А потому, что меня хорошо и, главное, строго воспитывали.

Вам не кажется, что мы заменили воспитание образованием?..

И почему-то выдаем это за величайшее достижение. У нас и вправду нет неграмотных. А воспитанных вы часто встречали?

Все смешалось в нашем доме. Настолько, что дом, наш родной общий ДОМ стал пугающе похож на гостиницу. Кто-то живет в номерах «люкс», кто-то — в номерах рангом пониже, а кто-то ютится в общих с туалетом в конце коридора. Вы полагаете, что это — признак ньюкапитализма? Нет, это — знак безнравственности. Тавро, выжженное Советской Властью на долгие, долгие времена. На полтора столетия, пока История не простит нам нашего вмешательства в ее поступательное движение.

На свете существовали народы и государства без крестьянства: их заменяли рабы. Существовали и без рабочего класса, и без регулярной армии, и без полиции с милицией. Но нам неизвестно ни одного человеческого сообщества без интеллигенции, как бы тогда она не называлась. Правящей элитой, жреческой или шаманской группой, знахарями или лекарями, наставниками или руководителями. Почитайте историю народов или хотя бы России: там все это есть. А прочитав, сами сделаете вывод: БЕЗ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ НЕВОЗМОЖНО СУЩЕСТВОВАНИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО СООБЩЕСТВА. Это — непреложный закон истории. Ева протянула Адаму (кстати, Ева — Адаму, а не наоборот) не яблоко, а плод познания Добра и Зла. Вкус, цвет, аромат, зрелость и полезность этого плода определяет небольшая прослойка населения, именуемая в России интеллигенцией. Без нее вы проглотите не то, отравитесь или очень расстроите собственный живот.

ЗАКОН И ПОРЯДОК

ПОРЯДОК имеет в нашем языке десять значений. В данном случае следует иметь в виду его первое значение:

> «Состояние налаженности, организованности, благоустроенности (противопол. Беспорядок)».

Иными словами, порядок есть не писанные правила поведения в обществе, а соблюдение его гарантирует спокойствие бытовой жизни людей. В семье, в гостях, на базаре, в общественных местах, на улицах.

Порядок и порядочность существовали повсеместно. Однако поскольку Россия не успела создать единого культурного пространства, то нормы поведения для деревни и города были различными. Если в деревне порядок опирался на церковь и общину, то в городе его регулятором являлась дворянская культура. Все это было освящено сложившимися в истории обычаями.

Этот порядок и привел к перевороту. Керенский передал власть не большевикам, а Учредительному собранию… Передача власти проходила под лозунгом «Вся власть — Учредительному собранию!», и новое Временное Правительство Ленина тут же продолжило выборы. Однако выборы в Учредительное Собрание провалило большевистских кандидатов в большинстве губерний. И тогда большевики просто-напросто разогнали народных избранников во время их первого — и единственного! — заседания Учредительного Собрания в Таврическом Дворце.

Так был нарушен сложившийся в России порядок: условия соблюдения договора всегда соблюдались свято. Власть, силой захваченную большевиками, не признали губернии, голосовавшие против них, и началась гражданская война.

И рухнул порядок в старом, русском понимании этого слова. Мандатом большевиков стал наган, заложники, расстрелы и бессудные ссылки. Любопытно, что первый концлагерь был открыт в Холмогорах по личному указанию Ленина.

Вместе с порядком рухнул и Закон. Его заменили Декреты, личные распоряжения большевистской верхушки и чрезвычайные «тройки», получившие право смертных приговоров. Этим руководил один из самых жестоких приверженцев Ленина Дзержинский, испытывавший патологическую ненависть к дворянской интеллигенции. В ход пошли заново возрожденные пытки, избиения и издевательства над людьми без всякого

следствия и суда. И так продолжалось все время Советской власти. Закон был заменен целесообразностью, а порядок — страхом подпасть под этот закон.

Три поколения советских людей выросли под зловещим знаком государственной целесообразности, полной подчиненности судей местной власти и забвении презумпции невиновности, когда подозреваемый вынужден был с помощью государственного адвоката доказывать собственную невиновность. Вот с той поры и пошла бытующее сегодня убеждение, что адвокат служит лишь для передачи взятки суду. Это привело к тому, что если заграницей при аресте требуют адвоката, то у нас зачастую отказываются от него, предпочитая либо собственную защиту, либо передачу мзды через друзей и родственников.

Судебные власти на местах полностью зависят от административных чиновников и сегодня. Квартиры, школы, детские сады, общество местной элиты, наконец — мощный инструмент воздействия на суд в руках аппарата власти. В этом заключена одна из загадок местных судов — они, как правило, дают максимальные сроки, рассчитывая на апелляцию в суды вышестоящие. Это при наших-то переполненных тюрьмах!

Амнистия после смерти Сталина выплеснула из лагерей десятки тысяч заключенных. Блатная феня раковой сыпью въелась в наш разговорный язык настолько, что даже Первое Лицо государства частенько предлагает разбираться не по Закону, по «понятиям». Вместе с отравлением языка произошло и отравление наших душ. Блатной закон «Умри ты сегодня, а я — завтра» ворвался в нашу жизнь, окончательно добив остатки порядочности и порядка. Ложь и обман процветают в нашей стране, убийства стали едва ли не основной темой информационных программ телевещания, а уж трупы — любимая картинка операторов.

Суды присяжных, бесспорно, лучше, но в нашей стране нет людей независимых. Экономическая, политическая, бытовая зависимость существует, как существует и наше крайне разобщенное и, увы, далекое от идеала общество. Зависть и злоба ко всем и вся уже свили себе уютные гнезда в городах и весях. Бесчинствуют фашистские группы и группировки, а бессмысленная война в Чечне продолжается, бесперебойно поставляя мастеров убийств и зачисток. Неправедные войны порождают неправедность и в далеком тылу. Крепнет ненависть к «лицам кавказской национальности», и грех этот должны взять на себя СМИ. У нас ведь, увы, страна не читающая, а — смотрящая картинки в телевизоре. И не учитывать этого нельзя. Хотя бы

детей пожалейте, они ведь главные потребители вашего товара.

Ладно, с законами мы, я уверен, как-то справимся, хотя не очень понятно, кто их будет исполнять вдали от центра. Но для того, чтобы закон этот был прочно подперт порядком, нужно, как минимум, два поколения.

Вырастим? Вырастим. Только все же по вечерним улицам ходите с оглядкой. Береженого на Руси Бог бережет.

ЧТО НАМ СТОИТ ДОМ ПОСТРОИТЬ?

Власть предержащие всерьез озаботились ростом детской беспризорности. Это — радует, хотя беспризорные дети в подавляющем большинстве имеют живых родителей. Кто — одного, а кто и полный комплект. Так что они не столько беспризорные, сколько бесхозные. Эти бесхозные дети попрошайничают, воруют, хулиганят, пополняют криминальные бригады, занимаются проституцией и активно используются порнобизнесом. Это — не просто беда, это трагедия, как для беспризорных, так и для страны в целом.

Для решения этой важнейшей государственной задачи необходима программа. С точно разработанной системой мер, с поименной ответственностью организаций и учреждений, с экономической базой, которая может обеспечить поддержку этих организаций и учреждений.

И такая программа появилась. Объемом в «Войну и Мир». По поводу его появления на свет Божий созвали совещание из федеральных и региональных чиновников и небольшого количества весьма озадаченных специалистов.

Озадачены специалисты были тем, что как федералы, так и регионалы первоочередной задачей борьбы с детской беспризорностью и безнадзорностью полагали, что для начала необходимо создать некий штаб. Затем на его базе развернуть Комиссию при Правительстве, которую впоследствии превратить в Министерство. Вот тогда-то и стартует научно обоснованная борьба за счастливое детство.

С чиновничьей точки зрения все было правильно. Количество чиновников в России давно переросло в качество, когда аппарат не может не воспроизводить самого себя. У каждого есть братья по разуму, зятья по сердцу и свояки по крови. И их всех надо трудоустроить на приличную зарплату, которая выплачивается без всяких задержек и волокит.

Таков был главный лейтмотив. На его фоне проворачивались идеи, что новое всего лишь забытое старое, а потому не худо бы оглянуться. Не все же в прошлом было таким, каким его описывает продажная пресса. А если смущают названия, то их можно заменить. Скажем, вместо комсомола — путемол с теми же функциями и задачами. Или, допустим, дружинники Ивана Калиты — собирателя русских земель. С трехцветными галстуками вместо одноцветно-красных.

Обидятся чиновники, еще клеветником объявят. Только это ведь не поклеп, а всего лишь увеличительное стекло. Без него не

разглядеть, кто же распродал под роскошные особняки земли, принадлежавшие пионерским организациям. Кто разрешил открыть во Дворцах пионеров конторы, именуемые ныне заграничным словом «Оффис», склады, торговые точки? Кто?.. Желательно поименное перечисление, поскольку эти дяди и тети и выбросили наших детей на улицы и вокзалы, в притоны и на пополнение криминальных бригад.

Да, воспитание молодежи требует больших денег, но оно того стоит. Потому что государство вкладывает средства под огромные проценты, которые вернет в будущем трудом и талантом подготовленных молодых людей. А чиновничья саранча, пожирающая Россию, ничего не вкладывает, но всегда получает. Это — не опора молодежной политики, на трясине не выстроишь и шалаша. И в этой трясине утонут все средства, которые выделит государство для благой цели.

Куда лучше и надежнее вложить их в развитие уже существующих молодежных организаций, зарекомендовавших себя и имеющих вразумительные программы, основанные на общих принципах нашей морали. Это — не маниловщина, подобные организации уже существуют. Я приведу всего один пример.

Существует и активно действует организация «Навигаторов нового тысячелетия», лагеря которой содержатся единственным меценатом из всей оравы спонсоров. Поясним, что меценат ничего не ожидает получить взамен на свои вложенные деньги, тогда как спонсор всегда надеется вернуть их любым путем с хорошим наваром. И зовут этого мецената Михаилом Борисовичем Ходорковским.

Все вроде бы хорошо: дети присмотрены и накормлены, отдыхают в лагерях, ходят в походы и учатся разумному, доброму, вечному. Да вот беда — чиновники здесь ни при чем. Нет ни штабов, ни комиссий, ни министерств, а казна денег без кричащей вывески не выделяет. Значит, и в оборот пускать нечего, и тратить по своему усмотрению тоже. Караул, наших Акакиев Акакиевичей в шинелях и цивильном платьи!..

Может, пожалеем чиновничью саранчу? С их подписью и участок в заповедной зоне отпустят, и лицензию на отстрел последних амурских тигров выдадут, и ловлю красной рыбы во время нереста разрешат? Они — наше настоящее.

А дети — наше будущее. Будущее! Если не спасем — пропадет Россия. В некую чиновничью Окаянию превратится. И исчезнет с лица земли.

НАСЛЕДНИЧКИ

Марк Твен как-то обратил внимание, что «совесть занимает больше места, чем все остальные внутренности, а пользы от нее ни на грош». И в его шутке, с моей точки зрения, содержится добрая доля правды.

Если вдуматься, наши натужные поиски всеобъемлющей истины, именуемой общенациональной идеей, свойственны только нам: остальные народы как-то без нее обходятся и, представьте себе, даже процветают. Консерваторы сменяют лейбористов, демократы — республиканцев или — наоборот, но избиратели не испытывают ни особых радостей, ни горьких разочарований. Общество продолжает жить с прежней уверенностью, что завтрашний день каждого зависит только от него самого.

Эта уверенность опирается на единство гражданского общества, подкрепленного твердыми семейными устоями. Немцев сплачивает пресловутый орднунг, передаваемый семьей из поколения в поколение; англичане столь же старательно берегут свои исторические традиции; граждане Соединенных Штатов Америки — какого бы происхождения, вероисповедания или цвета кожи они ни были — убеждены, что наивысшая ценность — процветание нации при максимальной свободе личности в рамках закона. Граждане этих — и не только перечисленных выше стран — с детства воспитаны на приоритетах уважения к труду, законам и — соседям. А поскольку все люди — чьи-то соседи, то, следовательно, и ко всем людям вообще.

Россия — не мы, а та Россия, наследником которой стал Советский Союз — тоже существовала по внутреннему нравственному закону, хотя единого гражданского общества в ней никогда не было. В ней соседствовали две культуры — дворянско-городская и христианско-деревенская — и последняя являлась ее становым хребтом, поскольку объединяла подавляющую массу населения. Жестокость и длительность гражданской войны как раз и объясняются столкновением этих культур: в странах, создавших единый материк культуры, подобные катаклизмы просто невозможны.

Этико-нравственной основой деревенско-христианской культуры являлась духовность, как тогда ее называли, и как часто поминают сейчас, лишив основного смысла само ее содержание. А этим основным смыслом было понятие совести, как внутреннего императива честной, богобоязненной и законопослушной личности. Город называл такого человека

порядочным, деревня — совестливым, и в этих определениях концентрировались качества, служившие примером для окружающих, что оставило след во множестве русских пословиц и поговорок. На этих живых примерах и воспитывались поколения сельских и городских ребятишек, и цепочка никогда не прерывалась.

Однако она прервалась с приходом Советской власти. Раскулачивание, как форма уничтожения крестьянства, массовые переселения целых деревень в Сибирь и столь же массовые переселения наиболее трудоспособной части населения, как сел, так и городов на многочисленные стройки промышленных объектов, наконец, бегства из деревень в города тоже наиболее активной части населения — бегства, которые продолжались (и продолжаются) как до наших дней, так и в наши дни, сломали веками отработанный механизм воспитания подрастающего поколения, как на селе, так и в городе. И это не упущение властей, а вполне осознанное деяние, если учесть, что в подавляющем большинстве семей вынуждены были трудиться как отец, так и мать, поскольку на одну зарплату невозможно было прокормиться. А у многочисленных переселенцев деды и бабки остались на прежнем месте жительства, лишенные возможности участвовать в воспитании внуков или хотя бы помочь усталым после работы матерям. Цепочка передачи нравственности из поколения в поколение, на чем веками стояла Россия, прервалась, и в результате мы получили тот нравственный климат, в котором существуем сегодня. Я уж не говорю о разрушении храмов всех конфессий и свирепых гонений на священнослужителей. А спасительного немецкого орднунга в нашем обществе нет, а исторические традиции старательно уничтожались все той же Советской властью, а единого культурно-этического пространства, которое на глазах нашего поколения умудрились создать американцы, у нас тоже нет, ибо и доселе мы существуем скорее в виде огромного культурного архипелага, нежели единого культурного материка.

Хочу напомнить, что этические и нравственные нормы поведения закладываются в столь раннем возрасте, в который имеют доступ только мать да бабушка: до пяти-шести лет дети не воспринимают, как правило, даже отца, поскольку видят его редко, урывками, измотанного работой и связанными с ней собственными хлопотами. Но именно в этом возрасте выковывается тот нравственный стержень, с которым ребенок уйдет во взрослый мир: трудолюбие, честность, скромность, любовь к семье и детям, уважение к старшим и многое, многое иное, регулируемое внушенным с детства примером личной

совестливости. Никакая школа, никакой пионерский отряд, никакая комсомольская организация не в состоянии ни убавить, ни прибавить к нравственному багажу, заложенному семьей, практически ничего. Конечно, нельзя сбрасывать со счетов и личную способность человека адаптироваться к среде обитания, но далеко не каждому удается попасть в такую среду. Легкость заключения брачных союзов и еще большая легкость расторжения их даже при наличии детей куда больше демонстрируют безнравственность личности, нежели ее свободу, и мне сдается, что в этом повинно господствующая ныне система домашнего воспитания.

Дело в том, что систему этого домашнего воспитания, непременно одинаковую для всего населения данной страны, чтобы ваш ребенок не ощущал себя иностранцем в родном отечестве, невозможно придумать в кабинете. Она складывалась постепенно, медленно, в течении тысячелетий, пока не обрела некую законченную форму. И русская система воспитания — и в городе, и на селе — была в основе своей такой же, как система воспитания в Германии, Англии, Франции и так далее. То есть, для всех индоевропейских народов она основывалась на каких-то общих постулатах, почему наши предки и не ощущали себя чужаками в любой европейской стране: она для предков была предсказуема, и они для нее — тоже предсказуемы. Краеугольным камнем этого общего для всех индоевропейцев домашнего воспитания, с моей точки зрения, была система запретов. Система табу, начинавшаяся со слова «нельзя». Нельзя обижать слабых, нельзя брать без спроса что бы то ни было, нельзя лгать и обманывать, нельзя не держать данного слова, нельзя ругаться, драться, приставать к женщинам, дерзить старшим, и так далее, и тому подобное.

Поведенческая культура русского народа основывалась на добровольных запретах для самого себя. Именно это самоограничение, основанное на самоконтроле души, и называлась совестливостью. Россия была страной совести, и это замечательное качество русской души занимало в ней больше места, чем «все остальные внутренности». И русский дворянин не изменял слову чести, и русский купец без всяких договоров «бил по рукам», уславливаясь в цене, и русский крестьянин не знал замков, а просто припирал дверь палкой, уходя из дома. И пьяниц знали в лицо, и матерщинников не пускали в церковь, и лгунов не принимали в обществе, а ярым антисемитам не подавали руки. К великому нашему несчастью мы унаследовали не русскую совесть, а советскую наглость, не русскую честность, а советское стремление что-то непременно стащить, не скромную честь

русского офицера, а нахрапистое ощущение безнаказанности советского генерала.

Старая Россия навсегда ушла по дороге бессмертия, оставив за собою право именоваться самой совестливой страной мира. А мы семеним где-то позади ее, матерясь, пьянствуя, воруя и бездельничая. Какое счастье, что наши прадеды не дожили до позора своих внуков!

ФЛЕГМАТИЗИРОВАННЫЙ ПОРОХ

Вот уже сколько недель кряду все столичные газеты упоенно разрабатывают одну и ту же фабулу, разворачивая ее в различных, но непременно ужасающих сюжетах. Стремление перещеголять друг друга в сочинении газетного сериала банковских страстей уже переросло в иное качество и, сдается мне, ныне способно породить совсем не тот эффект, на который рассчитывали авторы. Сужу по собственному впечатлению, никоим образом не претендуя на абсолютную истину.

Я запутался в безграничных способностях наших уважаемых экономистов создавать варианты. До сей поры я склонен был считать экономику наукой строгой, бесстрастной и академически суховатой, но ее неисчерпаемая вариантоспособность поколебала мое дилетантское представление. На подобное способно только искусство, а коли так, то и претензии к авторам дефолта (так, кажется?) датированного 17-м августа сего года, с моей точки зрения, должны изменить знак восклицательный на знак вопросительный, а обличительную тональность рецензий заменить на тональность исследовательскую, дабы разъяснить нам, что же все-таки они видели в перспективе. Мне не хочется играть в азартные игры прошлого. В заговоры, в коварство невидимых врагов, в происки империалистов, масонов и прочая, и прочая. Карты подобных игр — всегда крапленые, а посему — люди, будьте бдительны: кому-то очень выгодна эта неприлично крикливая кампания. Похожей тропкой над пропастью нас уже неоднократно водили и всегда, заметьте, с завязанными глазами.

Не хочу обижать телевидение, но, как говорится, куда конь с копытом, туда и рак с клешней. Все — даже самые доверительные — беседы по телевидению воспринимаются на слух, тогда как газетные публикации — глазами. Мы и свои-то, семейные бюджеты строить еще не научились, потому как три четверти века жили от получки до получки, а вы нам толкуете о бюджете страны, при этом, беспрестанно пересыпая речь терминами, которых мы, ну никак не в состоянии понять, а времени заглянуть в словарь нет, поскольку это же — не газета. А если припомнить, что девяносто процентов россиян держат в банках отнюдь не деньги, а — соль, чтобы не отсырела она в нетопленных квартирах, то ничего от подобных бесед в душах наших не оседает, кроме горькой констатации: «опять не про нас».

Количество финансово-экономических бесед, интервью, споров и разговоров явно превысило как знания, так и умственные способности телевизионной аудитории. Телезрители

настолько запутались в путях выхода из кризиса, в спорах о приоритетах инфляционной банковской политики перед монетарной, что порою начинают возникать мысли странноватые: «если звезды зажигают, значит, это кому-то нужно», а уж если гасят, то само собой разумеется. Если издать все экономические пересуды, прозвучавшие с телеэкрана, отдельной книгой, вышел бы том никак не меньше «Капитала». С той, правда, разницей, что Маркс пытался разъяснить, а вы, господа специалисты, окончательно запутать.

Любопытен и набор слов, которым чаще всего пользовались все это время. Вот некоторые из них: «пирамида», «кинули», «инфляция», «крах». Если их сложить вместе, а потом извлечь корень, то в результате получим — «Караул!». Неужто вы этого и хотели, владыки средств массовой информации?..

К счастью, не только звону, что в Москве. Звонят и за ее пределами, но звон там иной тональности по той причине, что Столица и Усадьба, условно говоря, уже сложились, как две разных социальных системы. Как два потока — турбулентный и ламинарный — текущих пока еще в одну сторону. Пока, подчеркиваю. Потому что ламинарное течение можно полагать и потоком просто по инерции.

Оно и понятно. Уездная провинция наша, где обитает более трети населения России, никаких ГКО не приобретала ни с целью вложения денег, ни тем паче ради спекулятивной игры на биржевых торгах. Нет у ее жителей никаких капиталов. Долги есть и, слава Богу, картошка на зиму, так что «караул» кричать ей не с чего.

Другие у ее обитателей проблемы, нежели в Первопрестольной. Куда более простые, заземленные, а потому и более человечные. Ну, посуетились, не разобравшись спервоначалу, закупили соли да спичек: на большее денег не нашлось. Ну, в огороды ринулись, пока тепло, картошку в погреба заложили, по окрестным лесам погуляли. Будто по грибы, но — с топориком: леса наши давным-давно никто не охраняет, дров на десять зим хватит, если не поленишься. Притащили домой, покололи и — ухмыляются: «Ничего, перезимуем!» Их, признаться, слухи о водочной монополии куда больше насторожили, чем перипетии борьбы монетаристов с инфляционниками, но и тут они быстро успокоились, вспомнив о десятилетиями отработанной формуле: «Пили, пьем и будем пить». Правда, рассказывали мне, будто бомжи от тех слухов встревожились куда основательнее, поскольку монополия на спиртное могла серьезно подорвать их основную валютную базу — порожнюю водочную и пивную посуду, которую гордо

оставляют после пикников заезжие прожигатели жизни. Но когда сообразили, что «Пить или не пить» для России вопрос совсем не Гамлетовский, то и вздохнули с облегчением.

В уездной нашей провинции господствует отнюдь не рынок, а его степенство русский базар, почему столичные потрясения его особо и не трогают. На базаре свои, тысячелетиями сложившиеся законы, и одиноких бабок с пучком редиски никто, как правило, здесь не гоняет. А в Москве, не устающей талдычить о правах граждан, эту несчастную бабку выталкивают из рядов взашей, как выталкивали, штрафовали и гоняли еще в приснопамятные застойные времена. Тогда она олицетворяла собою проклятый буржуазный рынок с его звериной конкуренцией, а сегодня что она олицетворяет? Да, видать, все ту же конкуренцию, поскольку ее пучок лука заведомо дешевле такого же пучка, привезенного из Азербайджана. Вот тому луку — честь и место, а выращенному на подмосковной грядке собрату его — штраф и грозные милицейские очи. Любопытно, кто ввел эти правила игры?

Нет, что ни говорите, а демократия в провинции утверждается низами, а совсем не очередным Указом Президента или его речью. И ростки этой демократии зеленеют из года в год, несмотря на снежные бураны экономических и политических катаклизмов. Потому-то провинциалы и усмехаются, глядя на столичную суету. А мы в ответ ахаем и охаем, пугая телезрителей очередными «специальными репортажами»: ох, — пьют, ах, — воруют, эх, — работать негде!..

Да, с работой там трудно, зато никто не мешает вкалывать на двух, а то и на трех работах, если побегать и поискать. И бегают, и находят: лично знаю и дружу не с одним таким тружеником. Тяжело, а семьи кто кормить будет? Не козы в доме, газетами не прокормишь.

Но, конечно, пьют. Стащат, что плохо лежит. Как бы там ни было, но в каждом дворе соседствующего со мной совхоза — либо машина, либо, на худой конец — мотоцикл. И дети их одеты, и жены принаряжены. Наворовали? Возможно, поскольку мародерство в России давно уже не грех, а способ существования. Эффект этого явления вполне нагляден: у кого — счет в закордонном банке, у кого — трехэтажная вилла, а у кого — потрепанная иномарка.

Если чего и побаивается наша провинция, так это маниакального стремления властей ликвидировать челночный бизнес не мытьем, так катаньем. А ведь именно челноки снабжают толкучки дешевой одеждой и обувью. Если рухнет этот промысел, без работы останется наиболее инициативная часть провинциальной интеллигенции. Безработные учителя,

переводчики, инженеры, библиотечные и музейные работники. А что выиграет государство? Как всегда — галочку в отчете вышестоящим инстанциям.

А проиграет в очень и очень многом. И не только в том, что лишит массу людей, еле-еле сводящих концы с концами, одежды и обуви по карману. И даже не в том, что резко увеличит безработицу. Нет, подобное драконово решение разрушит устоявшееся шаткое равновесие меж столицей и усадьбой, основанное на разграничении полномочий: «Наше дело — что нам делать? Ваше дело — как нам быть?» Вот это может привести к совершенно непредсказуемым последствиям, потому что такое равновесие обеспечивает выживание, а, следовательно, и пресловутое долготерпение русского народа, поскольку государство до сей поры так и не ответило на вопрос «Как нам быть?»

Только существует ли оно, это самое долготерпение? Сдается мне, что это — такая же выдумка, как и часто поминаемые «Потемкинские деревни». Ну, не строил Григорий Александрович никаких выставочных павильонов для Государыни-Матушки, не в тех они были отношениях: и он — не секретарь Обкома, и она — не Генсек. Но запустил австрийский посланник «утку» и гуляет она до сей поры. В Европе, кстати, целая стая «уток» гуляет о нашем народе, и «великое терпение» — одна из самых шустрых. Видимо, лень им заглянуть в хронологические таблицы. Заглянем?

17-й век — одиннадцать бунтов и восстаний. И одна крестьянская война.

18-й век — десять.

19-й век — десять. И еще одна крестьянская война.

20-й век — и говорить не приходится.

Да, был когда-то порох в народных пороховницах, был и частенько взрывался. Только за последние три четверти века этот порох превратился в порох флегматизированный. И флегматизация его — целиком на совести коммунистического правления. Но совесть — явление нравственное, о чем мы и поговорим ниже.

Благополучные европейцы перепутали наш талант выживать в невыносимых условиях с народным терпением и выдали его за черту национального характера. А выживать нас история с географией обучили. И до сей поры, хорошо, если треть национального дохода остается на борьбу с холодом: куда как больше исчезает в бездонных карманах бурмистров, жирующих на дряхлеющем теле государства Российского. А ведь у нас и фундаменты зданий должны быть глубже, и стены толще, и

топить приходится восемь месяцев в году, и одеваться куда теплее, чем шведам с норвежцами, и питание нам требуется более калорийное и обильное, и витамины…

Но ничего этого в достатке никогда не было, а сейчас — тем более, и мы вынуждены обходиться, в основном, тем, что подсказывает нам от предков унаследованный талант выживания, поскольку терпение и не кормит, и не греет.

Кстати, Даль говорил, что «в терпении является сила и величие духа», и что «терпение есть признак кротости, смирения и снисхождения». Однако все эти симпатичные качества — из области народной нравственности, но никак не из системы выживания, идеально отшлифованной еще при советской власти. А что касается нравственности, так и само это слово стало анахронизмом, напрочь исчезнув из речей, комментариев, статей и всех телепрограмм. Вместо него все настойчивее, все громче звучит слово «духовность», но подобная замена не представляется мне адекватной отставной генерал Макашов, ярый приверженец приоритета духовности над почившей в бозе нравственностью, служит тому бесспорным примером: даже Генеральная Прокуратура наконец-то восчувствовала принципиальную разницу меж этими этическими понятиями. Однако я сомневаюсь, что преисполненная «особой духовности», Дума наша способна совершить нравственный подвиг, лишив бравого националиста депутатской неприкосновенности, чтобы другим было неповадно. Ну, да Бог с ним, поразмышляем о принципиальных причинах неадекватности замены, произошедшей буквально на наших глазах.

Начнем с того, что, духовность, во-первых — понятие сугубо индивидуальное, личное, тогда как нравственность — общечеловеческое, а во-вторых, нравственность подразумевает, прежде всего, внутреннюю законовостребованность, а что подразумевает духовность? Личную истовость, послушность Церкви и вождям?

Полистаем Академический Словарь русского языка.

> ДУХОВНОСТЬ — духовная, интеллектуальная природа, сущность человека, противополагаемая его физической, телесной сущности.
>
> НРАВСТВЕННОСТЬ — 1. Совокупность норм поведения человека в каком-либо обществе. 2. Моральные качества человека.

Нравственность включает в себя понятие духовности, но никак не наоборот: не по этой ли причине и произошла у нас

подмена терминологических определений? Суть в том, что при этой подмене многие общественные и гражданские представления оказались за бортом духовности, почему и востребовали специального и особо громкого объявления своего присутствия, так сказать, открытым текстом. Таковое, к примеру, случилось с одной из весьма существенных нравственных норм поведения человека аж по отношению к государству — с понятием патриотизма. Ну, никак это чувство не влезало в сугубо личностную, индивидуальную духовность, почему и пришлось взять его, так сказать, наперевес. Как штык на параде. И на грязном фоне бесконечного вранья и воровства, убийств и насилий, коррупции и мздоимства, ярого национализма, социального экстремизма и религиозного фанатизма возник некий Союз патриотических сил, куда может записаться любой желающий. Помнится, в июне 41-го года стояли в очередях, чтобы записаться в Действующую армию, но никто, ни один человек в тех молчаливых очередях не называл себя патриотом. Он хотел помочь Отечеству своему в трудную годину. И стоял в длинной очереди таких же молчаливых, как и он. А очередь двигалась медленно, даже есть захотелось…

Н-да. Тогда терпения потребовалось много. На одну тысячу четыреста восемнадцать дней и ночей ровнехонько. Но мы так ждали победы, что терпения нам хватило.

Терпение необходимо тогда, когда есть цель, есть, чего ждать. А нам чего ждать? Второго пришествия коммунистов?

И еще одно соображение по поводу лихой кавалерийской атаки на общечеловеческие гуманитарные ценности. Русские Летописи никогда не употребляли слова «патриотизм» совсем не потому, что оно — не из русского лексикона. Нет, они использовали для той же цели куда более емкое и куда более нравственное понятие — «Долг». Да и не только русские летописи.

В 1805-м году английский адмирал Нельсон наголову разгромил наполеоновский флот в сражении при Трафальгаре. Перед боем он отдал лаконичный приказ: «Пусть каждый исполнит свой долг». И его соратники исполнили свой долг, а лорд Горацио Нельсон получил смертельное ранение. С той поры все военные моряки носят на своей форме знак траура в честь великого адмирала. Черный помпон на беретах или черную ленточку на бескозырках, черный бант или черный галстук. Человечество чтит не горлохватов, а людей, до конца исполняющих святой долг свой перед родиной.

Я столь много говорю о нравственности, потому что убежден, что все наши беды мы получили в обмен на ее утрату. Правовые,

экономические, политические и — главное — социальные. И вот уже семь лет упорно строим ханскую ставку вместо того, чтобы заложить хотя бы основы государства для всех его подданных. Государства ради людей. Ради их благополучия, безопасности, активной жизни, осмысленного труда. Наш народ заслужил это, мечтал об этом, надеялся и готов был ждать и работать, работать и ждать, если бы удосужились хотя бы заложить фундамент. Вот тогда бы можно было бы и о терпении его поговорить.

Чертежи подобного государства изложены в общечеловеческой нравственности. В одном слове: УВАЖЕНИЕ. Уважение к мужчинам и женщинам, детям и старикам, здоровым и больным, военным и невоенным, русским и нерусским, религиозным и атеистам, рыжим, черным, белым, курносым, горбоносым — ко всем, ко всем без исключения. Все ныне процветающие страны опирались на это ключевое слово как раз в то время, когда мы опирались на атомную мощь. Вот почему сегодня вместо терпения мы получили полное равнодушие, вполне адекватное равнодушию всех властных ветвей.

Слепым поводырям следует расспрашивать о дороге, а не нащупывать ее в нравственной мгле собственных душ. Каким словом обозначить это стоическое блуждание во тьме, одному Богу ведомо. Только термин «терпение» здесь не подходит, потому как речь идет не о материальном, а о духовном, не о куске хлеба, а об обидах — характера нравственного. Позволю себе одно личное воспоминание.

В 46-м году наш академический курс поехал в Ленинград на Кировский завод, выпускавший тяжелые самоходки с пушкой калибра 152 мм. Мы с женой были молодоженами, имели в хозяйстве две тарелки да две ложки, а магазины Ленинграда оказались заваленными посудой из странной пластмассы. Стоила она дешево, мы накупили вазочек да салатниц, с чем и прибыли в Москву.

— Флегматизированный порох, — сказал мой отец, повертев в руках наши приобретения. — Первая мирная продукция.

— Он не взрывается?

— Если скопится много, может и рвануть.

Так вот, мы — флегматизированный порох до поры, до времени. А посему необходимо всегда держать в уме, что же именно способно вывести нас из состояния — нет, не флегмы, она нам не свойственна, а — душевного равновесия. Что удерживает порох от взрыва?

Прежде всего — впитанный с молоком матери страх, как форма памяти о беспощадности властей. Все волнения, восстания и бунты прошлого подавлялись с такой варварской жестокостью,

какая и в страшном сне не могла присниться просвещенной Европе: знающие историю припомнят хотя бы публичную казнь стрельцов на Красной площади, почему в Москве никогда и не ставили памятников Петру Великому. А не знающие, — поднатужившись, вспомнят хотя бы октябрь 93-го года. И все, все прочно закреплено в наших генах: Антоновский и Кронштадтский мятежи, раскулачивание, гулаговский озверелый террор, расстрел в Новочеркасске. И это — на памяти трех поколений: потолкуйте со своими дедами да бабками.

Всем уж ясно, что ныне пребываем мы в неком межеумочном состоянии: уже не больны, но еще не здоровы, уже подкосились ноги, но тело еще не грянулись оземь, уже судорожно прикидываем, насколько хватит не с жиру скопленных денег, но еще вроде бы голод и холод не ломятся во все дома без разбору, но слезы еще не закапали с жалких сосулек нашего национального таланта не унывать. Еще поднаторевшие в обещаниях думцы наши витийствуют с прежним велеречивым пафосом, еще власти многозначительно на что-то намекают или столь же многозначительно помалкивают. Долог русский час. Дольше всех иных часов. Швейцарских, японских, американских…

В таковой прострации отчаиваться еще рано, но работать уже затруднительно. В провале меж здоровьем и хворью исконный житель России привык лечиться домашними средствами: чаем вприглядку, банькой с веничком да рюмочкой под грибок (благо, столько их в этом году высыпало, что аж оторопь берет: к чему бы тихая радость сия?..). И аз грешен: прибег к тем же лекарствам, а потом эдак обессиленно завалился на часок. Сперва, как водится, повздыхал немного, после чего впал в дремоту, в коей и привиделся мне «Сборник русских пословиц и поговорок» Владимира Ивановича Даля. И будто бы листаю я его и… и читаю. Внутренним взором читаю, но вполне отчетливо и разумно.

«СЕЯЛИ РОЖЬ, А ЕДИМ ЛЕБЕДУ»…

Точно предки наши своим внукам поддых врезали. Семь лет, на весь мир пыхом пыхтя, что-то обещающе сытное сеяли, а на зубах — лебеда лебедой. Да оно и понятно, коли «НА КАЖДОГО ПАХАРЯ ПО СЕМЬ АХАЛЕЙ».

Семь — в Думе, семь — в Правительстве, семь — в Президентской конторе. А сколько же их еще в разного рода Администрациях, Комиссиях, Комитетах, Органах и прочая, прочая, прочая! Семь по семь да еще на семь.

И все они «СЕМЬ ЛЕТ НА ОДНОЙ ДУДКЕ ПОБУДКУ ИГРАЮТ». И звучит она в переводе с барабанного боя на всем доступный язык следующим образом: «ЭТОТ ИЗЪЯН РАЗЛОЖИТЬ

НА КРЕСТЬЯН».

Утешают: зато, рынок, ребята! Так ведь, как предки говаривали, «ПЛОХ ТОТ РЫНОК, КОЛЬ ХЛЕБА КУПИТЬ НЕ НА ЧТО». Опять утешают: свобода слова. Правду-матку все СМИ ежедень режут, аж кровь из телеэкранов брызжет. Спасибо, благодетели вы наши, это верно. «ПРАВДЫ — ДЕВАТЬ НЕКУДА. ГОЛОВЫ ЛОМАЕМ, ТО ЛИ ВПРОК СОЛИТЬ, ТО ЛИ ДЛЯ ВНУКОВ СУШИТЬ». Минуточку, минуточку, а полная свобода передвижения? Организуйте товарищества хоть с ответственностью, хоть без всякой ответственности и — за товаром в любую сторону. Деньги — товар — деньги, побольше инициативы. Так-то оно так, только ведь «ЗА МОРЕМ ТЕЛУШКА — ПОЛУШКА, ДА РУПЬ ПЕРЕВОЗ СТОИТ».

Да, незрелый народ вам достался, господа бурмистры. Все сплошь лесу просят избенку починить, а барин все не едет, и рассудить некому. И предки зарок оставили: «НЕ СИЛЕН — НЕ БОРИСЬ, НЕ БОГАТ — НЕ СУДИСЬ». Так с петельки на пуговку и перебиваемся. Восьмая зима на носу, восьмая и хмурь на народном лице, и праздники не помогают. Как известно, «ВЕСЕЛОГО НРАВА УКАЗОМ НЕ СДЕЛАЕШЬ», а «В ХОЛЕРНЫЙ ГОД И ЛЯГУШКИ НЕ КВАКАЮТ».

Вот сколь трезво оценивал положение в собственной стране подданный России порою и на хмельную голову. А обстановка случалась и похлеще сегодняшней, поскольку в истории нашей сладкие и соленые начинки следовали друг за другом куда как затейливей, нежели в знаменитых тестовских пирогах. Однако предок наш стоически переживал эти перемены, что и породило в немецких головах успокоительную теорию относительно Великого терпения русского народа. Дескать, все прочие европейцы за каменья хватаются при куда более наваристых семейных кастрюлях и сносят свои Бастилии в считанные часы одного единственного дня.

РОДИМЫЙ АД

Пожилым людям свойственно ворчливо относиться к молодому поколению. Тут уж ничего не поделаешь: сказывается и возрастной консерватизм, и идеализация собственной юности, и, — чего уж греха-то таить! — некая толика зависти. Ах, кабы молодость умела, кабы старость да могла! Но не умеет молодость, и не может старость, и ворчливое противостояние продолжается. Может быть поэтому народы, живущие на основе германской семейной традиции — то есть, практически вся Европа, США, Канада, Австралия и Новая Зеландия — отпускают своих чад в автономное плавание по достижению ими совершеннолетия, встречаясь с дорогими детками только по праздникам. И нет ни конфликтов, ни ссор, ни даже слез, столь типичных, к сожалению, как для России Советской, так и для России сегодняшней. Может быть, мы сильнее любим своих отпрысков или любовь у нас какая-то особая?

Впрочем, и дореволюционная Россия поступала точно так же, во всяком случае в городах. «Ты, Лексей, не медаль на шее у меня. Иди-ка ты в люди», сказал дед мальчику Алеше Пешкову, и пошел мальчик «в люди». Да и мои деды, судя по семейным воспоминаниям, разлетались из родимого гнезда кто — в народ, кто — в университет, кто — в Америку с идеей строительства трудовой коммуны по рекомендациям Фурье. Мерзли, голодали, подрабатывали репетиторством, но не жаловались и в конце концов становились теми, кем хотели стать. Значит, наши конфликты между, условно говоря, отцами и детьми, явление не столько национальное, сколько социальное, порожденное в определенных условиях и в определенное время. И для того, чтобы разобраться, надо отыскать это время и попытаться оценить условия.

Умозрительная идея коммунистов о рае для живых в обществе поголовного равенства, которую Россия оплатила миллионами жизней, мором, гладом и чудовищным унижением, ударила в будущее, в наш сегодняшний и, боюсь, завтрашний день, ликвидировав тысячелетние традиции семьи.

Раскол единого народа на «своих» и «чужих», на «красных» и «белых», государственный всеобъемлющий террор, правовой беспредел и уголовный разгул не могли не коснуться простой человеческой семьи. Впервые в истории государство ворвалось в нее всей беспощадностью своей физической, идеологической и экономической мощи, посеяв в ее доселе суверенных пределах страх, растерянность и ощущение полной незащищенности.

Здесь следует принять во внимание, что в России так и не успела сложиться единая культура. Сто лет назад она еще существовала в двух ипостасях: в виде культуры деревенско-христианской и культуры дворянско-городской. Нужно было время, чтобы эти культуры смешались, взаимно дополнив друг друга, но роковой для нас Двадцатый век со дня рождения своего предложил нам цепь проигранных войн и победивших революций. Культуры не успели породниться, взаимно оплодотворяя друг друга, и мы шагнули во мрак без общенационального светильника.

Большевистская власть вломилась в наши семьи не только наганами комиссаров, не только коллективизацией на селе и ночными арестами в городах, но и чисто экономически, начав путь к всеобщему равенству полуголодной пайкой хлеба. Да, она была очень дешевой, эта пайка, равно как и выделенная счастливчикам «жилплощадь», измеряемая не их трудом, а благорасположением ничтожного партийного чиновника. Вы уже не знаете, что такое «жилплощадь»? Ну и слава Богу, но все же поясню. На хозяйственно-партийном жаргоне большевистских оккупантов жилплощадью именовалась не квартира и даже не комната, а некое огороженное пространство в бараке, времянке или многонаселенной коммунальной квартире, отобранной у вчерашнего адвоката или инженера. Миллионы крестьян бежали тогда в города из раскулаченных деревень во спасение собственных жизней, где-то и как-то устраивались на работу и начинали выпрашивать, вымаливать, выстаивать в бесконечных очередях бесконечных совучреждений пресловутые «ордера на жилплощадь», чтобы создать семью, родить детей и жить… простите, существовать в вечном бесправии и вечном страхе перед завтрашним днем.

Но жилплощадь не предусматривала рождения детей, учитывая только их наличие на момент выдачи ордера. И традиционно многодетные крестьянские семьи вынуждены были пересматривать свой менталитет, прикидывая, рожать еще одного или не рожать, уж и не мечтая о том, чтобы взять к себе деда или бабку в помощь работающей матери. А не работать она не могла, потому что в массе своей отец-работник в одиночку никак не мог прокормить собственной семьи. И первые поколения советских людей оказались лишенными не только материнской ласки и отцовского наставления, но и традиционного семейного воспитания. Ясли и детские сады только-только нарождались, их катастрофически не хватало, и школы вынуждены были повсеместно открывать «нулевки» — подготовительные классы для абсолютно неграмотных детей. Мое поколение — поколение

участников войны — хорошо помнит и крохотные пайки хлеба, и детство во дворах и на улицах, и «нулевки» перед зачислением в первый класс.

Даром выдаваемые «жилплощади» никоим образом не являлись собственностью получивших их счастливчиков: в них лишь «прописывались».

Да и какая собственность могла быть у советского человека, когда Конституцией признавалась только собственность личная. Штаны, рубаха, сапоги да юбки. Еще до войны велосипеды и ламповые радиоприемники ходили в ранге роскоши, почему, вероятно, и были отобраны у населения сразу же после фашистского вторжения. Правда, временно, под расписку, но мне неизвестна ни одна семья, получившая по этим распискам конфискованное имущество. Может быть, где-то, кому-то — дело не в этом.

Дело в том, что все мы, все население Советского Союза были рабами, поскольку наиболее емкое определение раба — «человек, не имеющий собственности».

Но Советская власть заботливо избавила всех нас от какой бы то ни было частной собственности, и поэтому каждая семья зубами держалась за ее имитацию, то есть, за свою жилплощадь, а главное — за прописку, без которой невозможно было устроиться на работу. А на практике это означало, что подрастающее поколение теряло право самостоятельного выбора: бесценность прописки, а, значит, жилплощади, не шла ни в какое сравнение с юными фантазиями о самостоятельном пути. Бесспорно, исключения бывали, но — только как исключения: подавляющее большинство молодежи оставалось с родителями, которые старели рядом с ними на считанных метрах автоматически наследуемой бесценной жилплощади, поставив крест на собственных мечтах, собственной инициативе и, увы, очень часто на полноценной собственной семье. Представляете, какое количество воистину шекспировских трагедий разворачивалось (и — разворачивается!) рядом с нами?

Это уродливое явление и создало почву для перманентных конфликтов: кажется, по числу бытовых преступлений мы занимаем почетное первое место в мире. Теснота, разность взглядов, вкусов и интересов, а, главное, практическая невозможность бегства из этого родного ада по причине все той же обязательной прописки, без которой нельзя получить ни работы, ни сносной крыши над головой, рождают атмосферу отчаяния и истерии. Единственной возможностью вырваться из этого рокового круга является вербовка на окраины, на Север или Дальний Восток, но все ли способны на прыжок в никуда, в

неизвестность? А дети, а другая профессия, а постоянно действующая боязнь потерять прописку? А чисто советское безошибочное предчувствие, что «ТАМ» бытовые условия будут заведомо хуже, нежели «ЗДЕСЬ», на освоенном с детства месте?

Что и говорить, институт обязательной прописки — гениальное изобретение советской власти, нечто вроде татуированных номеров в фашистских концлагерях. Введение ее враз упростило надзор над городским населением, вселило покорность в души поднадзорных и многократно усилило мощь чиновничьего аппарата: попробуйте обойти этот бастион власти на местах без унижения, заискивания, нижайших поклонов и непременнейших взяток в любой форме. Отфутболят на хорошо отработанные круги бессмысленных хождений за новыми справками, уточнениями, согласованиями и прочее, и прочее.

Нарушение Конвенции о правах человека? А что это такое, позвольте спросить? А милицейский шмон на улице — не нарушение? А задержание на срок до тридцати суток без предъявления обвинения — не нарушение? А сон в три смены в камерах предварительного заключения, когда и виновность-то ваша еще не доказана — тоже не нарушение? А лишенная всяких законов необъявленная война в Чечне?..

За пять лет работы высшие законодательные собрания — от Верховного Совета РФ до последней Государственной Думы — приняли массу вполне демократических актов (в том числе и закон об отмене прописки), а воз и ныне там, в привычном правовом (точнее, бесправном) поле бессмертной Советской власти. Она оказалась живучей, как Кощей, лишь припрятав на время флаг красный и водрузив российский триколор.

И замерла, как удав перед броском, беспощадно-мертвыми глазами наблюдая, как суетятся перед ее пастью кролики, поверившие в необратимость демократических преобразований.

Только демократия — не пакет прекрасных законов. Демократия — неукоснительное исполнение этих законов. Но их никто не исполняет, и в обозримом будущем исполнять не собирается. Чиновник на местах — тоже человек, ему кушать хочется. И семье его хочется, и родственникам, и добрым знакомым. И он сделает все, чтобы сохранить за собою теплое местечко при любых выборах.

Когда-то на Руси это место называлось просто и честно: «кормление». С той наивной поры изменилось только название. Суть осталась прежней.

А газеты по-прежнему пестрят сообщениями: убили бабку, отравили дедку, сжили со свету отца с матерью, порою — наоборот, только суть от этого не меняется. Внутрисемейный ад

продолжает существовать по своим пещерным законам, то и дело выбрасывая за свои пределы изгоев, обездоленных в самом прямом смысле этого неласкового слова.

Кто-то из них пополняет ряды бомжей, а кто-то и армию уголовников: все зависит не столько от сложившихся обстоятельств, сколько от заложенной с детства нравственности.

Но беда в том, что основы нравственности способна заложить только семья: другого института просто не существует. Ни ясли, ни детсады, ни школа, ни даже церковь заниматься нравственным воспитанием не могут хотя бы потому, что имеют дело с массой, а не с личностью. Но семидесятилетнее господство Советской власти разрушило семью до основания, уничтожив тысячелетние национальные традиции и навыки.

Молодые мамы и папы ныне зачастую воспитывают своих чад то по английской, то по американской, то по японской, то вообще по какой — то вненациональной системе отнюдь не из преклонения перед чужими авторитетами, а просто потому, что не ведают об основах русского семейного воспитания, поскольку их самих никто не воспитывал. Порочный круг продолжает существовать, и страшноватая карусель вновь и вновь заполняется мальчиками и девочками, скачущими на деревянных лошадках все по тому же кругу, неведомо куда и неведомо зачем…

Понимаю, Правительство латает Тришкин кафтан, штопая дыры, ежедневно прожигаемые залпами «градов» и «ураганов» в Чечне, а Советская власть на местах по большевистской традиции семьей заниматься и не помышляет: ей и так хорошо. Так, может быть, для начала избавимся хотя бы от нее на предстоящих выборах местных властей? Вытащим палки из колес и очень серьезно подумаем о возрождении семьи. Очень серьезно и очень взвешенно, ибо без прочной семьи, воспроизводящей в каждом новом поколении нравственно здоровых людей, не может существовать никакой народ на земле.[3]

МЫ ВСЕ УЧИЛИСЬ ПОНЕМНОГУ…

Над всей славянской культурой нависла серьезная опасность.

Как выяснилось, проклятые янки мечтают уже не о процветании собственной нации, что доселе являлось их любимым занятием, а о глобальном изничтожении культуры всех славян разом. Об этом поведал не какой-нибудь лихой борзописец и даже не развязный газетчик, а вполне государственный человек, председатель думского кабинета по безопасности (!) господин Виктор Илюхин.

Одним словом, опять происки империалистического Запада, своевременно вскрытые бдящим патриотом. Со ссылкой на документы, продажность СМИ и собственное коммунистическое чутье. Во имя спасения славян оптом и Президента Беларуси господина Лукашенко в розницу. Скучно жить на этом свете, господа!

Скучно, прежде всего потому, что огрехи собственных знаний стали привычной демонстрацией. То профессор математики сочиняет новую хронологию для тупиц-историков, то некая научная дама объявляет Вологодчину родиной индоевропейцев, то кандидат в президенты пугает родителей всей России, публично заявляя, что из школьных учебников зловредные демократы вычеркнули Пушкина и Достоевского. Конечно, все мы учились понемногу, чему-нибудь и как-нибудь, но зачем же предлагать себя в качестве эталона всеобщего полузнайства? Зачем устраивать шумный парад унтер-офицерских вдов?

Готов допустить, что и сапожник способен испечь неплохой пирог, но для этого ему необходимо знать некий минимум, выходящий за пределы освоенной профессии. В данном случае, что такое тесто, и чем оно отличается от начинки.

Вот о тесте и поразмышляем. Что такое культура? Религия? Литература? Искусство? Традиции? Увы, это — начинка огромного пирога культуры. Всего-навсего. А тестом, основой является совсем иное, куда более древнее и куда более национальное, нежели все выше перечисленное. КУЛЬТУРА ЕСТЬ СЛОЖИВШАЯСЯ ТЫСЯЧЕЛЕТИЯМИ СИСТЕМА ВЫЖИВАНИЯ ДАННОГО НАРОДА. На семейном и личностном уровне, разумеется, но взаимодействие семей и личностей в обществе и создает национальную культуру, корни которой уходят в глубины тысячелетий, почему ее и невозможно выкорчевать никакими происками, заговорами и даже геноцидом. Она умирает только вместе с ее носителем. То есть народом.

Цыгане до сей поры живут по своим культурным канонам.

Пережившие геноцид армяне и евреи не утратили ни на йоту своего национального своеобразия. Многовековое господство англичан ничего не могло поделать с тысячелетней культурой Индии. И даже массовый ввоз африканцев в Соединенные Штаты Америки привел лишь к тому, что негры создали на новой родине свою культуру, что и обеспечило им выживание в жесточайших условиях рабства. И не только создали, но и вложили мощный камень в фундамент общеамериканской культуры: попробуйте вычеркнуть из нее джаз, рок-н-ролл, блюз, Мартина Лютера Кинга, Сиднея Пуатье, Джо Луиса, Эллу Фицжеральд.

Однако господина Илюхина тревожит исключительно славянская культура. Может быть, он считает ее куда более слабой и неустойчивой, нежели, к примеру, культуру ирокезов, доселе сохранившуюся несмотря на беспощадный геноцид, организованный белыми переселенцами в прошлом столетии. Мысль, бесспорно, дерзко-новаторская, если бы из нее не торчали коммунистические уши: тайная мечта поставить нашу культуру под патронаж государства, как то было совсем еще недавно. Но тогда получается, что славянской культуре не столько угрожает ЦРУ, сколько КПРФ. Н-да…

А так ли уж слаба славянская культура? И что конкретно понимает под столь обобщенным понятием господин Председатель бдительности?

Ну, например, входят ли в нее католики-хорваты или мусульмане-боснийцы? Они — такие же славяне, как и сербы, и болгары и мы, русские. По идее должны были бы входить, но что-то меня настораживает. Интонационное что-то, межстрочное, как во времена застоя с колбасой по 2.20.

Может быть, господин Илюхин имел в виду не славянскую культуру, а культуру православную? Тем более, что прецедент в истории есть: в свое время папа Римский натравил католическую Европу на православную Русь, но к добру это не привело. Князь Александр Ярославич Невский дважды начистил рыло крестоносцам, после чего католики стали выяснять отношения с православными исключительно в богословских спорах. Нет, вероисповедание никак не монтируется с откровениями Илюхина, тем более, что очень уж напоминают эти откровения одиннадцать чемоданов Руцкого, доверху набитых компроматом. А тут еще незадача: Чехия, Польша, Словакия и Словения, не говоря уж о Хорватии, с одной стороны — страны славянские, с другой — католические. Вот ведь неприятность какая! Так, стало быть, все же о славянской культуре печетесь, господин народный избранник, или все-таки о православии?

Тогда сами не пугайтесь и других не пугайте. Славянская

культура стоит прочно, и никакие миллиарды долларов, никакие хитроумные планы ЦРУ ее не осмелятся даже коснуться. Ведь сама Европа опирается на трех китов: на суперкультуры германскую, романскую и славянскую.

Или у вас есть информация (разумеется, из «надежных источников»), что зловещее ЦРУ задумало уничтожить всю европейскую культуру? Занятно было бы с нею познакомиться.

Может быть, вы имели ввиду искусство или образ жизни? Да, мы пьем натощак и по утрам похмеляемся, чего не делает никто, даже братья-славяне, так скажем же «спасибо» тому, кто отучит нас от этой скверной привычки. Вас пугает засилие голливудских фильмов в кинотеатрах и на телеэкранах? Так не смотрите их, и никакое ЦРУ не заставит вас смотреть эту дребедень, которую, кстати, в большинстве своем, не смотрят и сами американцы: подобная продукция рассчитана на люмпенизированные слои населения развивающихся стран. Американское кино снискало себе мировую славу совсем иными фильмами: вспомните «Унесенные ветром», «Человек дождя», «Молчание ягнят», «Танцы с волками», «Запах женщины», «Форест Гамп», «Взвод» и сотни других первоклассных произведений американского кинематографа. Просто надо развивать вкус собственного населения, но это — хлопотно, и куда легче закричать: «Караул, посягают!..»

Все-таки я неисправимый идеалист, а потому просто не могу поверить, что член Государственной Думы (да еще Председатель одного из Комитетов!), мягко выражаясь, троечник, лишенный любознательности.

Нет, безусловно такой человек разбирается в искусстве, знает и родную историю, и историю православой церкви, и даже географию при наличии извозчиков. Тогда почему же он рискнул на обширную пресс-конференцию?

Что это, неудовлетворенные амбиции? Геростратова жажда славы? Чья-то подсказка или чья-то подставка?

Ни то, ни другое, ни третье, ни даже четвертое. Просто коммунисты не способны существовать в спокойном обществе, а после выборов оно только-только начало приходить в себя. Им, как кровь вампирам, необходим гражданский разлад, всеобщая недоверчивость, а, главное, враги. Сначала были белогвардейцы, кулаки, троцкисты, бухаринцы, проклятые космополиты, сионисты, убийцы в белых халатах. Потом — весь загнивающий Запад с «их нравами», теперь — средства массовой информации, НАТО, ОБСЕ, ЦРУ…

Скучно.

Нет, я не спорю с господином депутатом: в его выступлении

нет темы для спора. Но в ней есть прямо-таки хрестоматийный пример оголтелого и настырного советского полузнайства. Будто заговорил мамонт, выползший вдруг из-под ледников почившей в бозе Советской власти…[4][5]

ОСТАНОВИТЕ ПОРУЧИКОВ

Помните старый анекдот? На параде в присутствии Его Императорского величества юный поручик от волнения шагнул не с той ноги, ну, а дисциплинированная рота, естественно, с той, с какой следовало шагнуть. Так и потопали до трибун высоких гостей, и здесь Военный министр вздохнул с виноватым огорчением: «Поручик шагает не в ногу». «Ошибаетесь, генерал, — сказал Государь. — Это рота шагает не в ногу».

Вот каким образом наши поручики получили Высочайшее право подгонять роты под свой собственный шаг. Говорят, именно с того парада и возникло твердое убеждение, что наши поручики всегда шагают только в ногу, хотя и, как впоследствии выяснилось, все больше не в ту. А вся рота упрямо и злонамеренно начинает движение по-своему, почему никогда и не попадает в ногу с отцом-командиром. Хотя пора было бы уже и привыкнуть, поскольку начали мы свой крестный путь ровнехонько восемьдесят два года тому назад, еще в феврале семнадцатого. И плетями нас ласкали за это, и сквозь строй прогоняли, и за колючку отправляли едва ли не целыми колоннами. Ан нет, не слушались. Знать, упрямый народ нашим командирам достался, прямо надо признать.

А ведь как хорошо было задумано: поход! Весь народ в движении, командиры — на лихих конях впереди, обоз замыкает марш. Цель — молочные реки с кисельными берегами, но — за линией горизонта. Вот ужо пересечете ее, и будет каждому — по потребностям. А сейчас придется потерпеть, в походе, сами понимаете, не до каждого рта в отдельности. В походе все лопают с полевых кухонь, а они, как на грех, отстают. Следовательно, выдача — сухим пайком: полфунта хлеба, щепоть соли и фляга водки. Вперед, ребята! У нас — свой путь. Особый.

В конце восьмидесятых в доселе более или менее отрегулированном движении к линии горизонта начались сбои. Отдельные личности стали позволять себе сомнения вслух, и строй распался. Все затоптались на месте, начался крик и ор, отцы-командиры попытались было воспрепятствовать, организовав танковую колонну, но гусеница в городе едет, как правило, не в ту сторону, и отцы-командиры вместо всеобщего построения получили тюремные нары. Впрочем, ненадолго: народ отходчив. Ему бы поорать вдосталь, и весь гнев уйдет, так сказать, в гудок. Обождали, пока перегудят, выпустили из тюрьмы прежних командиров, избрали новых всеобщим альтернативным голосованием, однако прежнего марша организовать так и не

удалось, потому что неизвестно стало, а куда, собственно, будем маршировать? И опять все затолкались, заерзали и начали дерзко предлагать собственные цели. Кто — галопом вперед, чтобы догнать Америку, кто — рысцой, чтоб хотя бы не отстать от Европы, а кто и — назад. В прежний строй, к прежней цели, прелесть которой заключалась именно в том, что ее, с одной стороны, невозможно было достичь, зато, с другой стороны, путь к ней был особым. Своим, единственным в мире, что приятно воодушевляло измотанную маршами национальную гордость.

Вот тогда и вспомнили о бывших поручиках, оказавшихся не у дел. Честно говоря, далеко они от своих кресел так и не отлучались, а просто перетащили их из обкомов-райкомов в областные и районные администрации. Но вверху то ли не заметили этой рокировки, то ли посчитали, что с привычными командирами рядовым гражданам будет сподручнее общаться, а только востребовали их на всякий случай к себе. Востребованные поручики воспряли духом и с хода начали делать все, чтобы рота шагала если и не совсем уж в ногу, то, во всяком случае, по прежнему особому пути.

Обычно эта сусанинская почесуха дремлет в уютных креслах Государственной Думы, поскольку очень уж нежна пружинная подвеска для насквозь просиженных задов. Но сквозь сладкую дрему частенько прорываются навечно врезанные в извилины протестные бормотания. Мол, и режим преступен, и президент хвор, и вообще идем не той дорогой и, главное, не туда. Вот ужо нас бы во главу, а за нами чтоб роты, роты, роты… И все под нас подстраиваются. Под нашу ногу.

Не принимайте всерьез их полусонный лепет, не о том они думают, если еще не утратили этой способности вообще. Одна у них мечта, но зато, какая сладкая! На кой черт им наши с вами заботы, бюджеты, деньги, кавказские абреки, невыплаченные зарплаты и нищие дети на улицах?

Им бы креслица сохранить, денежное содержание за наш счет повысить, льготы, заграничные вояжи да бесплатные курорты для поправки подорванного многолетней дремотой организма и — аюшки. До перерыва просим не беспокоить. Сны у нас беспокойные накануне новых выборов: а вдруг не выберут?.. Что же тогда делать? Неужто работать придется?..

А через год другой страх ожидает. Тоже мучительный и сна лишающий, но как бы с обратным знаком. Помните перепуганное лицо товарища Зюганова на последних президентских выборах? «А вдруг и впрямь в президенты выберут?..» — вот, что в нем читалось. «Кру-гом!..» бы им всем скомандовать..

А как с марша «Кругом!» скомандуешь? Нет такой команды в

Строевом Уставе, потому что сначала надо остановить сложившееся броуново движение. Сначала надо отдать команду: «Стой!..», а когда остановятся, тогда — «Кру-гом!..» и «Шагом марш!..» А остановятся разбушевавшиеся молекулы легче всего в том случае, когда им будет продемонстрирована полная бессмысленность их самостоятельных колебаний. Ну, скажем, провалить закон о купле-продаже земли с его возможностями многомиллиардных оборотов, снизить НДС, чтобы окончательно сорвать бюджет, гордо отказаться от условий МВФ, устроить импичмент больному Президенту… Да мало ли тактических заготовок в арсенале вечно вчерашних поручиков?..

И тут — о, радость несказанная, о, манна небесная! — американцы пошли на открытую вооруженную агрессию против Югославии. О подобном подарке наши вечно вчерашние и мечтать не смели. Спасибочки вам, господин президент Клинтон, с такой вашей подмогой, мы и «Стой!..» скомандуем, и «Кругом!» и даже «Назад шагом марш!..»

Эти соображения пришли мне в голову, как только я увидел осиянный нескрываемой радостью лик вице-премьера Маслюкова, возмущавшегося решением НАТО. И окончательно в них утвердился после просмотра репортажей с орущего митинга перед посольством США.

Ах, какой был митинг в четверг! Какой весомый протест заключался в метании тухлых яиц членами ЛДПР, какая глубокая мысль содержалась в дружных действиях футбольных фанатов, сколько нового мы узнали из плакатов бабушек Ампилова! И, обратите внимание, какой крутобокий клин был вбит меж равноправными доселе членами НАТО: подле посольств Франции и Германии, Италии и Турции, Бельгии и Нидерландов, не говоря уже о Великобритании, не оказалось ни одного протестующего. Из этой протестной пустоты сторонние корреспонденты могли спокойно делать многозначительный вывод: вышеупомянутые страны на бомбардировку Югославии имеют полное право, поскольку прописаны в Европе, но вам, янки, тут делать нечего. «Гоу хоум», как скандировал наш просвещенный народ, «янки, гоу хоум!».

И все почему-то не столько негодовали, сколько радовались. Сначала я подумал было, что радость их объясняется всеобщей гарантированной безопасностью, но потом разобрался. А, разобравшись, огорчился куда больше, чем от идиотского американского решения подвергнуть бомбардировке суверенное европейское государство. Не собственный Мемфис, не Чечню даже, с протестом против ковровых бомбежек и карательных зачисток которой не выступил ни один жириновец, ни один

футбольный фанат и ни одна анпиловская бабуля, а вполне законного члена ООН. Так чему они, собственно, радовались? Почему политический протест по вполне конкретному и заслуживающему этого поводу превратился в конечном итоге в истерический бесовский карнавал?

Радовались наши протестанты возвращению врага после десятилетнего отсутствия. Не было его, исчез он, не оставив заместителя, почему известный героическим штурмом Останкинской башни генерал и принялся за евреев. Не отмени власть ненависти в адрес империалистов-американцев, никто бы о своих евреях и не вспомнил. Их бы, этих самых янки, и поносили бы с разных страниц и разных трибун, обвиняя во всех смертных и бессмертных грехах, дело привычное, а так, без врага за плетнем мы не можем. Люди мы совестливые, почему и остро нуждаемся в личном оправдании. Ведь наша национальная проблема заключается не в том, «Быть или не быть?», как у них, за бугром, а в вековечном вопросе «Кто виноват?», ответ на который всегда наготове у каждого: «Только не я!», суммарно перерастающий в «Только не мы!» Не мы выпиваем миллиарды бутылок водки в год, не мы скулежно просим подачек вместо того, чтобы искать хоть какой-то заработок, не мы превратили Чечню в руины, не мы врем, с обывательской всеядностью заглатывая любые сплетни, не мы воруем у самих себя и не мы поносим больного человека с официальных трибун, повинного лишь в том, что он отважился взвалить на свои плечи насквозь прогнивший обломок Советской империи, чтобы с нашей помощью попытаться спасти его от полного краха.

Помогли мы ему? Какое там! Мы с садистским наслаждением втаптываем подскользнувшегося в грязь, убеждая, что упал он не от невероятной перегрузки, а исключительно от лишней рюмки водки. На словах мы все — великие трезвенники и святоши, почему и не привлекаем к ответственности загулявшего Генерального прокурора, но возбуждаем дело против тех, кто посмел вымести сор из избы. С точки зрения крестьянской морали так и следует поступать: неча соседям знать, что старшого нашего с гулящими девками застукали. Но за спиной у нас не крестьянский двор, а держава, когда — то по праву считавшаяся великой отнюдь не по количеству атомных боеголовок, а по великой культуре, во многом определившей развитие культуры Европы, и по великой нравственности, равной которой в мире просто не существовало.

Вот о нравственности — забытое ныне понятие, духовностью замененное, хотя между духовностью и нравственностью столько же общего, сколько меж семейным киотом и Эрмитажем — и

поразмышляем.

Бездельная молодежь и таинственные казаки, сплошь самоувешенные неизвестными медалями за неизвестную отвагу, ринулись записываться добровольцами в Сербию. «У нас с сербами — один Бог», как объяснил причину своего желания стать добровольцем некий немолодой энтузиаст. А что, господин волонтер, у американцев, французов, немцев, англичан, испанцев и прочих представителей стран НАТО Бог — иной? Ведь варварскими бомбардировками занимаются (за исключением Турции) те же христиане, верующие в того же Бога. Ваш посыл не просто с головой выдает уровень ваших познаний: он попросту греховен с точки зрения основ Христианского учения. Русские добровольцы сто двадцать пять лет назад шли в Сербию не Бога защищать, а — свободу, хотя воевали при этом с мусульманской Турцией. По семейным рассказам в детстве я знаю, что дядя моей мамы — мой, стало быть, двоюродный дед — поручик Русской армии Гавриил Алексеев (в романе «Были и небыли» он назван Олексиным) сражался за свержение Османского ига, был ранен, награжден Таковским крестом за отвагу. А второй двоюродный дед капитан Георгий Алексеев отправился добровольцем аж в Южную Африку воевать против англичан в англо-бурской войне, где и пал смертью храбрых в Редденбургском сражении. Знаю об этом из открытки, на которой была изображена его могила в центре Претории. А на обороте рукою последнего Президента Бурской республики господина Крюгера была изложена история его гибели и благодарность от имени бурского народа. Открытка была написана по-французски, но бабушка перевела мне ее слово в слово. И подобных молодых офицеров — и не одних офицеров! — было много не только в Сербии, но и во всех тех государствах, в которых сильный противник посягал на свободу, честь и достоинство народов этих стран. Волонтеры России рисковали своими жизнями не во имя «одного Бога» и уж тем паче не из политических соображений, а исходя из своего понимания долга русского человека. Но понимание своего неоплатного долга перед людьми и есть основа нравственности, тогда как духовность есть всего-навсего понимание своего долга перед Богом, в которого веруешь.

Именно по этой причине Россия избегала употреблять слово «патриот», «патриотизм» и тому подобные словосочетания. Из воспитанной с детства высокой нравственности исходило понятие долга перед Государем, народом и Государством. Исполнение этого долга никогда не именовалось «патриотическим», поскольку это деяние всегда было само собой разумеющимся, а потому и не требовавшим саморекламы. Не мог нравственный

русский человек не исполнить своего долга в бою или на мирном поприще, совесть ему не позволяла. Совесть была внутренним контролером поведения русского человека во всех случаях жизни.

В конце прошлого века в обывательской среде, не обремененной ни образованием, ни семейными нравственными традициями, поскольку в подавляющем большинстве обыватели в городах были людьми пришлыми, оборвавшими деревенские корни, но не воспринявшими и городской культуры, возникло упрощенное понятие славянофильства. Из общественного движения, направленного на консолидацию исторических традиций, оно выродилось в русский пещерный национализм, заменив понятие долга лозунгом ура-патриотизма. Это упрощенчество не требовало ни традиционного семейного воспитания, ни знаний, ни понимания личной ответственности: в патриоты можно было просто записаться, тогда как в когорту людей нравственных записаться было никак невозможно. Так появились записные патриоты, образцом которых вскоре стали мясники из Охотного ряда, за что и получили прозвище «охотнорядцев».

Как раз в то время в русской культуре окончательно оформились две родственных ее ипостаси: культура деревенско-христианская и культура дворянско-городская. Эта последняя культура и служила визитной карточкой нашим предкам в Европе: им не нужен был переводчик, не нужно было приспосабливаться к иному образу жизни, почему они никогда и не ощущали себя иностранцами. Они посещали Европу не только ради Парижа и модных курортов, но и для того, чтобы попросту спокойно поработать. К примеру, Гоголь творил в Риме, Тургенев — в Париже, Достоевский — в Баден-Бадене, и никто не вопил об утечке мозгов за границу, поскольку в сознании русских дворян Европа таковой не считалась, как не считался зарубежьем Крым или Прибалтика у людей советских.

Иное дело — крестьянство. В общей массе эта культура иностранных языков не знала, интернационализму не доверяла, немецкого орднунга, по которому живет вся Европа, не воспринимала изначально, да и вообще чуралась чужаков, каковыми для ее сознания являлись не только все нерусские, но и все нерусское, как таковое.

Сталинский террор обрушился на обе культуры России последовательно и беспощадно. Из христианско-деревенской культуры вырвали саму ее нравственную основу — Христианство, взорвав Храмы и превратив монастыри в застенки. Всеобщий и чрезвычайно жестокий насильственный захват крестьянских земель и организация трудовых поселений для лишенных

гражданских прав вчерашних свободных собственников под названием колхозов вынудили крестьян бежать в города, массами уезжать на строительство новых индустриальных центров, исчезать в Сибири, на Дальнем Востоке и Крайнем Севере.

А тем временем в городах расправлялись с дворянством, купечеством и интеллигенцией с такой же жестокостью и последовательностью. Из дворянско-городской культуры столь же насильственно убрали ее основной, нравственнообразующий слой — само дворянство. Вместо двух культур Россия в результате получила… тоже две, но лишенных нравственных фундаментов: церкви — на селе, и дворянства — в городе. В результате в городе восторжествовал обыватель, лишенный нравственного примера для подражания и образца, а в деревне — люмпен-колхозник, лишенный не только духовной опоры в лице Церкви, но и собственности, как таковой. И бежавшим в города сельским жителям не пришлось затрачивать усилий на приобретение хотя бы внешних признаков дворянской культуры: обывательская среда была куда проще и доступнее, поскольку хранила в себе зачатки тех же деревенских корней. Наше воспевание уголовщины, от которого мы млели в семидесятых, оказалось реквиемом русской дворянской культуре. Через десять-пятнадцать лет уголовная субкультура победоносно ворвалась в нашу жизнь как матерщиной и формой общения, так и идеализацией безделья, воровства и «сладкой жизни» в ее похотливо-брюшном понимании. Даже высшие чиновники ведут себя сегодня так, как и в мыслях не мог себе позволить небезызвестный телеграфист Ять. Крестьянская приветливость и дворянская подчеркнутая вежливость моего детства оказались практически сметенными перегарным ураганом люмпен-уголовной культуры. Это ведь она предлагает восстановить памятник палачу народов России Дзержинскому, уповая на его «холодные руки» (весьма многозначительная оговорка!). Это она едва ли не ежедневно хамит в адрес опасно больного старого человека. Это она спрашивает не у судебных, а у силовых структур, когда эти структуры «защелкнут наручники на руках чубайсов, гайдаров, березовских»: ее представителю даже невдомек, что в стране наконец-таки провозглашена презумпция невиновности. И это она пришла в опасную истерию у стен Американского посольства. И это она горласто рвется сегодня защищать несчастную Сербию, считая это высшим проявлением патриотизма.

Не знаю, какими патриотами мы окажемся, когда, не дай Бог, это придется доказывать каждому в одиночку на полях сражений. Но то, что мы — плохие граждане, это уже ясно. У нас нет

единого гражданского общества совсем не потому, что нет общенациональной идеи, а потому, что гражданская война, спровоцированная большевиками разгоном Учредительного Собрания, продолжается до сей поры меж двумя культурами России на всей ее территории. При оглушительных воплях о патриотизме все решения правительства, направленные на дальнейшее развитие реформ, все Указы Президента, расчищающие путь этим реформам, со злорадным единодушием проваливаются чрезвычайно агрессивным большинством Думы. Их представители уже в составе правительства, обжигающая возможность перехватить власть, повернуть Россию на тот самый путь, с которого она слетела под откос, туманит головы, поверхностное, по сути, невежественное представление о прежней, дореволюционной России переполняет их речи, статьи и лозунги извращенной до абсурда демагогией. А откровенная, брызжущая слюной ненависть к лучшим, наиболее образованным представителям нашей интеллигенции грозит завтрашним откатом всего нашего общества во времена смрадного изоляционистского средневековья. В России идет яростная и беспощадная война за вчерашний день.

Примером тому настойчивые призывы снять эмбарго на поставки вооружения в Сербию, а заодно и в Ирак. Эти требования грозят не только новым железным занавесом, но и окончательным крахом еле-еле начавшей дышать нашей экономике. Поставки вооружения реанимируют ту самую разрушительную внутреннюю силу, которая десять лет назад привела к окончательному развалу Советскую державу, все величие которой держалось только на военном потенциале.

Да, жестокая и бессмысленная агрессия НАТО против Югославии сплотила нас в единодушном осуждении ее, но это — временное единочувствие, а никак не единомыслие. Нечто подобное случилось с нами при нашествии фашистской Германии, но все попытки Коммунистической партии сплотить народ на основе всеобщей ненависти не дали практически никаких результатов. На базе ненависти не происходит консолидации общества — эта консолидация возможна только на базе любви к родине. Тогда большевики вовремя поняли свой просчет и тут же вспомнили и о наших великих предках, и о забытых традициях, и даже о погонах. И на этой всеобщей любви мы ощутили плечи друг друга. Исчез фанатический героизм единиц и родился героизм нравственный, а, значит, и всеобщий. Вот этот всенародный нравственный героизм и привел в конечном итоге нас к победе.

В миниатюре все как бы повторяется, только очень опасно

полагать, будто подобное отрицание способно послужить фундаментом всеобщего согласия. Отрицание бесперспективно, перспективно только утверждение. А его способна привнести в массы только интеллигенция. Церковь не может служить центром кристаллизации общества хотя бы потому, что Россия — страна многоконфессионная. И наоборот, гуманитарии, творческая, научная и техническая интеллигенция, независимая от узкопартийного взгляда на завтрашний мир, не только может, но и обязана осознать свой долг перед народом. Может быть, не сегодняшняя, всегда не вовремя получающая зарплату, не замечаемая, а то и презираемая чиновниками, но — завтрашняя. Избежавшая идеологической советской прокатки, свободная от большевистских традиций безусловного внутреннего послушания, уверовавшая в собственные силы.

Что же позволяет мне делать подобные предположения?

Психологический надлом народа произошел после Великой Отечественной войны. И совсем не потому, что огромные жертвы, безмерная моральная и физическая усталость привели нас к этому. Такой психологический надлом был бы преодолен, если бы мы окончательно не утратили нравственной составляющей нашего национального характера: аналогичный надлом переживали тогда народы Германии, Японии, Италии, однако они нашли в себе силы осудить и отринуть фашизм и милитаризм. Мы с этим тогда справиться не могли, как не смогли окончательно и бесповоротно отбросить его в начале девяностых годов. И дело здесь не только в том, что нам внушили, будто мы победили фашизм потому лишь, что нравственно опирались на идеи коммунизма. Мы победили вопреки этой идее, нашей опорой была русская нравственная сила, но коммунисты присвоили победу только и исключительно своим стараниям и своей идеологии.

Но давайте вспомним, что привезли наши прадеды из Европы после разгрома Наполеона в 1812 году. Они привезли лозунги Великой Французской революции: свобода, равенство, братство. Именно этот багаж и привел на Сенатскую площадь передовых людей того времени. И именно с этого расстрела и началась эра русской интеллигенции.

А что мы привезли из Германии в 1945-м? Эшелоны награбленного барахла и злую зависть: «Живут же, гады…» Этой зависти необходимо было что-то противопоставить, и противопоставили — национализм. То есть полную противоположность идеям равенства и братства, привезенных нашими предками из Парижа в 1814 году. И бороться с этим было некому: последняя русская интеллигенция догнивала в ГУЛАГе. В

стране не оказалось нравственных сил, способных дать отпор черной обывательской зависти, и сразу же стали искать, кто виноват. На базе этих поисков и появились космополиты, гиперболизированное представление о главенствующей духовной роли России (в самом примитивном понимании этого посыла), и — как результат — «убийцы в белых халатах» и смертоносная волна государственного антисемитизма. К великому нашему счастью умер Сталин, и уже готовые к депортации евреев и инакомыслящих эшелоны так и остались ржаветь на запасных путях.

Именно об этом черном периоде нашей недавней истории с глубочайшей печалью поведал Зюганов в одном из своих выступлений: «Если бы Сталин прожил еще лет пять-шесть, вопрос о будущем был бы решен навсегда…»

То есть восторжествовал бы государственный национализм, именуемый всем миром фашизмом. Вот она, обжигающая мечта наших современных коммунистов.

Только коммунистов ли? Нет. Коммунизм опирался на рабочий класс, но партия коммунистов-большевиков давным-давно стала… крестьянской.

Небольшое отступление.

К концу 1916 года мобилизация рабочего класса в действующую армию достигла предела (до сорока процентов), за которым стояла угроза остановки заводов, шахт, домен, рудников и т. п., поскольку людские резервы деревни были практически исчерпаны. Даже на оборонных предприятиях остались лишь те, без кого невозможно было обойтись: основную массу рабочих заменили беженцы, женщины и дети. Революции, перевороты, остановка большинства фабричных производств, возросшая преступность и голод привели к повальному бегству в деревню, к земле. Города обезлюдели, а при советской власти мобилизация продолжалась: в продовольственные, заградительные, карательные, заготовительные и прочие отряды.

В гигантском миксере гражданской войны, каковым стала вся Россия, бурно перемешивались все слои населения, поднимая со дна муть и осадок, а число членов правящей партии большевиков неуклонно росло.

Округленно:

1917 год — 40 тысяч.

1920 — 612 тысяч.

1921 — 730 тысяч.

1927 — миллион двести тысяч.

Парадокс: рабочий класс исчезал на глазах, а его партия за десять лет выросла в ТРИДЦАТЬ раз. За счет кого?

За счет беднейшего крестьянства, отвечали нам в «Кратком курсе». Допустим. Но как раз в русской деревне, существовавшей пока еще на базе рыночной экономики, люмпены и составляли подавляющее большинство бедняков. И как тут не считай, как ни прикидывай, ясно, что как раз маргиналы города и люмпены деревни и пополнили собой ряды большевистской партии в это время. Именно они оказались наиболее удобными проводниками руководящих идей, наиболее послушной опорой «демократического централизма», наиболее гибкими инструментами сталинской борьбы за власть в самой партии и наиболее активными исполнителями самых чудовищных преступлений. Эта масса, по-прежнему располагаясь вне контекста народной нравственности и гражданского долга, не была обременена ни традициями, ни знаниями, ни нравственностью, ни гражданским чувством ответственности за прошлое и будущее России. Они жили только настоящим, только сегодняшним днем, что, собственно, и определяет их как люмпенов и маргиналов. И именно их ретивая поддержка власти и еще более ретивое исполнение ее приказов и внесли свои коррективы в русский национальный характер.

Признаем же, что в России победила советская синтетическая культура, представляющая собой вненациональную (отсюда и исходят все истошные крики о патриотизме) мешанину городской полууголовщины с люмпенами деревни, порвавшими корни свои, со всеми признаками ее обывательского восприятия окружающей действительности. С поиском врагов, с комплексом неполноценности, восполняемым безудержной русофилией, с недоверием ко всему новому, с ненавистью к Европе, либерализму и демократии, со средневековым антисемитизмом, с культом силы и жестокости, с психологическим неприятием презумпции невиновности, адвокатуры и состязательности судебных процессов, с узколобым национализмом, ксенофобией и неосознанным культом землячества. С темной, зловещей завистью, наконец.

Вот почему столь неистово взыграли наши люмпен-патриоты в ответ на реальное преступление НАТО. Только почему европейские союзники Америки рискнули на столь антигуманный шаг?

Может быть, следует подумать, что Милошевич совсем не сахар? Что его система этнических чисток началась не вчера, что она куда пострашнее наших деяний в Чечне? Наконец, он — коммунист, и этим все сказано: точно так же будет поступать и Зюганов, дорвавшись до Президентского кресла. Такова сущность коммунизма по-сталински, а подобная система власти нам

хорошо знакома по собственному трагическому опыту ее более чем семидесятилетнего правления. Это их вожди и вдохновители занимались депортацией целых народов, уничтожали интеллигенцию, священнослужителей и лучших представителей крестьянства и рабочего класса.

Это они всадили истекающей кровью России нож в спину во время Первой Мировой войны, о чем их сегодняшние политические потомки предпочитают никогда не вспоминать, хотя без упоминания о «патриотизме» практически не обходится ни одно их выступление.

Давайте вспомним, что европейские государства — совсем не так послушны, как нам усиленно вдалбливают: НАТО — не Союз нерушимый республик свободных. Во время «Бури в пустыне» далеко не все члены НАТО оказывали американцам военную поддержку, а в последнем конфликте вообще практически не участвовали в бомбардировках Ирака, за исключением Великобритании. А вот против Югославии выступают единым фронтом: почему? Почему наши генералы — и не только генералы — утверждают, что трагическое бегство албанцев из Косово произошло из-за натовских бомбежек? Ведь от бомбежек не бегут из собственной страны, а прячутся в щелях и бомбоубежищах. Массовое бегство народа из собственной страны происходит тогда, когда идет их планомерное истребление на их же территории, что нашим генералам отлично известно. Косоваров физически уничтожает югославская армия и полиция: именно их боевые части и бомбит натовская авиация в Косово. Тогда почему же нас вводят в заблуждение, рисуя картину наоборот?

Эта абстрактная живопись очень опасна: в дымовой завесе всеобщей «патриотической» истерии нас изо всех сил стремятся поссорить с Западом, а заодно и помочь Хуссейну, Каддафи… кто там еще в их списке «верных друзей социализма по-нашенски»? Вся эта игра ва-банк смертельно опасна прежде всего для самой России, семь лет пытающейся встать на ноги. Уж не говорю о том, что такой путь может привести нас к войне практически со всем миром: можете не сомневаться, что мудрый Китай останется в стороне, ожидая ослабленного победителя. Но даже если этой катастрофы и удастся избежать, нам не избежать крушения всех демократических институтов. Мы лишимся альтернативных выборов, многопартийности, гласности, рыночной экономики, свободы демонстраций, митингов и всех прав на личное мнение. Мы вернемся в военно-полицейское государство под неусыпным контролем все той же Коммунистической партии.

С кровавой авантюрой, развязанной НАТО, необходимо

кончать, как можно скорее, потому что гибнут ни в чем неповинные люди. Дети, женщины, старики. Сербы, албанцы, черногорцы — смерть не имеет национальности. Но кончать языком терпеливых, долгих и упорных переговоров, а не языком угроз, демонстраций силы и бряцанием оружия. Только так, иного пути не существует.

А поручики наши упрямо шагают в ногу. В ту самую, с которой начали шагать еще в семнадцатом году.

«ЛЮДИ, БУДЬТЕ БДИТЕЛЬНЫ!»

ЛЮБИТЬ ИЛИ ДОЛЖЕНСТВОВАТЬ?

Глаголу «любить» не повезло в русском языке: у него не оказалось синонима, определяющего особые отношения между мужчиной и женщиной. Поэтому у нас любят все подряд. Квашеную капусту и жареную картошку, огуречный рассол по утрам и рюмку водки под селедочку, маму и георгины, родину и рыбалку, товарища Сталина и дедушку Ленина — словом, все, что приносит чувства приятные и как бы несколько вкусово разнообразные. Физиологические куда более, нежели духовные.

А государство наше, собранное мечом и мечом неоднократно же и спасаемое, в качестве объекта особой любви предложило и, так сказать, меченосцев. Вот их мы любим особо, подчеркнуто, проникновенно и упоенно. Правда, есть, за что, но возлюбили мы их невероятно почему-то именно в Двадцатом веке.

За всю свою более, чем тысячелетнюю историю наше Отечество провело почти полтораста войн и военных стычек. Мы побеждали и терпели поражения — суть не в этом. Суть в том, что наши предки, частенько хватаясь за мечи, никогда, ни единого раза не упомянули о своей особой любви к Родине. Ни в Летописях этого нет, ни в мемуарах, ни в документах. Они просто исполняли свой долг, не щадя живота своего. Вот об этой беспощадности к самим себе во имя исполнения долга Летописи пишут весьма часто.

И что любопытно: ни воины Святослава, ни дружинники Александра Невского, ни преображенцы Петра Первого, ни солдаты Кутузова никогда не полагали себя патриотами. Об этом молчат Летописи и мемуары, записки и реляции, донесения Государю и личные письма. Исполнение долга было самодостаточным, потому что честь воина России заключалась не в том, чтобы кричать на всех перекрестках о своей любви к Отчизне — это разумеется само собой, как любовь к матери — а чтобы долженствовать. Отдать ему, Отечеству своему, долг ценою, если понадобится, в собственную жизнь.

Это замусоленное многими устами слово заново родилось в России в конце прошлого века с иным смыслом, нежели тот, который вкладывали марсельцы во время своего знаменитого марша на Париж. Для них, марсельцев, патриотом был тот, кто, себя не щадя, сражался за Францию завтрашнего дня.

Кстати, этот способ проверки «святой любви к Отечеству», как поется в Марсельезе — единственный и безошибочный. Иной лакмусовой бумажки больше не существует. Можно сколь угодно долго разглагольствовать о ней со всех мыслимых трибун, но

испытание для него — одно. Сознательный риск собственной жизнью во имя Отчизны. Рассуждения о патриотизме в каком-либо ином виде звучат оскорбительно для граждан любой страны. А громкая эта шумиха возникла по воцарении Александра 3-го, и тому было много причин. Упомянем две из них:

1. Александр 3-й был вторым сыном трагически погибшего Государя Александра 2-го. Первым, а, следовательно, и наследником был старший сын, Николай. Его и готовили для этой высокой цели. Он с отрочества присутствовал на Государственных Советах и совещаниях, с ним подолгу беседовал отец, разъясняя необходимость огромных и всеобъемлющих реформ, посвящал его в свои планы, и можно полагать, что своевременно растолковал наследнику и о неотвратимости введения Конституционной монархии, если Россия желает оставаться великой европейской державой. В семье европейских народов, а не на ее задворках. Александр 2-й был западником и отчетливо понимал, что место России — в Европе, а не неком странном географическом понятии Евразия.

2. Александра 3-го готовили в главнокомандующие Российской армией. Место Госсовета занимал Генштаб, место Государственных совещаний — плац с солдатской муштрой, которую он очень любил. Он не любил отца. Участвуя в русско-турецкой войне в чине, соответствующей принцу, он бездарно провел кампанию под Рущуком, за что получил выволочку не только от венценосного батюшки, но и от его начальника штаба генерала Непокойчицкого. Кроме того, он не терпел отцовского интеллигентного интернационализма, привлекавшего в госаппарат людей не по национальному признаку, а по личным достоинствам.

Александр 3-й был тем самым русским «патриотом», которые видят патриотизм, так сказать, в отрыве от его основного содержания, больше уповая на форму его внешнего проявления. И когда наследник Николай скончался в Париже, а отец пал жертвой экстремистов, этот выспренний, картинный патриотизм был противопоставлен внепланово заполучившим власть Александром 3-м как европейским увлечениям отца, так и социальным движениям собственного народа.

Общественная жизнь России того времени уже бурлила, подогретая великими реформами Александра 2-го. И этот показушный, внедряемый сверху «патриотизм» призван был повернуть стрелку общественного оживления назад. В прошлое. Даже гимн Французской республики знаменитая «Марсельеза» была запрещена в ее русском варианте.

«Победоносцев над Россией
Простер совиные крыла».

Период торжества оголтелого национального «патриотизма» оставил глубокий шрам на теле России. Наследник Александра 3-го, знаменитого лишь своей бычьей силой, любовью к сапогам и болезненным пристрастием к водке, Николай 2-й, будучи послушным сыном, пошел по стопам отца, а не деда, что, в конечном итоге, и обернулось для России крушением в 17-м году.

Не нужно думать, что История мстит. История учит не повторять ошибок, но учение не было сильной чертой последнего русского императора. Слабый, безвольный, легко теряющийся сын запойного алкоголика привел Россию к величайшей трагедии за все время ее многострадального существования. Она просто перестала существовать.

Современные вопли многочисленных «отчизников», «отечественников» и иже с ними есть невероятная жажда записать чужую кровь на свой счет. Успокойтесь, а успокоившись, подумайте, что войны делятся совсем не на «справедливые» и «несправедливые» по той простой причине, что на свете нет и не может быть СПРАВЕДЛИВОГО уничтожения себе подобных. Все войны д елятся на те, которые «ЗА» — за Отечество, за спасение твоего народа — и на те, которые «ПРОТИВ». Против финских захватчиков, против польских офицеров, против Амина, Дудаева, ангольского режима или, с трудом, но все же — допустим, против террористов. И те, кто воевал «ЗА», гордо носят свои ордена и медали, а которые «ПРОТИВ». Мне очень жаль, но при всем моем уважении к вашему мужеству не могу не сказать со всей откровенностью. Вас использовали, ребята, как используют пешки в шахматной партии. Понимаю, это не ваша вина, это — ваша беда, но из песни слова не выбросишь.

А песня у нас — одна на всех, зато — государственная: «мы — мирные люди, но наш бронепоезд…» Верховная обслуга этого бронированного монстра ходит в особой форме, которая для России всегда значила больше, нежели профессорская мантия. Вот этот самый бронепоезд по вышесказанной причине и оказался с норовом, который не может укротить ни одно Правительство и ни один Президент. Он то и дело поперек путей разворачивается и бьет по тем же целям, по каким еще Сталин навел прицел. И горят дома, и бегут женщины, и взрываются дети. Неужели горе целого народа стоит генеральских орденов с бантами и аксельбантами на всю грудь навыкате? Добавьте сюда наших убитых и искалеченных ребят, в чем я, каюсь, никак не могу

обвинить чеченцев. Совесть не позволяет.

Это ведь они воюют «ЗА». Они. А мы — «ПРОТИВ». Вот в эти два предлога и укладывается весь наш современный Ура-патриотизм. Спросите господ Депутатов Государственной Думы, у кого из них сын воюет в Чечне?.. Сыщете одного-двух от силы. А слова «патриот» и «патриотизм» звучат с трибун едва ли не каждое заседание.

Позвольте поворчать на прощание. Для меня словосочетания «патриот своего дела» или, там, «патриот своего города» звучат абракадаброй. Ведь «патрия» означает Отечество. И более ровно ничего.

Патриотизм предполагает объединение нации в экстремальных условиях. Патриот в мирное время, мягко говоря, бессмыслица, пустое обозначение «своего» в отличие от «чужих». Теряется сама сущность этого высокого определения. Вот когда, не дай Бог, нам придется отстаивать свою Отчизну от, допустим, талибов (которых, кстати, мы и вывели на тропу войны), тогда и только тогда выяснится, кто — патриот, а кто — не очень. Вот тогда и слово станет уместным и нужным, и спрос с него — соответственно. А пока работать надо. Просто — работать, без всякого патриотизма. Он мирной жизни не требуется. Звон один.

В заключение напомню хорошо известное русской интеллигенции определение горластых «патриотов» конца прошлого и начала этого века: КВАСНОЙ ПАТРИОТИЗМ. Огульное восхваление всего своего, даже отсталых форм жизни и быта, и порицание всего чужого. (Академический Словарь русского языка).[6]

ВОСПОМИНАНИЯ О БУДУЩЕМ

Я родился в Советском Союзе, но мечтаю умереть в России. Слиться с прахом своих предков, прорасти зеленой травой на ее лугах, тихо вздохнуть в шелесте ее березовых рощ. Может быть, даже не ради себя, а ради внуков и правнуков, которые будут жить в той России, что возникнет из пепла подобно птице Феникс. Но беда в том, что мало, кто помнит, какой была она, та Россия, которой предстоит возродиться, и я по мере сил своих пытаюсь собрать осколки разбитого вдребезги. По обрывкам, которые застал в детстве, по собственным воспоминаниям, по рассказам родителей. По долгу совести своей.

Летом 1935 года отец получил месячный отпуск, едва ли не впервые с 1914-го, и взял меня с собой в Крым. И я увидел море, о котором столько мечтал и столько читал. Оно было тихим и покойным, и я долго не мог оторвать от него глаз.

Это не ностальгические вздохи о детстве. Это ностальгия по временам, когда гость еще оставался гостем, ребенок — ребенком, а люди — людьми. Когда Россия еще оставалась Россией наперекор гражданской войне, голоду, террору и унижению, подобного которому Россия не знала со дня зачатия своего. Со дня победы на поле Куликовом.

Мы прошли с отцом от Байдарских ворот до Алушты по замысловатому серпантину старой дороги, куски которой еще сохранились ниже современной автомагистрали. Мы шли, никуда не торопясь, отец учил меня есть сырые мидии и вареных крабов и категорически запрещал забираться в сады и виноградники, которых никто не сторожил. А под вечер мы заходили в любое селение, где нас и кормили, и поили, и укладывали спать. Это были либо татарские аулы, либо греческие поселки, и я запомнил их по вкусу. По кисловатому, разбавленному специально для меня татарскому вину, горькому молоку греческих коров и ароматным взварам айсоров.

Русские на побережье жили тогда, в основном, в городах да при санаториях, потому что принцип частной собственности инерционно еще продолжал существовать. Россия, захватывая сопредельные территории, никогда не нарушала его, став могучей империей, но так и не превратившись в оккупанта.

Это и позволяло ее населению сохранять дружбу и уважение. И в каком бы селении мы не останавливались, нас встречали в самом почетном доме, куда постепенно подходили татары и греки, армяне и айсоры, и другие соседи, Бог весть каких национальностей. Не сразу, разумеется — они все были на

редкость деликатны — а после того, как до отвала кормили нас. Потом меня отправляли к ребятишкам, а отец оставался с мужчинами пить вино, рассказывать «о текущем моменте» и отвечать на бесчисленные вопросы. А я не знал ни татарского, ни греческого, но детский язык одинаков во всем мире.

Тогда Крым был цветущим садом. Татары издревле долбили ямы в скалистом грунте, возили плодородную землю из-за Яйлы и выращивали груши и яблоки, каких я более нигде не встречал. А греки создали сотни сортов десертного винограда и делали вина, от которых остались одни названия. Это был единственный в мире заповедник высочайшей садоводческой культуры глубокой древности. Его не смогли уничтожить никакие завоеватели — ни Османская империя, ни Россия. Потому что берегла его на редкость трудолюбивое и удивительно разноплеменное население.

Мой родной Смоленск тоже отличался поразительной многонациональностью. В первом классе 13-й школы со мной вместе учились русские и чеченцы, украинцы и евреи, белорусы и поляки, эстонцы и айсоры, татары и латыши, немцы и литовцы, и уж не упомню, кто еще. И никто никогда не интересовался твоей национальностью, никто и никогда. Это был осколок старой России, в котором мне выпало великое счастье сделать первый шажок из детства, бережно унеся из него чувство естественного бытового интернационализма, на котором тысячу лет стояла Россия. И ехали в нее не за длинным рублем, а убегая от унижений и преследования. И Россия равно принимала всех. Немцев и китайцев, болгар и армян, сербов и курдов. В центре Смоленска длинный худой китаец торговал с лотка бумажными змеями и фонариками, айсоры до блеска чистили сапоги, армяне варили сладости, и никто никому не мешал, не унижал, не называл обидными словами. В России не существовало разделения по национальному признаку, существовало разделение по вероисповеданию. А потом веру отменили, а державно властвовать без разделения подданных коммунисты не умели и — разделили. По пятому пункту в паспорте.

А ведь министром иностранных дел при Петре Великом был еврей Шафиров, лучшим другом и наставником — швейцарец Лефорт, адмиралом — калмык Абдурахман, генерал-фельдмаршалом — шотландец Брюс, генералом и крестником — абиссинец Ганнибал. А полководцами Отечественной войны 1812 года были потомок татар Кутузов, шотландец Барклай де-Толли, грузин Багратион, немец Беннигсен.

Россия не обращала внимания на национальность, но ценила способности человека, его талант, ум, преданность долгу

настолько, что уважала за эти качества врагов своих. Петр Великий расцеловал шведских генералов, плененных под Полтавой. Александр Второй вернул шпагу турецкому полководцу Осману-паше, лично принял великого имама Шамиля, разрешил ему посетить Мекку, определил его младшего сына (кстати, тоже Шамиля) в Академию Генерального штаба, и полковник Шамиль стал одним из героев русско-турецкой войны 1877-78 гг.

Мы не просто не знаем собственной истории — мы похоронили ее рыцарски-героический дух. Коммунистическая пропаганда вытравила из нас интернационализм, превратив его в «исполнение интернационального долга», измеряемого количеством цинковых гробов да сотнями тысяч искалеченных молодых жизней.

Как ни покажется странным, в России тоже существовало понятие интернационального долга. Позволю себе привести пример из семейных преданий.

С детства помню иностранную открытку с заманчивой маркой. Я хотел было ее отклеить, но мама не разрешила, объяснив, что это — извещение о гибели ее дяди Георгия Ивановича Алексеева, отставного капитана русской службы. Во время Англо-Бурской войны в начале этого века он уехал в Южную Африку, где и вступил волонтером в армию генерала Девета, чтобы защищать буров от английского вторжения. Вероятно воевал он отважно, как и положено русскому офицеру, потому что известие о его гибели было подписано самим Президентом Бурской республики господином Крюгером. Так понимало свой интернациональный долг русское офицерство.

И эту страну бескорыстного благородного героизма коммунисты перекроили в государство средневекового идеологического неприятия, породив национальную ненависть, граничащую с расизмом, а кое-где и уже слившуюся с ним. Во всем мире это именуется преступлением против человечества и как таковое не имеет срока давности.

Не имеет срока давности и еще одно преступление коммунистов: уничтожение России. Многим все еще трудно это осознать, но — верю! — внуки наши во всем разберутся. И место легендарного татаро-монгольского ига займет реальное коммунистическое. И мы должны помочь своим внукам и правнукам личным июньским выбором завтрашнего дня, ибо день вчерашний, коммунистический, мы уже проходили.

По этапу.

РОССИЙСКИЙ СТАТУС КВО

Азартное, беспощадное к отсталым народам промышленное кипение Европы после открытия Нового Света в считанные десятилетия изменили лик Средневековья. Церковь, оставив Крестовые походы, борьбу с еретиками и охоту за ведьмами, ринулась крестить огнем и мечом вновь открытые земли. Сеньоры возглавили конкисту, а вчерашний дремучий обыватель оказался рабочим, мастером на верфях или моряком. И всем стало не до поисков врагов и уж тем паче не до мечтаний о Гробе Господнем: день делал деньги, и европейцы очень быстро это усвоили. Настолько, что даже вековая ненависть к евреям отошла в сферу бытового антисемитизма, а недоверие к иным народам сменилось деловыми отношениями, поскольку морские перекрестки оказались общими для всех.

Любопытно изменение отношения к евреям. Средневековый антисемитизм сложился не только вследствие церковного науськивания, но и как реакция на нишу, которую евреи были вынуждены занимать: им запрещалось приобретать земельную собственность. А средневековый город, где практически вся деятельность давным давно была поделена между цеховыми организациями граждан, предоставлял крайне ограниченный выбор. В основном, это была мелкая торговля, музыкально-исполнительские профессии, овощеводство на арендованных огородах, ростовщичество и медицина, которая была невозможна без домашнего изготовления лекарств. Промышленная революция востребовала ростовщический капитал, переводчиков и секретарей, лекарства, квашеные и маринованные овощи и, наконец, корабельных медиков, которыми и стали готовые к этой деятельности евреи. Все эти занятия оказались нужными и важными, и вековая религиозная ненависть отошла на второй план вместе с недоверием к людям иного менталитета.

В России действовали те же ограничения по отношению к евреям, что и в Европе, только — в иных масштабах (гетто было заменено чертой оседлости). Евреи, известные со времен Киевской Руси, занимали те же профессиональные ниши и, к примеру, во времена Ивана Третьего проживали в Зарядьи, где им было разрешено построить две синагоги. Они занимались медицинской, аптекарской и торговой деятельностью, привлекались в качестве переводчиков в Посольский приказ при условии принятия православия, и вписывались в систему, никому не мешая. В России вообще не существовало официального понятия национальности, поскольку его вполне заменяло

вероисповедание, которое легко можно было изменить. И множество евреев крестились, желая получить образование или преуспеть на службе, и — преуспевали, получая не только высокие должности и ордена, но и потомственное дворянство, а то и графское достоинство. Наши предки не обращали внимания на форму носа, требуя лишь неукоснительного исполнения долга. И когда я слышу лозунги о приоритете — нет, не ума и способностей! — а всего лишь «пропорционального представительства» во властных структурах, передо мною возникают бессмертные «Иваны, непомнящие родства своего».

Советская власть чудовищно снизила уровень культуры, которого достигла Россия к началу этого века, следствием чего стали все беды, обрушившиеся на нас. Отсутствие стратегического мышления во власти, беззастенчивое казнокрадство, мздоимство, воровство, бандитизм, коррупция в органах управления, неуважение к гражданам собственной страны, убийства и насилия, беспомощность юстиции, являвшейся когда-то гордостью России, и прочая, и прочая. В истории Руси не было случая, чтобы генерал в ранге Его высокопревосходительства обещал лично расстрелять неугодных ему евреев, а если бы и нашелся такой, его ожидало немедленное увольнение из армии без мундира и пенсии, а двери всех гостиных, салонов и клубов навсегда закрылись бы перед ним: Россия берегла свою честь, как зеницу ока. Но кто знает сейчас, что такое честь, кроме считанных стариков, получивших разъяснение на сей счет еще во младенчестве?!.

Смрадом глубокого Средневековья веет сегодня от нашей страны. Налицо все приметы: звериный антисемитизм, упоение собственной расовой исключительностью, поиск врагов, приоритет церковных ритуалов над истиной верой во Христа, новые поиски Беловодья с молочными реками в кисельных берегах, кичливо презрительное отношение ко всем «лицам неславянской национальности», вера в экстрасенсов, в магию, в чудеса, дремучее историческое невежество… Государственная Дума не осуждает думца-антисемита, но с энтузиазмом принимает решение о восстановлении идола чрезвычайщины «с холодными руками». До подобного провала собственного достоинства Россия еще не опускалась.

А с другой стороны — откуда советскому человеку что-либо знать? Ему, представителю униженного изнасилованного народа лепили образы кукловоды, сверху дергая за ниточки, и он послушно дергался, куда велят. Долгое время наши газеты изображали закордонных врагов исключительно с золотыми зубами, а потом выяснилось, что усеянный золотом рот — наша

привилегия вкупе с огромным животом и выпученными глазами. Мы последними словами поносили Пастернака и Солженицына, не прочитав не единой строки. И сейчас готовы повторить ту же холуйскую акцию по любому поводу: вспомните скандал с фильмом Скорсезе «Последнее искушение Христа». Мы и сегодня предлагаем вернуть каторгу, плохо представляя себе, что это такое и почему все цивилизованные страны отказались от нее. Мы и сегодня предлагаем публично повесить парочку-другую евреев, не представляя себе, что для всего цивилизованного мира первыми в этих петлях закачаются Эйнштейн и Фрейд, Маркс и Спиноза, Чарли Чаплин и Марк Шагал вкупе с самим Иисусом Христом и Девой Марией. Но полифония мышления, обеспечивающая анализ причин и перспективу их последствий возникает только при условии мощного культурного фундамента под ногами. Иного человеку просто не дано.

А глубина культурного фундамента наших избранников легко просматривается на телеэкранах, звучит в эфире и отчетливо видна в газетных интервью. И они это прекрасно понимают, почему и требуют введения цензуры в СМИ едва ли не ежедневно. Нет бы собственным культурным багажом озаботиться…

Один пример. Высшей формой геноцида является иго. Из ныне сущих народов его испытали армяне, греки, болгары. Если сравнить общие черты, можно вывести основные приметы ига: 1. Террор по отношению к порабощенному народу; 2. Поголовное уничтожение его дворянства; 3. Яростная борьба с религией, которую исповедуют порабощенные народы.

Если приложить эти выводы к биографиям народов, то выяснится любопытное явление: все эти три непременных условия ига, как высшей формы геноцида, полностью укладываются в историю нашего Отечества: террор, уничтожение дворянства, озверелая борьба с церковью. Да, мы существовали в условиях жесточайшего коммунистического ига. Давайте же хоть раз официально признаем это даже не ради исторической правды, а ради детей, которых зазывают в «светлое вчера» современные страннички, соблазняя дешевой колбасой и гарантированным куском хлеба. А заодно и объясним детям нашим, что личная свобода человека есть наивысшая ценность уже потому, что она зримо демонстрирует выход из Средневековья.

Почти знакомая картина, неправда ли? И, увы, генетически закрепленная в памяти советского человека. Советская власть очень любила слово «экспроприация», прикрывая им любой грабеж как в городе, так и на селе. Еще до Октябрьского переворота деревня начала «экспроприировать» сначала — помещичьи земли, а затем и помещичьи именья. Большевики

одобряли это, о чем не стеснялись признаваться даже в художественных фильмах. Гражданская война и окончательное крушение правопорядка развязало руки всем, охочим до чужого добра. У крестьян отбирали зерно и скот, на города накладывались контрибуции, не считая захвата домов под штабы и жилье — это, так сказать, грабеж официальный. А неофициально как красные, так и белые, уж не говоря о зеленых, брали все, что представляло хоть какую-то ценность.

Именно тогда были разворованы бесценные семейные коллекции наград и оружия, орденов и памятных подарков, картин, гравюр, миниатюр, фарфора и хрусталя, не говоря уж об архивах, веками скопленных в провинциальных «дворянских гнездах» и заботливо передаваемых из поколения в поколение. И никто никогда не озаботился ни их возвращением хотя бы в музеи, ни наказанием — пусть чисто символическим! — самих расхитителей.

Эта «забывчивость» власти и породила стойкое убеждение, что победителей в этой стране и вправду не судят. Поэтому когда закончилась гражданская война, победители спокойно и хладнокровно продолжали грабить уцелевшее население.

О раскулачивании деревни известно широко, но куда менее известно о раскулачивании города. Оно не было столь поголовным, почему и осуществлялось Чека без прикрытия Комитетов бедноты. «Буржуев» — ими чаще всего оказывалась потомственная русская интеллигенция — обходили по спискам, предлагая добровольно сдавать ценности: золото, украшения, столовое серебро. Если хозяева отказывались, тут же приступали к повальному обыску, где по карманам рассовывалось то, что не попадало в перечень изымаемого: случаи наказания работников Чека за присвоение чужого имущества являются всего лишь легендой. Повальные обыски с отъемом имущества вплоть до одежды, посуды, мебели и предметов быта проводились «в помощь голодающим», о чем можно судить хотя бы по аукционам, на которых продавалось экспроприированное у «буржуев».

Начавшиеся вскорости массовые аресты с непременной конфискацией имущества арестованных продолжили этот легальный грабеж. В Москве существовал закрытый комиссионный магазин, где по спецпропускам можно было приобрести все, что угодно: от китайских ваз до поношенного кожаного пальто. И — покупали.

МОНАРХИЯ

С этим политическим строем история частенько разыгрывала спектакли в жанре трагифарса. Сначала возмущенные массы свергали королей, затем начиналась гражданская война, после чего следовало Смутное время, которое заканчивалось призывом короля либо в качестве правителя, либо в роли эталона нации. Такой путь прошла Англия, Франция, Испания и — Россия. Королям рубили головы или расстреливали их со всей семьей в подвалах, но после смуты трон воскресал вновь.

Может быть, монархия не столько форма правления, сколько культурообразующая категория нации? В странах, не прошедших через монархию, нет и потребности в ней, чему примером служит весь Американский континент. Однако половина стран Старого Света благоденствуют именно при монархии, в каких бы формах она не выражалась.

Характерна судьба Швеции. Когда в этой стране кончилась борьба кланов и встал вопрос о целостности нации, шведы запросили короля со стороны, дабы ни один из кланов не ощущал себя победившим. Наполеон пожертвовал одним из лучших своих маршалов, и Швеция расцвела под знаменем Бернадоттов.

Кровопролитная гражданская война в республиканской Испании закончилась победой правительственных сил, тут же пригласивших на трон жившего в изгнании короля, и Испания избегла смуты и беспорядка.

Можно предположить, что существуют народы, генетическая память которых цепко удерживает монархический идеал. Он связан с прошлыми годами благоденствия королевства, с четким порядком, сильной армией и внешними победами, дающими ощущение величия нации. Средневековое представление, что мощь государства заключается в его мускулатуре, весьма характерна для стран пограничных, и в этом России не повезло. Она оказалась не просто окраиной Европы, но и рубежом меж оседлостью европейцев и кочевыми ордами Дикой Степи. А пограничье вырабатывает поиск нарушителей, и если солдат ждет приказа, то пограничник ждет врага.

Европа открывала Америки, а мы высылали богатырские заставы. Европа строила корабли, развивая промышленность и создавая буржуазию, а мы точили сабли и создавали генералов. Только через сто лет мы…

Взращенная индустриализацией буржуазия Европы вырвала из рук монархии всевластие, гарантировав народам свободы, но мы получили свободу из рук монарха всего-то за пятьдесят лет до

свержения монархии. И в кровище русского бунта не забыли заложенной в нас веками рабского восторга пред сильным государем. Именно это и позволило Сталину воскресить Монархию в ином обличьи. Монарха отныне стала выбирать партийная Боярская Дума. У нас был Иосиф Грозный, Никита Кукурузник, Леонид Бровеносец, за которыми боярская порода дала сбой, выбирая полных инвалидов от развала собственной партийной команды.

Ну, а сегодня-то, когда фашистские отряды в полном обмундировании и с полной атрибутикой строем шествуют по нашим городам при полном бездействии милиции? Куда делись монархисты, почему их практически не видно?

Видно. Только в другом обличии.

Потомки сокрушивших монархию в России уже не понимают, что служение Государю в неукоснительном исполнении долга заключалось в соблюдении гражданских прав населения пред центральной властью. Россия не имела колоний, она обладала присоединенными территориями, в которых действовало местное самоуправление под контролем представителя Государя (Хивинское и Бухарское ханства, Грузинское и Имеретинское царства, Нахичеванское ханство, Великое Княжество Финляндское и т. п.). Поэтому внутренняя политика России была подчеркнуто интернациональной. Во всех документах указывалось лишь вероисповедание: упоминание о национальности было введено при Советской власти для разделения населения по мастям.

Монархия нравственна в основе своей, и в этом причина, почему ее последователей не слышно в безнравственном гвалте сегодняшнего дня. Радетели за Великую Россию чудовищно безграмотны и аморальны. Они не имеют никакого понятия об утраченной России, их дурно учили и дурно воспитывали. Они и слыхом не слыхивали о том, что в России существовал самый справедливый в мире суд присяжных, зато свято убеждены, что в старой России существовало повальное пьянство.

А Россия пила водку едва ли не меньше всех в мире, чему были три причины. Во-первых, дворянство никогда не пило водку в застольи: желающие опрокидывали рюмку-другую в буфетной, а за столом было только вино; во-вторых, водка стоила дорого, и большинству населения она оказывалась не по карману; в-третьих, Государь Николай Второй сразу же за указом о войне с Германией издал указ о введении сухого закона, который был отменен только в конце двадцатых уже большевиками. Водка настолько не считалась продуктом непременным, но — наоборот. Ею никогда не чокались и никогда не поднимали ее за здоровье. А спирт не пили даже самые завзятые пьяницы. Он свободно

продавался в аптеках еще в моем детстве.

Кстати, до войны вообще пили куда меньше, чем после нее, а уж тем более — сегодня. В отличие от власти царской власть советская с началом войны ввела «боевые сто грамм», которые привели к пьянству на фронте и дополнительным боевым потерям. А потом Россию неудержимо понесло по бутылкам на троих, и в этом повинна не русская натура, а — русская жизнь.

Пить не ради удовольствия, а ради укрощения уголька в душе, который тлеет и печет душу — наша национальная тема почти всех питейных сборищ. «Ты меня уважаешь?..» — ну где, в какой еще стране, из уст какого еще народа сорвется этот вопрос?

Десять лет безвременья освободили обывателя от вековечного страха. Он ринулся в бизнес, в политику, во власть. Он захватил телевидение и печать, кинематограф и школьное образование. Обыватель ныне шумно и нагло правит бал в изнасилованной им России.

Для монархии не осталось нравственной почвы. Обывателю куда ближе по духу и пониманию нацпатриоты. Этакое русское выражение фашистской идеологии о безусловном приоритете одной нации. И Бог весть, сколько поколений должно смениться, чтобы националистический угар выветрился из обывательских мозгов…

МОЛИТВА НАРОДА

Случилось нечто чрезвычайное. В пятницу, то бишь, 9-го декабря Дума наконец-то займется крайне важным государственным делом. Нет, не замерзающими городами Приморья, не выплатой задолженностей учителям, не проблемами окончания позорной войны в Чечне и даже не Законом о земле. Она будет шумно решать некий вопрос огромного общенародного значения.

Незадолго до этого Президент непривычно длинно говорил о согласии. И — грешен — я ему не поверил. Не поверил по той причине, что никакого согласия в народе, так и не создавшем единого культурного пространства за тысячу лет своего существования, быть просто не может. У дворянско-городской и христианско-деревенской культур, на основе которых и до сей поры существует население России, разные понятия Добра и Зла, заложенные семейным воспитанием.

Острая необходимость согласия возникла по поводу, не столь уж и существенному: вдруг позарез потребовалась национальная символика, выраженная в гербе, флаге и гимне. Почему, в общем-то понятно: дворянско-городская культура системна, а потому и самодостаточна, но беда христианско-деревенской культуры в отсутствии системности. Она не признает личности, ее абсолют — «мир», община, коллектив. Отсюда родом потребность, чтобы было, «как у людей», а у людей — флаг, гимн и герб.

Спору нет, это — необходимая атрибутика каждого государства, но было бы логичнее сначала создать не фасад, «как у всех», а условия жизни, как у всех. Чтобы учителя не бастовали, чтобы больницы имели лекарства, чтобы милиция не вышибала признания из подозреваемых, чтобы старость была обеспечена. Вот тогда можно и поразмышлять, какова она должна быть, эта самая российская символика. А то дети от голода плачут, а мама перед зеркалом бантик примеряет.

Вероятно Президент отдавал в этом себе отчет, поскольку его выступление содержало мину огромной мощности. Он публично объявил, что нас по утрам снова начнет будить знакомая до изжоги мелодия «Гимна партии большевиков». Так что давайте одолжим у коммунистов их гимн, который уже был однажды испробован в качестве государственного, что не помешало Гагарину первому подняться в космос. Что нельзя забывать достижения, и что большинство народа — «ЗА».

А я где-то, помнится, читал, что демократия — это защита меньшинства и личности, как элемента этого меньшинства. Что

истина большинством голосов устанавливалась только в Гуляй-поле, и что Иисуса Христа отправило на смертный крест аккурат самое что ни на есть большинство, после чего Понтию Пилату захотелось вымыть руки. А вам не хочется, господин Президент? Большинство, на которое вы ссылаетесь, максимум через четверть века переселится в мир иной, а внуки будут по-прежнему вставать под звуки большевистского гимна. То-то Зюганов такой радостный ходит: дождался-таки он праздничка в своем коммунистическом тупике.

И еще вы один подарочек своей «непримиримой оппозиции» преподнесли. Красный большевистский стяг в качестве военного знамени. Любопытна при этом ваша аргументация: мол, под этим знаменем Советский Союз одерживал сплошные победы над всеми супостатами оптом и в розницу.

Да полноте, господин Президент. Под знаменем означенной окраски мы ценой невероятного перенапряжения всего народа победили в Великой Отечественной. Воистину — великая победа, которой будут гордиться внуки и правнуки, если история, как предмет, останется в средней школе.

А что касается военных побед, то СССР за все время своего существования участвовал в шести войнах. Вспомним:

КВЖД — потерпели поражение.

Финская — нахлебались столько позора, что не упоминаем о ней даже в школьных учебниках.

Великая Отечественная — великая победа.

Афганская авантюра — потерпели фиаско.

1-я Чеченская — закончилась нашим поражением.

2-я Чеченская длится столь долго и бессмысленно, что, боюсь, опять придется уйти оттуда на цыпочках.

Так что, как видите, хвалиться нам особо нечем, если вообще можно хвалиться войнами (даже победоносными), вступая в 3-е тысячелетие.

Но вернемся к гимну, как к мине замедленного действия.

> ГИМН — хвалебная песн ь, хвала и прославление в стихах или в музыке. (Даль).

> ГИМН. 2. Торжест. хвалебная песня, а также музыкальное произведение в честь кого-либо или чего-либо.

СТАСОВ. «Публика, разом поднявшаяся со своих кресел, прослушала стоя гимн Глинки и заставила его повторить…» («Открытие бюста Глинки в Мариинском театре»).

Прошу обратить внимание: нигде и никто не утверждает, что

гимн непременно должен иметь словесное выражение. Почему же тогда мы не принимаем гимна Глинки, который «разом поднимал с кресел публику»? Да потому, что ПУБЛИКУ и с КРЕСЕЛ. Это — классовое, крестьянское, по сути, восприятие барской культуры, выраженное в простейшем ее отрицании. И задача не в том, чтобы этому отрицанию потакать, а в том, чтобы народ поднять до ее восприятия.

Наша культура за последнее десятилетие стремительно рухнула в бездну, потащив за собою все то, что и определяет нас, как русских. Литературу, историю, присущую деревне доброжелательность, а городу — вежливость, взаимную терпимость, взаимное понимание, взаимную помощь, язык, наконец. Послушайте, как говорят наши депутаты, генералы, журналисты, гости телестудий, а порою и сами ведущие. Какое уж тут может быть согласие, когда в стране идет саморазрушение ее культурной основы? Ну не в состоянии (будем надеется, пока) восторжествовавшая деревенско-христианская культура удержать на своих плечах тысячелетний духовный багаж России, ее честь и ее достоинство. А искусство для этого не предназначено, равно как и религия. У них — свои задачи: развлекать, облегчать душевные терзания и отвлекать от размышлений.

И все же рискну поразмышлять. И для начала положу вашу проникновенную просьбу «не драматизировать» реанимацию большевистской идеологии в ее музыкальном оформлении на некоторые, весьма планомерные и настойчивые действия властей.

Ну, например, организованное давление на канал НТВ. Единственную, высокоавторитетную среди интеллигенции независимую телевизионную кампанию, обладающую не только отлично продуманной программой вещания, но и самыми сильными кадрами корреспондентов и телеведущих. Ее поочередно трясут то генпрокуратура, то налоговая инспекция, стремясь во что бы то ни стало «возбудить дело». Зачем? Затем, что в планируемом государстве должна быть одна, государственная, точка зрения и одно, государственное, толкование событий. Как во времена гимна на музыку Александрова, и слова тут ни при чем: мы — не Соединенные Штаты, у нас не принято распевать гимны за праздничным столом, и огромное число подданных хорошо, если знают припев. Полагаю, что и припева не знают. Текст — всегда начинка. Нечто вроде фарша.

Но как только власти начинают в очередной раз с автоматами и в масках искать компромат, ящиками увозя документацию и всячески мешая работать студии, интеллигенция мгновенно поднимает голос, где только может. В статьях, в интервью, в

сатирических передачах. Причем, что странно, весьма слаженно, хором, забыв о прежних размежеваниях.

Значит, надо сначала расколоть интеллигенцию. А проще всего перессорить ее на отношении к недавнему прошлому. Запустить «призрак коммунизма» бродить по России, поскольку с иных земель его уже давно выперли. Интеллигенция состоит из личностей, а потому споры и ссоры меж ее представителями неизбежны. Вот тогда и с НТВ можно будет разобраться без особого шума, и с непокорными газетами, а потом — и с непокорными интеллигентами. Эта схема давно отработана, и реанимировать ее при расколе интеллигенции на «наших и ваших» куда проще, чем реанимировать вчерашний гимн партии большевиков. Как там пелось?.. «Нас вырастил Сталин…»

Вот тогда можно и руки вымыть.

КАВКАЗСКИЙ РОКОВОЙ КРУГ

По камням струится Терек,
Плещет мутный вал;
Злой чечен ползет на берег,
Точит свой кинжал.

(Лермонтов.
«Колыбельная»)

Кажется, мы имеем шанс отметить четырехсотлетие самой длинной колониальной войны в мире. Она всегда считалась «своей войной», «нашим делом» и велась по мере надобности, с перерывами, как индейские войны в Америке, постепенно сложившись в три главы: ПОКОРЕНИЕ, УСМИРЕНИЕ и НАВЕДЕНИЕ КОНСТИТУЦИОННОГО ПОРЯДКА.

Глава первая
ПОКОРЕНИЕ

1. 1604 г. Поход воевод Бутурлина и Плещеева на городок Терки в устье Терека. Начало завоевания Кавказа. Тоже, между прочим, в Смутное время.

2. 1722 г. Петр Первый, за несколько лет до этого переселив на нижний берег Терека пять казачьих станиц, захватывает Дагестанское побережье вместе с Дербентом.

3. 1739 г. Из нижне-терских станиц организована Кизлярская укрепленная линия.

4. 1763 г. Основана крепость Моздок.

5. 1777 г. Укрепленная линия протягивается от Моздока до Азова.

6. 1783 г. Командир Кубанского корпуса А. В. Суворов частью истребляет, а частью выселяет в голодные приуральские степи ногайцев, с незапамятных времен кочевавших по кубанским степям.

7. 1791 г. Кавказская линия перенесена на реку Кубань.

8. 1816 г. «Смирись, Кавказ, идет Ермолов!» Назначение генерала Ермолова командиром Отдельного Кавказского корпуса. Герой Отечественной войны 1812 года был человеком решительным и весьма способным для этой роли, расписав ее по пунктам:

А. Уничтожение аулов.

Б. Вытеснение с плодородных равнин в скалистые горы женщин и детей, стариков и инвалидов (мужчины погибали в боях).

В. Рубка лесов.

Г. Строительство крепостей.

Д. Переселение казаков в захваченные земли.

Е. Депортация коренного населения за пределы земель их оттич и дедич. Из пяти черкесских племен три были насильственно переселены в Турцию. Жители Лазаревской вам и сегодня покажут остатки их одичавших садов.

Загнанным в дикие, малодоступные и бесплодные горы народам царская Россия предоставляла выбор: либо голодная смерть, либо решительное сопротивление оккупантам. То есть, борьба без победы, борьба, как средство существования.

Россия отдавала себе отчет в трудности овладения Кавказом.

«Кавказ — это огромная крепость, защищаемая отважным гарнизоном» — говорил Ермолов. И первым перешел к тактике

«особых экспедиций», во время которых войска сжигали все аулы, вытаптывали посевы, вырубали сады, угоняли скот, вырезали всех (!) взрослых мужчин, а женщин и детей продавали в рабство. К примеру, генерал Вельяминов продал в рабство ногайцам в 1823 году две тысячи пленных, получив за каждого от 150 до 250 рублей. Тогда же царское правительство ввело особую награду: десять рублей за каждую отрубленную голову горца.

При всей жестокости завоеваний отношение к коренным жителям, как это сегодня не покажется странным, неизменно улучшалось, а к яростно сопротивлявшимся «немирным» появилось и уважение, постепенно переросшее даже в легенды. Тому были две основных причины. Во-первых, Россия издревле высоко ценила личное мужество противника по той простой причине, что победа над врагом слабым, глупым и трусливым естественно снижала ценность самой победы как русского оружия в целом, так и каждого русского офицера или солдата в частности. А во-вторых, Кавказ стал местом ссылки для наиболее активных, самостоятельно размышляющих и дерзко талантливых дворян. Сюда ссылались непокорные поэты (Лермонтов, Бестужев-Марлинский, Полежаев), декабристы (братья Бестужевы Александр, Петр и Павел, Корнилович, князь Одоевский, М. Пущин и другие) и множество иных, в том числе и мой прапрадед поручик Псковского полка, земляк и друг Пушкина Александр Алексеев. Как правило, это были высокообразованные, отменно воспитанные представители высшего дворянства, что способствовало существенному облагораживанию гарнизонных нравов местного офицерства, для многих из которых ссыльные служили примером не только светскости, но и образованности, мужества и благородства.

Это отмечает и знаменитый романист Александр Дюма, автор бессмертных «Трех мушкетеров», совершивший в конце 1858-го — начале 1859-го годов весьма рискованное путешествие в действующую на Кавказе русскую армию. Впечатления от этого путешествия Дюма описал в Путевых заметках, названных им «Кавказ», которые широко были изданы как во всем мире, так и в России. Великому писателю оказался подвластным и этот жанр: заметки написаны не только легко и занимательно, но и глубоко, проницательно и умно, а наблюдения автора и до сей поры заставляют современного русского читателя по-новому увидеть и быт русских гарнизонов, и жизнь мирных и немирных горцев.

Искренне восторгаясь русским гостеприимством, широтой души, благородством и отвагой русского офицерства, Дюма подмечает и то, что не очень афишируют его хозяева. Вот несколько примеров:

«Талант в России — главный враг воинствующей посредственности».

«Какая разница между этими суровыми татарами (то есть горцами) и смиренными крестьянами, которых мы встречали от Твери до Астрахани!».

«Прометей был прикован цепями к скалам Кавказа за то, что именно здесь он создал свободного человека».

Узнав, что за каждую отрубленную голову немирного горца платят по червонцу, Дюма вознегодовал, но тут же упросил русского командира разрешить ему пойти в поиск вместе с головорезами. По счастью, в чем автор искренне признается, в поиске они никого не встретили, но главное — не в личной отваге французского писателя, а в выводах из сделанных наблюдений. Оказывается, о добровольцах-головорезах знал очень ограниченный круг старших офицеров, уходили в поиск они только под покровом ночи, надевая непонятную одежду и тщательно пряча лица. «Эти люди понимали, что поступают в высшей степени неблагородно, но — деньги, — замечает Дюма. — В России зачастую свободные люди живут хуже холопов».

И, наконец, весьма современно звучащий итоговый вывод о России:

«Вот так все и делается в России: никогда начатое дело не доводится до конца, не простирается за пределы абсолютной необходимости конкретного момента. Когда же нужда миновала, начатое дело бросается на полпути, на произвол судьбы — вместо того, чтобы поддержать, довести до конца, пополнить, продолжить, завершить. Россия является неуправляемой стихией, она вторгается, чтобы уничтожать. В ее современных завоеваниях есть отголоски варварства скифов, гуннов и татар. Нельзя понять — тем более при современном уровне цивилизации и культуры — эту одновременную и равную потребность в захвате чужого и беспечность в сохранении и улучшении собственного».

Дюма постоянно путался в понятиях «мирный горец и немирный», потому что при определенном стечении обстоятельств мирный мог оказаться немирным и наоборот. Но путаясь, писатель прекрасно понимал, что это — естественно: народы Кавказа отчаянно сражались за свою независимость, и Глава первая писалась одновременно с Главой второй.

Глава вторая
УСМИРЕНИЕ

Хроника основных организованных восстаний.

1. 1785–1791 гг. Восстание чеченцев под руководством шейха Мансура. Первая Чеченская война.

2. 1825 г. Восстание Бей-Булата.

3. 1829 г. Восстание под руководством имама Гази-Мухаммеда, который сумел захватить и сжечь Кизляр, штурмовал Владикавказ и крепость Грозная, теперь — город Грозный.

4. 1832 г. Восстание под командованием имама Гамзат-бека.

5. 1834 г. Восстание под руководством Великого имама Шамиля. Это восстание было наиболее массовым и грозным для царского правительства, почему о нем следует рассказать особо. Шамиль был прекрасным организатором и выдающимся полководцем. Он объединил народы Дагестана и Чечни, создал массовые народные ополчения, наладил производство пороха и ремонт огнестрельного оружия, в том числе и пушек. Любопытно, что артиллеристами и ремонтниками-мастеровыми у него служили беглые русские солдаты и даже несколько офицеров.

В сороковых годах Шамиль разгромил генерала Галафеева при Валерике, генерала Граббе в Ичкерии, графа Воронцова у аула Дарго, что вынудило русское командование перейти к позиционной войне. Одновременно начались волнения и восстания в Адыгее, Кабарде, Черкессии, однако, они были несогласованными и разрозненными, и царскому правительству удалось быстро с ними расправиться.

Шамиль был несравненно опаснее. Только в 1856 году Кавказская армия под командованием Барятинского, насчитывающая 200 тысяч штыков и сабель при 200 орудиях, с огромным трудом сумела внести перелом в войне. Применив тактику планомерного продвижения, вырубки лесов, уничтожения аулов и строительства опорных пунктов, Русской армии удалось взять резиденцию Шамиля — аул Ведено. Шамиль ушел в Дагестанские горы, где 25 августа 1859 года после падения своей последней укрепленной крепости аула Гуниб был вынужден сдаться победителям.

Необходимо отметить, что как царское правительство, так и русское общество высоко оценили мужество, волю и таланты великого имама. Местом его поселения была определена Калуга, но сам плен был весьма почетным. Оба его сына — Гази-Магома и Шамиль — закончили Академию Генерального штаба, а имам

Шамиль в 1870 году был отпущен в Мекку на поклонение Пророку, однако скончался по дороге. Старший сын Гази-Магома уехал в Турцию, а младший — полковник Генерального штаба Шамиль — стал одним из героев Русско-Турецкой войны 1877-78 годов.

Во время жизни в Калуге народный герой Кавказа пользовался неизменным уважением всего русского общества и в особенности — офицерства. Познакомиться с ним спешили генералы и генеральши, губернаторы и градоначальники, дворяне и разночинцы. Он был олицетворением свободолюбия, мужества и бесстрашия — качеств, чрезвычайно высоко ценившихся в те времена.

Вытеснение чеченцев из Чечни продолжалось и после пленения имама Шамиля. Уничтожались аулы, продолжалась вырубка лесов, строительство крепостей и массовое переселение казаков на опустевшие плодородные земли. А в 1865 году 20 тысяч чеченцев были принудительно выселены в Турцию.

Это привело к новому восстанию в 1877 году под руководством Алибека Алданова. Оно было жестоко подавлено, породив массовое абречество, продолжавшееся вплоть до провозглашения Советской власти на Кавказе. Но в 1944 году та же Советская власть депортировала чеченцев вместе с другими народами Северного Кавказа в наиболее глухие и наименее пригодные для горцев места нового обитания. Это и явилось бессмысленно жестоким эпилогом Кавказской войны и еще более бессмысленным и жестоким прологом последующего «наведения Конституционного порядка».

Глава третья
НАВЕДЕНИЕ КОНСТИТУЦИОННОГО ПОРЯДКА

Идея «наведения Конституционного порядка» не вообще в нашем дико беспорядочном обществе, а именно в Чечне, имеет свою, тоже достаточно позорную предысторию.

Где-то с начала 90-х годов дружелюбное для большинства русских отношение к жителям Кавказа стало резко меняться. Освоение рынка у нас началось с освоения базара, и в этом энергичные горцы легко обогнали потомков «смиренных крестьян», выражаясь языком Дюма. Они оказались более приспособленными к рыночным отношениям, умели рисковать, легко договариваться и не жалели денег на взятки. Неконкурентоспособный русский обыватель отреагировал на проигрыш базарной завистью, легко переросшей в слепую ненависть, выразившуюся в обывательском же расизме. Всех жителей многонационального Кавказа стали называть одинаково: «черными», «черномазыми» или, извините, «чернозадыми», при этом сваливая на них все житейские беды: инфляцию, резкое обнищание большинства, разгул преступности, растущую безработицу, и так далее, и тому подобное. Вместо того, чтобы разъяснить озлобленному невежественному обывателю, что все эти явления, увы, естественны при столь крутом повороте «все вдруг», средства массовой информации и пресса, в основе своей, вольно или невольно поддержали это опасное явление, а власти тут же ввели официальный термин «Лица кавказской национальности».

Антикавказские настроения стали усиливаться, затмевая собою даже привычный советский антисемитизм. И это тоже кому-то оказалось выгодным. А положение в обществе ухудшалось. Росла инфляция, задерживалась заработная плата, коррупция и казнокрадство достигли небывалых размеров, организованная и неорганизованная преступность правила бал, пользуясь беспомощностью правоохранительных органов. Все Смутные времена начинаются со смуты в душе каждого человека, и смута эта уже начала прорастать в каждой душе. Отчаяние и озлобление резко повысили давление в котле, и правительственная крышка уже с трудом сдерживала готовый взорваться перегретый пар.

Во всех государственных системах для нормализации подобной обстановки предусматриваются предохранительные

клапаны. Но советские клапана широко применять было опасно, а из новых наиболее надежным показался тот, который выглядел как бы всенародным и общепризнанным: ненависть к «лицам кавказской национальности», тем более, что Чечня, поверив в совет Центральной власти «берите столько суверенитета, сколько сможете удержать», не без помощи того же Центра умудрилась создать даже собственную армию. Это не только могло послужить дурным примером для прочих, входящих в состав России республик, но и весьма тревожило московский генералитет потенциальной возможностью завтра-послезавтра утратить власть во многих регионах Российской Федерации. А быстротечная победоносная война всегда резко повышает авторитет власти, вселяет фанфарную уверенность в народе и рассеивает смутность в головах его отдельных представителей. В быстротечности никто не сомневался, поскольку Министр Обороны просил всего-навсего десантный полк и «два часа делов», но само слово «война» как-то не укладывалось ни в собственную территорию, ни в собственный народ, даже если он и «кавказской национальности». И тогда чья-то умная голова предложила запустить эту войну под псевдонимом…

Это — личные размышления, не более того. И вряд ли мне удастся дожить до опубликования действительных причин этой позорной, чрезвычайно жестокой, бессмысленной и бездарной бойни. Думается, что о ней вообще никто истины так и не узнает, если только не понадобится она будущим правителям по чисто политическим мотивам. Пуще сглазу в России боятся правды все, начиная от постового милиционера и кончая вершиной властной пирамиды. Ложь пожирает нашу Родину поухватистее, чем ржа железо, начиная с истории и кончая официальными заявлениями официальных лиц. Все смешалось в нашем доме, потому что очень несчастлива наша семья. И мама в обносках, и папа вроде бы без работы, и дочь на панели, и сын — в Чечне.

А ведь как обещающе, как уверенно звучали слова Министра Обороны о том, что для этого самого наведения Конституционного порядка требуется десантный полк «да два часа делов». Как уютно и дружелюбно выглядели два генерала — и тот, что нарушил Порядок, и тот, кто намеревался его восстановить — за несколько часов до прыжка в Кавказскую пропасть. Как искренне журчали слова кандидатов на высший пост в государстве о том, что они первым делом потушат пожар в собственном доме, а затем…

«Хотели, как лучше, а получилось, как всегда»? Нет, не хотели. Хотели выиграть на выборах. Благое дело, ничего не скажешь, только как это там называется? — «ситуация вышла из-

под контроля», так, кажется? Уверяют, что нет. Ну, все уверяют, от квислинга № 2 до генерала. Только командиры рот матом кроют при всей зажатости нашего «свободного» телевидения: они-то знают, и что такое чеченская ситуация, и что такое кремлевский контроль.

Ситуация — это когда цинковых гробов не хватает, в фольге хороним. Контроль — кто первым «стрелочника» найдет.

Выпьем за тех, кто командовал ротами. Выпьем за самых честных парней России, собственной грудью прикрывших ее от стыда и позора, как могли и умели. И за светлой памяти цинковых мальчиков наших тоже выпьем, ибо мертвые сраму не имут. Выпьем. И снова нальем.

И пьет Россия, ибо не впервой ей в этом веке расплачиваться национальным позором за бездарность своих правителей. Царя Николая Второго — за Русско-Японскую войну и Цусиму, Сталина — за Финскую, Хрущева — за Венгрию, Брежнева — за Чехословакию и Афган. И сколько еще мы цинка да фольги истратим на наших мальчишек, если, не дай Бог, Лебедь улетит в небеса.

Как генерал Романов.[7]

ЭТОТ ДЕНЬ ПОБЕДЫ…

9-го мая страна торжественно и гордо будет отмечать День нашей Победы в Великой Отечественной войне. Особенно торжественно потому, что это последняя круглая дата. До следующей круглой даты уже вряд ли доживут те, кто жертвовал собою в боях, по четырнадцать часов ковал ее у заводских станков, жил в голоде и холоде, все отдавая фронту во имя победы.

Тогда придет время анализа. Время ПОЧЕМУ?

Почему фашистская Германия рискнула воевать на два фронта?

Почему мы потеряли огромное количество пленных в самом начале войны?

Почему мы меняли командующих фронтами в начале войны?

Почему разгромленная в Первой Мировой войне Германия оказалась вооруженной до зубов, имея в своем составе танковые армии, воздушные армии, подводный флот?

Почему у нее оказались отлично подготовленные офицеры и генералы танковых и авиационных армий? Кто их готовил и где именно?

Кайзеровская Германия проиграла Первую Мировую войну. По условиям Версальского договора ей было запрещено иметь на вооружении танки, подводные лодки и боевые самолеты. Советский Союз не подписывал Версальского Договора: он подписал «Брестский мир», в котором признавал свое поражение и отдавал Германии Прибалтику, Польшу, часть Белоруссии и большой кусок Украины. Россия оказалась единственной страной в мире, признавшей свое поражение от Германии в Первой Мировой войне. Украинский хлеб и сталь потекли в задыхающуюся Германию, продлив ее агонию еще на год.

Почему Ленин, предав союзников, подписал этот позорный и разорительный для России мир? В конце прошлого века вышли воспоминания бывшего адъютанта генерала Людендорфа. В них он сообщает, что Ленин после отречения Государя Николая Второго обратился к германским властям с просьбой переправить его в Россию. Ему был предоставлен поезд из четырех вагонов (спальный, ресторан, охрана и багажный), который шел по особому расписанию. В Берлине поезд остановился на запасных путях, и адъютант на машине отвез Ленина к Людендорфу. Свидание происходило тет-а-тет, адъютант не знает, о чем шла речь, зато знаем мы. Речь шла о плате за доставку в Россию.

Ленин любил германский орднунг, германскую чистоту,

аккуратность, старательность и честность в большей мере, нежели непредсказуемый, увлекающийся и не очень-то любящий трудиться русский народ. И, в особенности, русскую интеллигенцию. Ее он ненавидел так, как только может ненавидеть тяжело больной человек. Едва дорвавшись до власти, он выслал из России цвет и основу этой интеллигенции. Ее философов, филологов, историков.

А любовь к Германии унаследовал Сталин, и в Россию хлынули германские инженеры, мастера, организаторы производств, специалисты разного профиля. Из этого разного профиля укажем три фамилии. Гудериан учился в Казанском танковом училище. Геринг облетывал новые системы самолетов в Липецке, капитан-лейтенант Плинт, потопивший во Вторую Мировую лидера английского флота линкор «Ройял-Ок» и первым получивший Рыцарский крест, испытывал на Сормовском заводе в Нижнем Новгороде субмарины-малютки. Если добавить к этому, что Тухачевский и Гудериан на полигоне отрабатывали тактику и стратегию танковых корпусов для окружения противника, то станет ясным, что мы сами отковали то оружие, которое чудом не сокрушило Советскую Империю.

Во времена Большого Террора Сталин проводит жесткую чистку в армии. Расстреляны четыре Маршала из пяти, почти все командующие армиями и корпусами, многие генералы и полковники. На их место были назначены вчерашние командиры полков, батальонов и даже рот. Сформированные танковые корпуса разогнаны, танки переданы в пехотные части для огневой поддержки во время сражения. Десантные войска, которые начал любовно формировать Тухачевский, ликвидированы. Эти судороги собственного разоружения пытаются объяснить подложным письмом германской разведки, переданным через Бенеша, но мне кажется, что вся эта вакханалия объясняется гипертрофированным самолюбием Сталина. Его роль во время гражданской войны была ничтожна по сравнению с истинными героями, которых он поэтому и уничтожал.

Его недоверие к армии доходило до анекдота. В 1939 году Дегтярев показал военным свой автомат. Автомат понравился, доложили Сталину. Когда Вождь узнал, что автомат стреляет рассеянными очередями, он запретил его производство, сказав, что надо прежде всего беречь патроны. И тут же влез в Финскую войну, где наши солдаты, а в особенности — командный состав, хлебнули горя от финских автоматчиков.

Эта малопочтенная война имела в мире огромный резонанс. Советский Союз был исключен из Лиги Наций, а Германское командование, проанализировав ход войны, пришло к

заключению, что Россия — колосс на глиняных ногах. И это явилось одной из решающих причин нападения Германии на Советский Союз.

Вторая причина заключалась в дипломатическом демарше Гитлеровского Генштаба. Правильно взвесив азиатскую страсть Сталина к приобретению территорий, немцы начали дипломатические переговоры. Как известно, они закончились разделом Польши и прилегающих к ней государств между двумя высокими договаривающимися сторонами. Получив Западную Белоруссию, Западную Украину и три Прибалтийских республики, Советский Союз успокоился, прихватив заодно и кусок Закарпатья. Карта с этим средневековым разделом публиковалась в Хрущевские времена. На ней стоит наполеоновский росчерк Сталина.

Немцы выманили нас на предполье обороны. Знаменитая «Линия Сталина», о которой столько писала западная пресса, осталась за спиною наших войск. За спиною потому, что Сталин выдвинул на это предполье более чем двухмиллионную армию, и терпеливо ждал дальнейших указаний Германского командования.

Поразительно! Болезненно подозрительный человек, за несогласный взгляд отправлявший на расстрел тысячи людей, безоговорочно поверил только одному человеку. Адольфу Гитлеру. Одним обещанием раздела Европы превратившем Красную Армию в армию оккупантов. Красная Армия оказалась Армией — освободительницей только в наших газетах да в столь же достоверных киножурналах. Польша и Прибалтика с полным основанием считали ее армией оккупационной, почему и сопротивлялись ей, как могли. И прежде всего — в укрытии и куске хлеба, когда эта бывшая Красная армия попала в гитлеровское первое окружение.

В первые же дни войны германские войска окружили и взяли в плен свыше двух миллионов наших бойцов и командиров. И при дальнейшем продвижении на Западном направлении, то есть, к Москве, все время стремились к окружению наших войск танковыми корпусами. Так, как когда-то Тухачевский и Гудериан проигрывали этот вариант в степях за Волгой.

В первый же день войны Сталин назначил командующих тремя (тогда) фронтами. Южным командовал Маршал Буденный, Центральным — Маршал Тимошенко, Северным — Маршал Ворошилов. Других под рукой не нашлось — чекисты перестарались. Три Маршала — рубаки времен Гражданской войны — воевали так, как умели. В результате упорный Буденный столь усердно оборонял Киев, что весь Южный фронт оказался

отрезанным от центра. Ворошилов не озаботился о возможности окружения Ленинграда, и тысячи погибших от голода, бомбежек и холода ленинградцев — на его совести. Только Маршал Тимошенко более или менее оправдывал высокую должность командующего фронтом, хотя и нес огромные потери, хотя и попал в Вяземский котел.

Сталин дал указание разыскать недострелянных чекистами командиров высшего звена. И их нашли. Всех перечислять не имеет смысла, достаточно одной фамилии. Рокоссовский.

Рокоссовский убедил Сталина отобрать танки у пехотных частей и создать из них механизированные корпуса. На это требовалось время, и немцы продолжали свой триумфальный марш на Москву. Их задача облегчалась тем, что наши войска практически не имели воздушного прикрытия. Немецкая авиация сожгла огромное количество наших самолетов на полевых аэродромах предполья, где они были сосредоточены для грядущего наступления на Европу.

А ведь наша армия во многом превосходила германскую. У нас было в восемь раз больше танков и самолетов, в десять раз больше артиллерии, мы численно превосходили германскую армию вторжения едва ли не в семь раз. Но наше командование воевало по старинке, куда больше уповая на кавалерийские корпуса, нежели на танковые армии. Мы научились воевать, только поверив в победу под Сталинградом, и устояв в танковом сражении на Курской дуге.

Наши потери так долго и тщательно прятали под сукно, что говорить об этом затруднительно. Сталин объявил смехотворную цифру в семь миллионов, Хрущев поднял ее до двадцати, сейчас говорят уже о двадцати семи миллионах. Академик А. Н. Яковлев предполагает, что мы потеряли не менее тридцати двух миллионов, считая эту цифру не окончательной.

Сражались не только на фронте. Сражалась вся страна, погибая от голода в Ленинграде, от жажды в Севастополе, от непосильного двенадцатичасового труда на заводах и фабриках. Потому что было НАШЕСТВИЕ, какого Россия не знала со времен зачатия своего. По сравнению с ним татаро-монгольское вторжение оказалось всего лишь набегом. Татары не трогали церквей и монастырей, и победитель немецких рыцарей на льду Чудского озера Александр Невский быстро уговорил их принять Россию в Орду на правах вассального государства.

Всякое историческое событие имеет свою отдачу. Мы испытали потрясение, которое сотрясает нас и до сей поры.

После общенациональных потрясений обыватель всегда остается в выигрыше. Он не поднимает бойцов в атаку под огнем

врага, не закрывает своим телом амбразуру ДОТа, не бросает подбитый самолет на эшелон противника. Он приспосабливается, как хамелеон, делаясь незаметным, но существующим. В торговле, обменах и обманах, в писарях и конторщиках. Он бессмертен, как таракан, переживший все катаклизмы Земли. Особенно, когда его любовно взращивает государство.

Как Ленин, так и Сталин под псевдонимом «советского человека» понимали послушного, далекого от внутренней и внешней политики обывателя. Он горячо поддерживал все программы и планы большевиков, усердно доносил на соседей и родственников, служил охранником на Архипелаге ГУЛАГ. Он выжил и расплодился, потому что мы не нашли в себе мужества покаяться, а последние остатки люто ненавидимой обывателем интеллигенции погибли в Великую Отечественную войну.

Сегодня обыватель правит бал. Он захватил телевидение, он танцует и поет, его реклама настырно рекомендует любимые им товары, и ему глубоко наплевать на День Победы, ибо память его коротка, и помнит он только то, что его не огорчает.

Включите телевизор. Все поют и все танцуют.

В Великой Отечественной войне мы, победив, потеряли Россию. Слишком уж велика была отдача этой победы.

«ВОЙНА КОЛИЧЕСТВА С КАЧЕСТВОМ»

Большевистский переворот Семнадцатого года помешал буржуазии осознать себя, как общественную силу, и процесс естественного перемешивания народа нашего в буржуазном миксере требования к личности оказался прерванным. А вся дальнейшая эпоха целенаправленного террора окончательно закрепила несовершенство нашего общества. Мы так и остались «НАРОДОМ», не став «НАЦИЕЙ».

А народ (как понятие, а не как население) всегда слоеный торт. В нем — хлеб и изюминки, дрожжи и цукаты, черствая корочка и нежный крем. Да еще, как нарочно, этот торт разместила история на самом неуютном месте. Меж Европой и Азией, меж Севером и Югом, меж Христианством и Исламом, меж родственным нам Западом и пугающе неизвестным Востоком. Мы оказались пограничниками и вечно торчали у кого-то на дороге.

Сначала появились печенеги, но, к счастью, их довольно скоро вытеснили половцы. С ними дело обстояло серьезнее, пограничные стычки проходили с переменным успехом, и русские князья да бояре не без удовольствия избрали иную тактику. Половцы были красивым народом, почему русские с охотой брали замуж «красных девок половецких», как говорит Летопись, а половецкая знать никогда не отказывалась от родства со знатью русской. И наступило благодатное равновесие, которое вполне устраивало обе стороны.

Беда пришла, когда внук Чингизхана Бату привел татаро-монгольскую рать. Иго продолжалось, правда, недолго, потому что великий полководец и еще более великий дипломат Александр Невский нашел способ избавиться от него. Он побратался с любимым сыном Бату Сартаком, и завоеватели заменили дань обычной подушной податью.

Эти примеры позволяют понять, что наши предки далеко не всегда действовали силой, заменяя ее дипломатией. Взаимовыгодный договор куда более мудрое решение, чем бестолковое размахивание мечом, когда твоя родина бедна, а сам климат наш требует невероятного напряжения всех сил.

Однако воевать приходилось, поскольку мы оказались на перепутье исторических дорог многих народов. Среди знающих историю понаслышке бытует твердое убеждение о невероятной отваге многочисленных по составу ратей Руси. Да, отвага была, но Летопись, к примеру, утверждает, что родной брат первой

жены Владимира Красное Солнышко Рогдай Неукротимый обратил в паническое бегство тысячный отряд половцев, налетев на них во главе конной дружины численностью в… триста человек. Так что воюют не числом, а уменьем, и на льду Чудского озера Александр Невский разгромил неповоротливых, сплошь закованных в броню немецких рыцарей, имея всего одну отцовскую дружину да кое-как вооруженное новгородское ополчение.

Профессиональные армии всегда немногочисленны. Они должны быть легко обучаемы, вооружены наиболее совершенным оружием и хорошо оплачиваться государством за свою нелегкую службу. Такова была армия Ганнибала, до основания потрясшая грозный Рим.

Вспомним о великом полководце Древней Руси Святославе Игоревиче, который первым объявлял противнику войну в трех словах: ИДУ НА ВЫ!

Это требовало небольшой, отлично вооруженной высокопрофессиональной дружины, не обремененной обозами. «Он передвигался легко, как барс», отмечает Летопись. Ну, а тем временем противник, получив извещение о нападении, деятельно готовился к его отражению, собрав в кулак все свои наличные силы.

Сходились в то время на равнинах. Войска располагались друг против друга и осыпали противника тучей стрел. Таково было обычное начало боя, на которое Святослав отвечал не стрелами, а — атакой с флангов. Опасаясь окружения, противник немедленно перестраивался, стремясь отбить атаку, и тогда Святослав двигал вперед центр. Отборную часть дружины, привыкшую драться в тесном кольце вражеских сил. Эта монолитная масса профессионалов проламывала фронт, разрезая его пополам, и командование противника оказывалось в одной из частей, теряя общее управление. Воины начинали биться каждый за себя, возникала сумятица, что легко приводило к панике.

Так он разгромил могущественную Хазарию, несколько веков собиравшую дань с Руси. Так прошел по степям Причерноморья, и только в Болгарии потерпел поражение от греческого полководца Цимисхия, понявшего тактику его сражений.

Военная история безоговорочно доказывает, что воюют не числом, а уменьем. Это любил повторять Суворов, который, как правило, одерживал победы малыми силами.

Количество армии (в любых единицах измерения, начиная с мечей и кончая ракетами) никогда еще не переходило в ее качество. Однако стоило нашему военному Министру заговорить, что пора бы и нам подумать к профессиональной армии, как в

прессе, в телепрограммах, а в особенности в частых заявлениях нашей многочисленной генеральской рати зазвучали воинственные протесты. Дескать, как можно, как неразумно, как рискованно…

С кем же нацелился воевать наш генералитет? Никто нам вроде не угрожает.

Да это им угрожает, а не нам. Отставка светит большинству наших бравых вояк, а этого им так не хочется. И начинается чисто русская борьба количества с качеством.

ЕСТЬ ТАКАЯ ПРОФЕССИЯ

1.

Мой отец был офицером трех армий: царской, Красной и Советской. Командиром роты — в Первую Мировую, начальником штаба полка — в гражданскую, на командных должностях — в Великую Отечественную вплоть до отставки в 1946-м году. О царской армии я знаю по его рассказам, о Красной — по собственному детству в военных городках, о Советской — по личному опыту. Менялись слова присяги, менялась офицерская форма, но сущность профессии не менялась никогда. В царской армии присягали на верность Государю, в Красной — трудовому народу, в Советской — партии и правительству, но как бы не звучал адрес Присяги, офицер всегда присягал Отечеству своему.

Только в 1948-м году, когда отец вышел в отставку, я задал ему давно мучивший меня вопрос:

— Как же ты, офицер-золотопогонник, оказался в Красной Армии? Да еще добровольно, без колебаний и «хождений по мукам»?

— Отречение государя от престола автоматически освобождало офицеров от присяги, данной ему. Мы стали обычными гражданами, не связанными более словом чести, и каждый волен был поступать по совести своей. А время было смутным, распавшимся на «вчера» и «завтра» при отсутствии дня сегодняшнего. И я выбрал завтрашний день, поскольку вчерашнее перспективы не имеет. Армию надо строить заново.

За все времена своего существования русская армия трижды испытала на себе воздействие кардинальных военных реформ. Петр Первый преобразовал территориальные вооруженные силы в общегосударственные, отказался от конных дворянских ополчений, введя регулярную кавалерию, и создал профессиональный офицерский корпус. Александр Второй ввел всеобщую воинскую повинность, определив солдатский срок службы в семь лет, единую систему подчинения и ликвидировал множественность видов войск в пехоте и кавалерии. Любопытно, что обе военных реформы проводились после чувствительных поражений русской армии в боях с армиями европейскими (первая половина войны со шведами и Крымская кампания), которые ярко продемонстрировали как архаичность организации вооруженных сил России, так и отставание их от современных европейских армий.

И в обеих случаях это пошло только на пользу: новая армия Петра Великого наголову разгромила шведов, а реорганизованные вооруженные силы России выиграли Русско-Турецкую войну 1877-78 гг., ведя одновременные активные наступательные операции как на Европейском, так и на Кавказском театрах военных действий.

О третьей реформе следует сказать отдельно. Стимулом ее послужило не только окончание братоубийственной гражданской войны и связанное с этим сокращение вооруженных сил, но и огромный опыт широкомасштабных маневренных боевых действий. Вопреки утверждениям большевистской пропаганды, Красную Армию строили царские офицеры, сумевшие первыми понять особенности междуусобной бойни. Маневренность требовала как гибкости управления, так и упрощения привычной комплектации войск. Место четырехчленного состава (четыре батальона в полку, четыре полка в дивизии и т. д.) занял состав трехчленный (три батальона, три полка и т. д.), что существенно облегчило управление войсками в бою. Изобретение Нестором Махно боевой тачанки было высоко оценено Красной Армией, что позволило резко сократить количество артиллерии в кавалерийских частях и соединениях и избавиться от громоздких обозов, усилив как маневренность, так и автономность боевых действий конных армий.

Кроме военных задач реформа преследовала и задачи политические. Во-первых, чистку армии от «чуждого элемента», то есть, от офицеров царской службы, и, во-вторых, об утверждении в ее составе корпуса военных комиссаров с правом вето на любые командирские приказы. В результате этого армия получила двоевластие во всех своих звеньях от роты до Верховного командования, что весьма негативно сказалось особенно на первом этапе Великой Отечественной войны. Однако Красная Армия ценой собственной гибели сумела исполнить свой долг до конца не только тем, что спасла Москву, но главным образом тем, что выиграла время для создания за своей спиной армии Советской.

Характерно, что и в Советской армии были сохранены глаза и уши Коммунистической партии, правда, уже под названием «заместителей по политчасти». Руководство Советского Союза всегда не доверяло собственной армии и даже побаивалось ее.

Возникновение Советской армии трудно отнести к реформам, хотя была проведена большая реорганизация. Крупные кавалерийские соединения — наследство победного опыта гражданской войны — были резко сокращены, усилена роль артиллерии, бурно развивались танковые войска, на плечах

солдат и офицеров вновь появились погоны, но… Но все это не помешало Сталину подписать едва ли не единственный во всей мировой истории Приказ о создании заградотрядов за спиною собственной армии…

Опыт истории нашей доказывает, что армейский организм не только способен выдерживать весьма существенные реорганизации, но и черпать свежие силы в новых, более гибких, мобильных и более современных формах своего существования. И с моей точки зрения секрет этой адаптации заключается в том, что опорный костяк русской армии — ее офицерский корпус — как в службе, так и в жизни и до сей поры инерционно руководствуется не столько писанными, сколько неписанными законами собственной жизни.

Именно это обстоятельство позволяет ему сохранять не только привычные отношения в таком сложном общественном организме, каким является армия, но и быстро осваиваться в условиях, создаваемых новыми военными реформами.

2.

Следует сразу оговорить, что созданный Петром Великим русский офицерский корпус был замкнуто сословным. Вплоть до конца прошлого столетия он комплектовался почти исключительно из дворян, то есть, военной касты России, обладавшей многовековыми военными традициями.

Реформы Александра Второго позволили не только разночинцам, но и представителям иных социальных групп надеть офицерский мундир (напр., генерал от инфантерии Алексеев М. В., один из организаторов Добровольческой Армии, был солдатским сыном), однако на устоявшиеся офицерские традиции это никак не повлияло. И первой, основной заповедью русского офицерства был категорический запрет на участие в каких бы то ни было политических игрищах, выраженный в девизе «Армия вне политики».

Об этом рассказывал мне отец. По его словам это «Правило номер один» зародилось в армейской среде вскоре после восстания декабристов, которое обошлось Петербургу в 1271 человеческую жизнь без учета казненных. Потому-то большевистские агитаторы и не нашли отклика в сердцах офицеров-окопников в Первую Мировую войну. Правда, это не повлияло на сердца солдатские, в результате чего Родина наша не только оказалась единственной страной, признавшей победу Германии со всеми вытекающими отсюда последствиями, но и

получила страшную по жестокости и размаху войну гражданскую. О нравственной стороне подобных вмешательств поговорим ниже, а пока вернемся к основным заветам русского офицерства.

Принятая со времен Петра офицерская эстафета, передаваемая из поколение в поколение, служила крепкой закваской как профессиональной чести, так и профессионального долга. Будущий офицер воспитывался не просто среди воспоминаний уже отслужившего деда и еще служившего отца.

Не только в отблеске орденов и медалей, заслуженных старшими поколениями — он с младенчества дышал атмосферой грядущей воинской службы, и если будущего солдата провожали в армию с горькими рыданиями, то будущего офицера — с радостью и просьбой передать поклон командиру полка, а при случае — и командиру дивизии. Адаптация юного офицера не шла ни в какое сравнение с психологической ломкой рядового, хотя этот рядовой был, как правило, куда старше своего офицера.

Офицерство царской армии традиционно существовало как бы в двух ипостасях: на службе и вне ее. На службе неукоснительно соблюдалась привычная формальность: обращение только по званию, исполнение приказов без каких бы то ни было обсуждений, сомнений и колебаний, ощущение постоянной готовности отвечать за подчиненных. Вне службы — в офицерском Собрании, в гостях или просто при встрече — звания не употреблялись (за исключением обращения к генералам): их заменяли имена и отчества. Мелочь? Отнюдь. Это воспитывало чувство сопричастности к кругу лиц особой ответственности — ответственности за вверенных заботам офицера людей, будь то безусый подпоручик или убеленный сединой командир полка. Давало ощущение особого братства, столь необходимое не только в экстремальных ситуациях. Давало, наконец, внутреннее постижение полкового офицерского сообщества как своего рода семьи, объединенной едиными задачами и едиными заботами, где всегда можно рассчитывать на помощь, совет и поддержку.

А к этому приходилось прибегать, потому что русский офицер не пользовался бесплатным вещевым довольствием (оно было введено только в Красной Армии), и всегда приобретал его за собственный счет. Три полных комплекта обмундирования — повседневный, парадный и полевой.

Две шинели, две пары сапог — хромовые и яловые, две портупеи, летнее и зимнее белье, фуражка и папаха, парадный и повседневный шарфы и, наконец, обязательные лайковые перчатки, которые, по словам отца, рвались чуть ли не через день. И взводный (субалтерн-офицер, первая командная должность), завтракая булкой с чаем и ужиная через день, не сводил концов с

концами, получая ежемесячный дефицит в 10 рублей. Командиру роты недоставало 4 рублей в месяц, и только заместитель командира батальона мог существовать на собственное жалование, не прибегая к займам в полковом Собрании или не обращаясь за помощью к родным.

Крупнейший знаток русского дворянского корпуса П. А. Зайончковский утверждал, что именно это послужило причиной еще одного неписанного закона русского офицерства: непременного согласия командира полка на женитьбу подчиненного ему офицера.

Это сопровождалось отработанным ритуалом. В назначенный командиром вечер жених приводил потенциальную невесту в офицерское Собрание, где и оставлял ее на попечении офицерских жен. Там она и пребывала вплоть до начала танцев, которые открывал командир полка непременным вальсом с приглашенной на смотрины невестой. Вслед за ним ее приглашали другие старшие офицеры, а после легкого ужина знакомство считалось завершенным. Однако вывод командира жених узнавал дня через три после детального обсуждения кандидатуры и сбора всех сведений о ее семье.

Вмешательство в личную жизнь офицера? Ничуть не бывало: защита его будущего. Полковые дамы быстро и весьма точно выясняли человеческие качества невесты, степень ее воспитанности и образованности; командование — круг интересов ее семьи, его прошлое и настоящее. Отказы, коли они случались, не требовали объяснений, но без письменного согласия командира полка церковь, как правило, откладывала венчание до лучших времен. Это спасало молодых людей от случайных увлечений, что резко уменьшало вероятность семейных неурядиц, отнюдь не способствующих состоянию обязательной офицерской уравновешенности. Полковое офицерское братство берегло честь как полка в целом, так и каждого офицера в частности, исходя из веками проверенной предпосылки, что быть женою офицера способна далеко не каждая женщина. К сожалению, ныне забыта и эта традиция, что резко увеличило как число разводов, так и количество детей, лишенных полноценной семьи. А ведь настроение офицера — далеко не последний аргумент в боевой подготовке войск.

3.

Мой отец был страстным курильщиком и, приезжая ко мне с дачи, на которой жил постоянно, первым делом жадно хватался

за папиросы. Он всю жизнь существовал по законам офицерского поведения на улицах, где офицеру запрещалось многое. К примеру, курить, посещать рестораны, кафе и трактиры ниже определенного для данного гарнизона разрядов и — Боже упаси! — появляться под хмельком в людных местах. Носить что-либо в руках (левая — придерживает саблю, правая всегда должна быть свободна для отдания чести), сидеть в общественном транспорте и уж тем паче — дремать в нем, разинув рот и отклячив нижнюю челюсть. Форма обязывает, и офицер обязан чувствовать ее на себе, даже если он — в гражданском костюме.

Русское офицерство неукоснительно придерживалось этих правил. Они не просто дополняли знаменитую офицерскую выправку — они ни на мгновение не давали возможности о ней забыть. Развернутые плечи, прямая спина, вскинутый подбородок и четкий, уверенный шаг выделяли офицера из толпы еще на моей памяти во всех городах, куда в детстве заносила меня отцовская кочевая жизнь. Признаюсь, меня и сейчас раздражают сутулые, семенящие, обремененные толстенными портфелями современные мужчины в дурно сидящей и вечно какой-то измятой военной форме.

Вероятно, я — максималист, но продолжаю упорно считать, что офицер всегда обязан ощущать себя офицером, поскольку понятие «вне службы» не интересует окружающих и не должно их интересовать. Улица встречает «по одежке», как говаривали в старину, так не следует забывать об этой «одежке». Внешний вид офицера — первое условие уважения к нему.

Его поведение вне строя — второе, но существует и третье, и четвертое, и путь возвращения былого восторга в девичьих глазах — магистральный показатель возвращения народной любви к людям в погонах. Я-то отлично помню, как любили армию до Великой Отечественной войны, и как постепенно, исподволь начала стушевываться эта любовь задолго до Афгана и Чечни.

Индикатором повышенного интереса к армии всегда служили девушки: «душка-военный» существовал не только в водевилях, и в собственном классе я что-то не помню парнишки, который не желал бы стать командиром Красной Армии. Большинство мечтало о летных или танковых училищах, и это влечение вполне объяснимо, если принять во внимание введенную в сороковом году форму летных и танковых командиров: синие и коричневые мундиры под галстук, ловко стянутые портупеями. Она столь разительно напоминала форму офицеров германского Вермахта, боевыми успехами которого мы откровенно восхищались летом сорокового года («Красная Звезда», к примеру, почти в каждом номере предлагала разбор победных германских операций на

Западном фронте, не скупясь на лестные эпитеты), что вскоре ее пришлось отменить. А потом пришла война, большинство командиров Красной Армии в первые полтора года тяжелейших боев либо погибли, либо были ранены, либо попали в плен. И на смену им пришли офицеры ускоренного выпуска военного времени, а ускорение достигалось не только сокращенной программой училищ, но и резким снижением образовательного ценза для абитуриентов. Прибавьте к сказанному данные Всесоюзной переписи населения 1939 года, в которой отмечалось, что каждый пятый в СССР абсолютно неграмотен, и вам все станет ясным. Да, выпускники доказали и свое уменье, и боевую отвагу, и личное мужество, став основой офицерского корпуса Советской Армии и закончив войну великой победой. Все так, все так, и все же, все же, все же…

Юнкерские училища России требовали высокого образовательного ценза — либо классической гимназии, либо реального училища, либо кадетского корпуса. Все три указанных «средних» учебных заведения отнюдь не равны советской десятилетке, а советские училища военного времени принимали юношей после семилетки, да зачастую — сельской и без всяких конкурсов. В войну это было жестокой необходимостью, но в мирное время подобное образование оказалось явно недостаточным, по крайней мере по городским меркам и требованиям. А в военные училища — уже мирного времени — по-прежнему шли юноши, получившие образование в годы войны, поскольку конкурса в них практически не оказалось. А пресса поднимала на щит физиков и лириков, армия катастрофически теряла культурный уровень и престиж, и девичьи глазки изменили объект пристрелки.

Именно к этому времени относится появление в армии одного из самых отвратительных и уродливых явлений: дедовщины. Его не знала ни царская, ни Красная Армия, стремящаяся впитать в себя все лучшее, что было в старой армии. Ее командиры не пили водки, а принципиально «гоняли чаи», как это тогда называлось. Ротные и взводные командиры или их политруки непременнейшим образом по очереди ночевали в казармах.

По выходным и праздничным дням в частях объявлялся «гостевой день», и туда беспрепятственно шли дети, родные, любимые, близкие — знаю это по личному опыту. Детей катали на лошадях и мотоциклах, взрослым показывали казармы и красноармейскую самодеятельность, и все вместе смотрели кино. Красной Армии была свойственна полная открытость, и понятие «рабоче-крестьянская» не звучало пустым агитационным

лозунгом.

В такую армию — сытую, веселую, сильную и, главное, дружную — родители с легким сердцем отправляли своих сыновей.

Советская Армия начала свою мирную жизнь с сооружения заборов вокруг себя самой: видимо, ей нашлось, что скрывать. И эта ее склонность к закрытости, секретности, изолированности вскоре превратила ее в Зону как снаружи, так и внутри. А небывалое для мирного времени количество несчастных случаев, самоубийств и терактов против своих же сослуживцев страхом, болью и гневом отозвалось в душах матерей и отцов сегодняшних и завтрашних призывников. Всеобщее падение нравственности больнее всего ударило по бесправной и безгласой в условиях полууголовной «зоны» солдатской массе.

4.

Советская армия катастрофически теряла культурный потенциал, признаемся в этом откровенно. Внешне это выразилось в уголовной жестокости, полууголовном языке, пьянстве, воровстве, культе грубой силы и буйном, животном восторге перед нею. Достаточно вспомнить публичную — в эфир! — площадную брань высокого военачальника (в чине Его Высокопревосходительства, между прочим) во время попытки государственного переворота в октябре 1993-го года или публичное заявление военного министра накануне начала боевых действий в Чечне («Воздушно-десантный полк, и два часа делов!..»). Да и сама Чеченская война показала полную некомпетентность нашего командования, в особенности, в селе Первомайском, где аж восемь генералов так и не смогли ничего поделать с далеко не первосортным Радуевым, не говоря уж о позорном для русского оружия провале в Грозном в августе 95-го. И все это совсем близко от тех времен, когда маленькая армия Израиля в недельный срок умудрилась разгромить вооруженные силы трех арабских государств, а экспедиционный корпус США за две недели сокрушил мощную, до зубов вооруженную советским оружием армию Ирака, потеряв при этом считанное количество своих солдат!

О необходимости реформ в нашей армии говорят все. Много и охотно, поскольку вопрос перезрел, как груша. Но почему-то никто — или почти никто — и словом не обмолвился о том, что решение столь серьезного, общегосударственного, требующего много средств и много времени вопроса является исключительно

прерогативой Правительства: даже Государственной Думе, с моей точки зрения, должно принадлежать лишь право совещательного голоса. Я еще могу понять генералов, число которых давно перевалило за все допустимые нормы: они смертельно боятся потерять государственную кормушку, но господам офицерам совершенно непозволительно ввязываться в политические игры. Единожды данное слово чести, коей является Присяга, невозможно взять назад по собственному желанию, несогласию или капризу. Наши предки не позволяли себе этого даже под дулом пистолета.

Офицерская честь — явление культуры. Нравственная сущность человека, но отнюдь не нашивка на форме, которую он носит: честь с мундиром не выдается, как говаривали в старину. Она требует ежедневного подтверждения не словами, а действиями, поступками, а не заклинаниями.

И борьба с разъедающей армию уголовщиной — дедовщиной, ложью, воровством, пьянством, матерщиной и прочей непотребщиной — с моей точки зрения и есть направление главного удара в борьбе за возрождение престижа нашей армии. А все только тем и занимаются, что журналистов ругают. Конечно, ругать проще, но честь-то здесь причем?..

Пока все новшества нашей армии ограничились изменением ее названия. Она стала именоваться Российской, оставшись Советской по сути своей. Этакий неповоротливый бронтозавр среди высоко мобильных, оснащенных передовой техникой малочисленных армий Европы. Подобное техническое оснащение требует принципиально иной культуры, ничего не имеющей общего с полублатным ухарством, удалью да разбиванием лбом кирпичей. И если Правительство приступило сейчас к архитектурным планам переустройства армии, то сама армия, как мне кажется, должна заняться своим интерьером. Воссоздать в каждом полку неповторимую атмосферу офицерского братства, общей ответственности, чувства Дома, как то было в армии русской. Чтобы вне службы вернулись бы Иваны Ивановичи и Максимы Максимовичи. Чтобы молодые капитаны представляли своих невест офицерским Собраниям и с прежним трепетом ждали бы одобрительных слов командира. Чтобы вечерами офицеры не разбегались бы по квартирам, а стремились бы к дружеским встречам в полковом офицерском Собрании.

Единство армии гарантируется только единством ее офицерского корпуса. И — непременно! — чтобы вернулась армейская открытость, гостевые дни и полный гласный отчет перед родителями о проходящих службу сыновьях. Тогда и девичьи глазки вновь засверкают при виде «душки-военного».

Может быть настала пора возвращения старых русских званий для обер-офицеров? Введенные в 1938-м году лейтенанты и старшие лейтенанты, с моей точки зрения, звучат куда хуже, нежели подпоручики и поручики.

РЕФОРМА

Об армейской реформе говорят много, но весьма однообразно. Все сходятся во мнении, что армейская реформа вполне назрела, что она остро необходима, но никаких реальных шагов ради этого не просто общегосударственного, но скорее общенародного дела, не осуществляется, и остро необходимая идея по-прежнему стоит на запасном пути без какого бы то ни было стремления к движению.

А пресса помалкивает. Редко-редко промелькнет статейка-другая, но и статьи застенчивы, и мысли, в них высказанные, тоже. Такое ощущение, что армия все еще не наша, не народная, а как была государственной мускулатурой во времена большевизма, так ею и осталась. И это весьма опасно, поскольку, хотя ею и распоряжаются их превосходительства господа генералы, но служат-то в ней сыновья и внуки самых, что ни на есть обыкновенных граждан. Не увенчанных ни золотыми погонами, ни красными лампасами, ни головными уборами с тульей времен Великой Французской революции. Думается мне, потому, что вопрос с армейской реформой несет в себе отнюдь не келейно-кабинетный, а воистину всенародный характер, и обсуждать его придется либо с открытой душой времени сегодняшнего либо исподтишка, как то привыкли делать наши горе-правители времен большевистской оккупации.

Армия — общественный институт куда более историко-культурного порядка, нежели экономического. Были времена, когда армий, как общественных институтов, не существовало, и мы уже вступили в тысячелетие, когда они исчезнут за ненадобностью. Полагаю поэтому, что бесспорно необходимую стране военную реформу следует предварить массированной пропагандой, направленной, прежде всего против рожденной большевистским режимом ксенофобии, разъяснением необходимости, прежде всего ее оборонительных целей и вспомнить, наконец, как об уважении ко всем народам, так и об интернационализме, разрушив, прежде всего миф о пресловутой продаже Отечества. У каждого народа есть единственный, веками проверенный путь опыта и традиций: его культура. Вот о ней и следовало бы вспомнить в самом широком смысле этого слова, решительно отмежевавшись от понимания под этим словом трясущихся на эстрадах молодых людей, страстно заглатывающих микрофоны.

Это — не культура. Это ее блудная дочь, родившаяся в Новом Орлеане и получившая наименование попсы. Она не имеет

национальности и столь же далека от культуры, как далек от великого полководца старательный прапорщик-сверхсрочник. Она съедобна, как сникерс, почему и завоевывает полуколониальные и развивающиеся страны, по неразвитости своего национального достоинства повторяющие пройденное. Ни во Франции, ни в Германии, ни тем паче в Англии вы не найдете ничего подобного: там развивается свое, национальное эстрадное искусство. Оно гремит на площадках и в ресторанах, а заимствованная из-за океана помесь шаманства с бессмысленными выкриками кто кого любит застенчиво жмется в особых клубах. Для любителей.

Культура — душа народа, за тысячу лет существования скопившего несметные богатства исторических традиций и обычаев, языка и литературы, свойственные только ей, свои песни и танцы, легенды и сказки и даже свою, ни на что не похожую кухню. Это и есть культура народа, осознавшего себя таковым, и обладающую как своей неповторимостью, так и своим местом в общей семье народов.

Душа создана для размышлений, а не для приплясываний. И когда дело касается всего народа, надо обратиться к его вековой мудрости. Для этого и созданы референдумы, а не выборочные вопросы с ошибками и допущениями, позволяющими любые толкования.

Я с нетерпением ожидал выступления Президента по телевидению, когда было объявлено, что он помянет о былом величии России. Я ожидал, что он вспомнит первого лауреата Нобелевской премии по литературе Ивана Бунина, помянет Блока и расстрелянного большевиками Гумилева, коснется Павлова, Вернадского, умершего в самарской тюрьме, Вавилова, Мечникова, «Гулаг» Солженицына и «Тихий Дон» Шолохова. Каково же оказалось мое недоумение, когда нам предложено было гордиться первым полетом Гагарина! Спору нет, он совершил подвиг, однако если бы не погиб Бондаренко, если бы сам Гагарин заболел гриппом, то полетел бы другой, только и всего. Пропагандистский трюк не может являться культурным шагом в развитии страны, цивилизация — явление прикладной науки и техники, и вчерашний рекорд сегодня уже никому не нужен. Тем более, что сражение за покорение космоса мы проиграли американцам по всем статьям.

Державное представление о величии есть всего лишь воспоминание о силе. О чудовищной силе быка, которого тореро удерживает мулетой, заставляя танцевать вокруг себя: такое «величие» вас привлекает? Величие было у Македонии, когда ее царями были Филипп и его блистательный сын Александр Македонский. Такое величие было в Монгольской империи, когда

там господствовала плеяда блестящих полководцев — Чингисхан, Субэдэй-багатур, Бату-хан: ну, и где же сейчас это былое величие? А вот величие России, Франции, Англии, Германии не исчезнет никогда, сколько бы войн они не проигрывали. Не исчезнет потому, что опирается не на тупую бычью силу, а на прочный монолит национальной культуры.

Только не путайте вы ее, Бога ради, с попсой! Договорились?

Когда я писал о татаро-монгольском нашествии, мне понадобились три поездки в страны, испытавшие трехсотлетнее турецкое его. Я был в Армении, Греции и Болгарии. И именно в Болгарии на симпозиуме, собранном по моей просьбе, я понял, что подразумевается под понятием иго.

Под этим понятием подразумевается:

1. Полное истребление военной касты подчиненного народа. То есть, его дворянства. Ни одна из посещенных мною стран не имеет дворянского класса. То есть, класса профессиональных защитников Родины.

2. Унижение господствующей религии завоеванного народа. Приземистые храмы, над которыми гордо высятся минареты — характернейший штрих архитектуры стран, на собственной судьбе испытавших иноземное иго.

3. Организованный геноцид против коренного народа. Мальчиков — в янычары с обязательной исламизацией, девочек — в гаремы властелинов Турции.

Ничего подобного в России не было при татаро-монгольском нашествии. Дворяне пользовались прежними привилегиями, детей в гаремы не отдавали, а Русская Православная Церковь с помощью монголов наконец-то окончательно расправилась с язычниками: они уходили добровольцами в монгольские войска, сражались на Яве и в Индокитае, а русская гвардия охраняла ставку хана Хубилая в Пекине. Захудалая Москва с помощью монголов стала столицей Руси, а монгольские войска честно и отважно хранили русские границы, принимая на себя удары Ливонского Ордена и литовцев, за что и получали пресловутую дань.

Зато представьте мое удивление, когда я приложил законы ига к XX столетию. Полное истребление военной касты? Так точно, не мытьем, так катаньем. Разгром храмов господствующей религии с расстрелами, ссылками, а то и распятиями на церковных вратах священнослужителей? Да до такого варварства и турки не додумались! Геноцид коренного населения? Сколько было расстреляно без суда и следствия? Сколько померло от голода и холода в ГУЛАГах всех номеров и назначений? И после всего этого вы предлагаете нам вспомнить о советском режиме в

качестве нравственной опоры? Окститесь, господин Президент! Мы — прямые наследники Великой России, а не господства полууголовной, а главное, полуграмотной банды большевиков. Мы нахлебались с ними дерьма по горло, мы хотим жить в достойной, уважаемой всеми стране, путь которой был проложен Государем Александром Вторым. Он провел реформы за пять лет, переведя полуфеодальную страну на рельсы капиталистического способа производства, а мы десять лет толчем воду в ступе.

В своих воистину исторических реформах Государь Александр Второй опирался на могучую русскую интеллигенцию. С ее помощью он провел не только отмену Крепостного права, но и полицейскую реформу, решительно разогнав старый, сросшийся с местной властью насквозь коррумпированный аппарат, создав вместо него вполне современную полицию. После этого последовала знаменитая судебная реформа, в результате которой Россия получила не только суд присяжных, не только обязательную презумпцию невиновности, но и состязательность судебных процессов на всех уровнях. Имена блестящих русских адвокатов — Андреевского, Плевако и других — знала и высоко почитала вся Россия. И, наконец, реформа народного образования, к которой подошли с точным учетом, в каких именно специалистах будет завтра нуждаться Россия. И появились гимназии — т. е. средние учебные заведения, в которых упор делался на науки гуманитарные; реальные училища, в которых первое место занимали науки естественные: физика, химия, математика. Кадетские корпуса, готовившие офицерскую смену, и коммерческие училища, выпускавшие кадры для купцов и промышленников, банков, статистики, бухгалтерии. Кроме этого во всех городах были открыты городские школы с бесплатным обучением, а на селе — сельские училища и широкая сеть церковно-приходских школ. Русская молодежь получила возможность не только получать образование, но, с учетом этого выбора, и готовиться впоследствии послужить ему. Кстати, как гимназии, так и реальные училища обладали квотой бесплатного образования для способных детей из неимущих классов.

А что же сделали покорившие Россию большевики? А они распространили одинаковое по программам образование по всей территории Советского Союза, хотя подготовка городских и сельских ребятишек никак для этого не годилась. И через поколение мы получили массу малообразованных специалистов, абсолютно не готовых для принятия стратегических решений, но с присущим тому времени энтузиазмом рвались ломать и строить, что партия прикажет. Так погибла красивейшая река России, ее поэтический символ Волга, замененная на цепь вяло

текущих водохранилищ, которые дурно пахнут затхлой водой даже с борта теплохода. Ее красные боры, заливные луга, золотые пляжи и практически вся рыба, которая кормила всю Европейскую часть России, уже исчезли. Та же участь постигла и Переяславльское озеро, где водилась удивительная по нежности сельдь, та же участь ожидает и славное море великий Байкал, когда каким-то писчебумажным чиновникам потребовалась для производства бумаги его чистейшая, уникальная вода. Вместо всего этого, вместо красоты, которой удивлялся мир, были сооружены гиганты индустрии, неспособные конкурировать ни с одной фирмой на западе, но зато «ковать оружие». Вот они его и куют, а живем мы только за счет внуков и правнуков, бездумно торгуя направо и налево нефтью, углем, никелем, молибденом, вольфрамом. Россия стала банкротом, за 75 лет прокутившая несметные богатства.

Большевистская Россия, заполучив огромный запас заключенных, в конце концов вынуждена была прибегнуть к дикому в Двадцатом веке каторжному труду. В качестве опыта начали со строительства никому ненужного Беломорско-Балтийского канала, который строили тысячи каторжан без всяких механизмов. Опыт удался, хотя никакой практической пользы это строительство не принесло. Освоенный опыт работы за пайку хлеба перенесли на иные объекты: трижды начинали строить БАМ, копали так и не оконченный туннель под Сахалинским проливом, строили железную дорогу в тундре. Все это оставило лишь печальные памятники египетского труда без какой бы то ни было пользы для народного хозяйства. В какую графу мы отнесем эти «достижения» Советской Власти?

Но главная беда заключалась не в этом. Огромная сеть концлагерей, покрывшей черной оспой Сибирь, дальний Восток и даже центральные области, с ослаблением сталинского тиранического режима стала таять, расползаясь по всей России вместе с выпущенными заключенными. Это не могло не привести, по крайней мере, к двум, чудовищным по своим последствиям явлениям. Во-первых, резко изменилось отношение к труду: советский человек и гвоздь-то начал заколачивать с тремя перекурами. Появилось воровство на производствах, на заводах и фабриках, в учреждениях и даже в учебных заведениях, и воров этих никто никогда не осуждал, ласково называя их «несунами». Во-вторых, блатной язык («феня») проник в язык не только разговорный, но даже в официальный. Меня, например, до сей поры весьма интересует вопрос, как переводчики умудрились перевести известный афоризм Первого Лица Государства: «террористов будем мочить в сортирах». Как?.. Единственный

приемлемый вариант, пришедший мне в голову, звучит как: «террористов будем отмывать в туалетах». Великий русский язык, на котором в девятнадцатом веке были написаны великие книги, измельчал и опустился до уровня обывателя. На этом же уровне работает и наше телевидение, кроме разве что НТВ, да канала «Культура».

И в этом отчетливо прослеживается политика ига, которую ввел большевизм. Уничтожение наиболее массового класса России — его труженика и векового хранителя народной нравственности крестьянства — не просто лишили церкви, как с детства привычной опоры этой нравственности, но и вообще ликвидировали, как класс свободных мелких производителей. Организовали колхозы, но колхозникам пятнадцать лет не выдавали паспортов, поэтому молодежь бежала из деревень всеми доступными способами. Чем все это кончилось, можно судить по реплике Черчилля: «Я всегда думал, что умру от старости, но когда Россия, в прошлом кормившая Европу, стала закупать хлеб, я понял, что умру от смеха».

Но вернемся к реформам Государя Александра Второго. Одной из решающих реформ — кроме, разумеется, реформы об отмене крепостного права — была реформа военная. Она отменяла рекрутский набор и вводила обязательную воинскую службу для мужчин, достигших девятнадцатилетнего возраста сроком на семь лет. Реформа предполагала большие льготы в отношении единственного кормильца или женатого мужчины, имеющего более двух детей. Кроме того, она отменяла ряд привычных для России войск: гусар, уланов и драгунов, передавая роль легкой кавалерии девяти казачьим округам, калмыкам и башкирам, приравненным к ним по всем льготам. В армии оставались три основных рода войск: пехота, кавалерия и артиллерия, не считая вспомогательных частей вроде крепостных, инженерных и частей обеспечения. Единицей измерения являлся полк, командир которого объявлялся полновластным распорядителем своей части, отвечая, в том числе не только за боевую подготовку, но и за здоровье вверенного ему состава и казну полка. Реформированная армия прошла жестокую проверку Русско-Турецкой войной, одержав ряд блестящих побед.

Существует устойчивый миф о том, что в рекруты брали на двадцатипятилетнюю службу. Это не соответствует действительности: служба была определена в двадцать лет, а двадцать два года были введены Александром Первым только на время Наполеоновских войн.

Второй миф заключается в том, что село, якобы, проливало горючие слезы, провожая рекрутов в армию. Наоборот, село

радовалось за рекрута, потому что на государеву службу призывался крепостной, а возвращался с оной человек свободный и грамотный. Им завидовали, и любимые с нетерпением ждали их домой, поскольку рожденные от свободного мужа дети тоже оказывались свободными, без учета социального статуса матери. И это был едва ли не единственный путь на свободу для крепостного человека.

Следующий миф касается сказочного жалования русского офицерства. Субалтерн-офицер, т. е. подпоручик получал в пехоте 41 рубль с копейками. Из них он обязан был заказать для себя три формы одежды: повседневную, парадную и полевую, три пары соответствующих сапог, три шинели, три шарфа и лайковые перчатки, которые лопались буквально после первого дня службы. Если офицер завтракал только булкой с колбасой и чаем, а ужинал через день, его месячный дефицит равнялся ориентировочно десяти рублям. Ротному офицеру при тех же расчетах не хватало ежемесячно четырех рублей, и только заместитель командира батальона сводил концы с концами вполне благополучно. Отсюда вытекало основное правило Офицерского собрания, согласно которому желающий обрести семью офицер, во-первых, обязан был представить свою невесту Офицерскому собранию, а, во-вторых, получить от командира полка письменное разрешение на венчание в церкви. И командир никогда не давал такого разрешения, если офицер не дослуживался до должности заместителя командира батальона.

Заодно — еще несколько вдолбленных нам в головы мифов.

1. Октябрьский переворот 17-го года проходил отнюдь не под лозунгами «Вся власть Советам!», а под лозунгом «Вся власть Учредительному Собранию!». Именно поэтому сопротивление ему было оказано лишь в Москве, где большевиками был обстрелян Кремль, и в Смоленске, где их артиллерия разгромила госпиталь для выздоравливающих офицеров.

2. Белое Движение с учетом всех штыков и сабель никогда не превышало цифры в 350 000 человек, в то время как численность Красной Армии составляла пять миллионов штыков плюс три кавалерийских армии: 1-я — Буденного, 2-я — Миронова, 3-я — Примакова. При этом вся эта громоздкая армия потерпела жесточайшее поражение от войск Пилсудского в 20-м году, почему Россия надолго потеряла западные земли Украины и Белоруссии.

3. Первым Декретом дорвавшихся до власти большевиков был Декрет о Мире с признанием полного поражения России. По этому Декрету Советская Власть выплачивала Германии 6 миллиардов золотых марок и уступала ей Украину, Белоруссию и

часть Прибалтики. И бесконечные эшелоны потянулись в Германию, доставляя ей хлеб и мясо, сталь и чугун. Этого Германии хватило на то, чтобы продержаться почти полтора года: сколько при этом погибло французов, англичан, американцев и иных молодых людей из государств Антанты, в нашей прессе никогда не упоминалось.

4. Красную Армию создавали совсем не красные полуграмотные командиры, а русские офицеры, которых в Красной Армии было свыше 170 тыс. В большинстве они оказались насильственно мобилизованными, вернувшись к своим семьям из разложенной большевиками армии, но много было и добровольцев именно потому, что большевики воспользовались теми лозунгами, которые они разделяли.

5. Празднование 7 ноября победы социалистической революции является полным вымыслом. Временное Правительство добровольно передало власть Советам Рабочих, крестьянских и солдатских депутатов, встретив сопротивление лишь в двух городах, как было указано. По договоренности новое Правительство должно было проводить в жизнь программу Временного Правительства, чем оно и занималось, продолжая выборы в Учредительное Собрание. Однако по окончанию выборов выяснилось, что большевики получили явное меньшинство едва ли не во всех выборных Округах. И на первом же заседании Учредительного Собрания, убедившись, что подавляющее большинство депутатов не являются сторонниками их программы, большевики уже на второй день просто-напросто разогнали Учредительное Собрание («Караул устал!»), окончательно узурпировав власть. Однако многие губернии, города и уезды отказались им подчиняться, что и явилось началом самой длительной и самой жестокой гражданской войны в истории. Это случилось 6-го марта 1918 года, однако выглядело столь чудовищно несправедливым, что большевики предпочли нейтральное 7-е ноября этому дню откровенного произвола.

Таковы начальные вехи насильственного захвата власти и воспоследствовавшего ему ига большевиков. Далее было уничтожение крестьянства, террор против интеллигенции и установление жестко контролируемой вертикали власти. Никакие Советы не являлись действующими органами: это была всего-навсего декорация демократии. Всем распоряжалась Коммунистическая партия, выборность в которой всегда была многоступенчатой, и Россия окончательно потеряла все признаки демократического государства. Говорить о каких бы то ни было «достижениях» на черном фоне общегосударственного террора, по меньшей мере, бестактно.

Единственной бесспорно великой победой Советского Союза является победа над фашизмом в Великой Отечественной войне. Не будем касаться проигранной неумными руководителями СССР дипломатической игры — факт остается фактом. И все же я твердо убежден, что глубочайшее самопожертвование советского народа, ярчайшие примеры его героизма, яростное сопротивление в тылу, как партизанских отрядов, так и оставшихся на оккупированной территории частей и соединений Красной Армии явились основой нашей победы во всенародной борьбе в куда большей степени, нежели реальное руководство партии большевиков.

Учета наших боевых потерь нет вот уже более полувека. В мире вы не найдете страны, в которой существовало бы такое бессердечное, наплевательское отношение к павшим воинам, но это — факт, и наше сегодняшнее определение «свыше 30 миллионов» лишь подчеркивает это нечеловеческое по чиновничьему равнодушию отношение к своим же согражданам. О солдатах, не по своей воле сдавшихся в плен, и говорить не приходится. Если во всех странах мира они награждаются боевыми медалями, то у нас их эшелонами отправляли в концлагеря. Этот грех не отмолим, а поскольку Советская власть постаралась навсегда избавить подрастающие поколения от самого понятия греха, то нам, еще помнящим, что сие означает, необходимо постоянно напоминать детям и внукам об их ответственности за моральную несокрушимость государства.

Однако все имеет свое начало. И начало восстановления России не в неумелом держании свечи, не в неуклюжих поклонах и не в столь же неуклюжих, неотработанных, с детства не поставленных осенениях себя крестом. Оно — в постижении Учения Христа, но готовы ли мы к такому постижению? Язычество въелось в наши души за три поколения безбожников, с восторгом сокрушавших Храмы, и никакое восстановление их нам в этом не поможет, потому что восстановление Веры может быть осуществимо только через семью. Через ее обычаи, разъяснения, искренний пример старших. Иного пути просто не существует, потому что если общественная мораль опирается на моральный кодекс общества, то нравственность каждого ее члена воспитывается в семейной колыбели.

Вся совокупность возрождения утраченного три четверти века назад есть, с моей точки зрения, единственный путь реформирования армии, если не рассматривать эту реформацию только с профессионально количественной стороны. Можно сколь угодно громко и неуместно кричать о патриотизме, можно сколь угодно часто поминать имя Божье всуе — слова лишь сотрясают

воздух, оставаясь словами. То есть, наименованием того, чего не существует в душе.

Почему в нашей, славянской по коренному составу и истории армии, до сей поры не восстановлены славянские наименования среднего командного состава? Почему до сей поры ей не вернули подпоручиков, поручиков и штабс-капитанов? Почему в ротах пять офицеров, хотя Россия веками обходилась тремя? Потому что ее унтер-офицерский состав малочислен, он давно уже требует максимум пяти, от силы — семи подчиненных в распоряжении младшего командира. Так было в Русской армии, где унтер-офицеры командовали взводами, а офицеры — только полуротами.

В нашей армии существует болезненная язва, образовавшаяся вследствие того, что в силу необходимости (большие потери людского состава в начале Великой Отечественной войны), мы вынуждены были призывать в армию юношей с 18-и лет. Этот приказ действует и поныне, что и породило так называемую «дедовщину», пугающую не только родителей призывников, но и самих призывников. Россия, равно как и унаследовавшая ей Красная Армия призывали в свои ряды юношей в 19 лет. Т. е., по сути мужчин, уже осознавших себя таковыми. Парня в 19 лет не заставишь мыть солдатский сортир зубной щеткой: он уже дорожит собственным достоинством и не боится никакой гауптвахты. Кроме того, в Русской армии существовала традиция наставничества, когда старослужащий брал под свою опеку новобранца. Эту традицию необходимо вернуть, равно как и призыв с девятнадцати лет при соблюдении различного рода льгот, введенных Приказом. Тогда сама собой исчезнет «дедовщина», а вместе с нею и повсеместная нелюбовь к армии, которую невозможно вернуть никакими самыми страстными призывами СМИ.

И все же самым насущным в грядущей и — еще раз подчеркиваю — давно назревшей реформе мне представляется передача всей финансово-экономической ответственности в руки командиров полков. Социализм, согласно старому лозунгу, конечно же — учет, но учет социалистический, то есть, коллективный. Капиталистический учет есть учет персональный, что в современных условиях представляется мне особенно важным. Это резко сократит бездумно раздутый штат военных чиновников, которых в нашей армии — по три с половиной на каждую боевую единицу. В армию давно пора вводить современную, то есть, капиталистическую, личную ответственность.

«ПОКУПАЙТЕ БРИЛЛИАНТЫ!»

Эта заманчивая реклама висела в Столешниковом переулке. Она била в глаза москвичам при спуске от Моссовета, потребительского зуда не вызывала, но я почему-то всегда в нее утыкался. В кармане, как правило, было пусто, поскольку семейный бюджет складывался из двух студенческих стипендий, но в Столешниковом располагался любимый букинистический магазин, и раз в месяц я его непременно посещал. Не для того, чтобы приобрести, а для того, чтобы помечтать: о бриллиантах мечтать было неинтересно.

Жилось голодно, холодно и по-студенчески весело. Кончилась война, возвращались уцелевшие родные и знакомые, а в магазинах даже появилась горчица без карточек, что рассматривалось, как признак грядущего благополучия. В ожидании его мы одолжили некую сумму для приобретения двух мешков картошки, которую обещала раздобыть инициативная группа в институте. Однако почему-то не успели сдать деньги в срок, и тут объявили о денежной реформе.

Она была жесткой как по форме, так и по содержанию. По форме обмен старых денег на новые строго ограничивался во времени, а по содержанию — и по сумме тоже. В карманах у нас всегда гулял веселый молодой сквознячок, но тут на руках оказался одолженный под картошку капитал, равный добрым трем стипендиям, и это — озадачивало. И тогда я предложил смелую финансовую операцию: приобрести в Букинистическом редкие книги на все картофельное богатство, а потом вновь сдать их в магазин, чтобы вернуть долг. И получив согласие юной супруги, помчался в Столешников.

В шумном и всегда светлом переулке было темно и тихо, как в глухой подворотне. Все магазины были закрыты, витрины и фонари погашены, но почему-то ярко светилась бриллиантовая реклама. Под нею и в свете ее виднелись одинокие темные и абсолютно неподвижные мужские фигуры. В их отрешенном молчании звучало нечто пронзительно-режущее, не тянущее, впрочем, на трагедию, но дающее представление о личной драме весом значительно существеннее, нежели долг в три студенческих стипендии.

Долг мы, естественно, вернули, хотя и остались на зиму без картошки. Но вспоминать следует не потери, а приобретения. И таковое я получил при свете явно ироничной рекламы. Я понял, что родная Советская власть сначала закрывает магазины и гасит свет, и только после этого объявляет о денежных реформах.

Вывод пригодился при Хрущевской деноминационной реформе. О ней Никита Сергеевич поведал лично, убеждая, что после сокращения одного нуля на купюрах в нашем народе непременно возникнет столь несвойственное ему чувство бережливости («Уж теперь-то каждый копеечку с земли поднимет!..»). Однако ни о сроках, ни об условиях будущей деноминации никто более не говорил, и народ готовился к проявлению бережливости в полном неведении относительно грядущего перетряхивания собственных финансов. А я вспоминал темный Столешников переулок и неподвижные молчаливые фигуры…

Пишу об этом для того лишь, чтобы напомнить о хроническом недоверии, которым заражено подавляющее большинство наших сограждан по поводу решительно всех денежных манипуляций, проводимых Правительством. Увы, недоверие это, к сожалению, имеет основания: вспомните, к примеру, последнее решение последнего советского министра финансов Павлова о замене пятидесятитысячных купюр. Постоянное стремление к закрытости и внезапности, драконовские сроки обмена порождали абсолютно никчемные трудности у основной массы ни в чем неповинного населения, вызывая раздражение и чисто человеческие обиды. Возникало ощущение, что нас опять хотят обмануть, провести, объегорить, и мы всячески пытались в свою очередь «объегорить» родное правительство.

Однако нули на наших купюрах размножаются и размножаться будут, если не попытаться прервать движение этого «вечного двигателя». Подобное уже случалось в Советской России. Мама мне рассказывала, как каждый месяц ходила в Военкомат получать отцовское командирское жалование. Он где — то еще воевал, но в двадцатом году начали платить более или менее регулярно, однако тогда его месячное денежное довольствие требовало хорошего мешка. И наполнив этот денежный мешок, мама прямо из Военкомата шла на рынок, где сразу же и тратила все отцовское жалование. На соль — так на соль, на мыло — так на мыло, потому что как соль, так и мыло уже к следующему утру могли стоить чуть ли не вдвое дороже, а деньги не стоили даже бумаги, на которой кое-как были напечатаны.

Россия все прошла, и все повидала, свернув в семнадцатом году с прямого пути на глухую торную дорогу, только считать так и не научилась. Нечего было считать подавляющему большинству ее граждан, кроме давно сосчитанных рублей от аванса до получки и от получки до аванса. А учиться этому, мусоля в руках цветные бумажки со многими нулями, да еще и разного формата

— ох, как непросто! По себе знаю.

Знаю потому, что я — впервые в жизни! — стал миллионером еще в 1990 году, когда приехал в Италию в составе парламентской делегации и получил на руки ровнехонько миллион лир на прокорм. И никак не мог понять, дешево ли то, что я покупаю, или — сердито? И так и не освоился за все две недели пребывания в Риме. В конце, правда, стало легче, поскольку триста тысяч лир у меня просто-напросто «увели» из кармана ловкие итальянские «щипачи».

Исторически мы привыкли считать, условно говоря, на пальцах, поскольку отношения заработка и цен легко укладывались в эту операцию. Для примера напомню как заработки, так и расценки на август 1917-го. То есть, за два месяца до «Великого Октября»:

ДНЕВНОЙ ЗАРАБОТОК.

Плотники, столяры	- 8 руб. 50 коп.
Штукатуры	- 8 рублей.
Кузнецы	- 8 руб. 50 коп.
Слесари	- 9 рублей.
Чернорабочие	- 8 рублей.

ЦЕНЫ НА ПРОДУКТЫ.

Черный хлеб (фунт = 0,4 кг.)		- 0,12 коп.
Белый	"	- 0,20 коп.
Говядина	"	- 1 руб. 10 коп.
Телятина	"	- 2 руб. 15 коп.
Свинина	"	- 2 рубля.
Селедка	"	- 0,52 коп.
Сыр	"	- 3 руб. 50 коп.
Масло	"	- 3 руб. 20 коп.
Яйца (десяток)		- 1 руб. 60 коп.

(Данные Московской Торговой Палаты).

Такое соотношение насущного с реальным не требует никаких денежных реформаций: в простой системе нечего ни сокращать, ни менять, ни скрывать. Но чтобы достичь ее, требуется не просто хорошо работать, но и хорошо платить налоги, а мы не любим как первого, так и последнего. Не от лени или, там, скупости, а потому, что не верим. И наше неверие стало такой же составляющей нашей общей бедности, как повальное воровство, повальное мошенничество и повальное пьянство. Три прожорливых пустоты нашей жизни, которые, конечно же, следует перечеркнуть, как нули на расплодившихся купюрах. И если очередная денежная реформа будет подкреплена остатками

нашей веры, если Государственные Мужи перестанут уговаривать Правительство под шумок напечатать два-три десятка триллионов ради упрощенного латания бюджетных дыр, то она и впрямь может оказаться последней. И мы наконец-таки вернемся к приведенным выше таблицам. И если не мы, так внуки наши замкнут восьмидесятилетний порочный круг бессмысленного разбазаривания народных сил и средств.

В России все возможно. Даже забота о детстве, инвалидах и старости.

БЮВАР

РОДИНА — понятие крестьянской культуры. ОТЕЧЕСТВО — дворянской.

Если крестьянину были дороги воспоминания о своем, условно говоря, пейзаже и земляках, то дворянину — память о своих предках, о своей культуре. Ностальгия — дворянская болезнь.

«Гренада» Светлова уже не укладывается в сознание современных патриотов («Я хату покинул, пошел воевать, чтоб землю в Гренаде крестьянам отдать»). И Россия — уже не «Незнакомка» Крамского, а толстая баба с подоткнутым подолом и пучком редиски в руке.

> «Слепою глухотой сердец ты наградил мою Россию…»

Разница между Буденным и Махно в том, что Махно имел собственные убеждения.

Во внуках умирают прадеды.

«Человек с понятием» (русс. обывательское уважительное определение человека не своего круга) превратился в «жизнь по понятиям». А «по понятиям» мы уже жили. При Сталине.

Вера обходится без логики. Она ей чужда.

Москва не стала Третьим Римом. Она стала Второй Византией.

Советский человек и гвоздь без двух перекуров не забивал.

Нежный покров поэзии при сов. Власти заменился дубленой кожей прозы в стишатах, потом кожимитом стихоложства, а позднее и пластмассой рифмованных лозунгов.

Каждый рождается в своей колыбели.

Во времена написания «Комм. Манифеста» рабочие были единственным естественным коллективом. Бедность, казармы, угнетающий труд.

В русс. деревне этого не было. Большевикам необходимо было сначала превратить их в единое стадо. И они разгромили храмы, отняли у лучших крестьян имущество (раскулачивание) и лишили экономической базы всех, отменив собственность на землю и введя колхозы. Т. е. трудовые спецпоселения без права их покидать.

Мы строили коммунизм, а построили Вавилонскую башню. Мы изолгались и перепутали языки, почему все, кто только мог, с огромным облегчением разбежались с этой каторги. Страх, ложь и

ненависть заменяли нам Бога-отца, Бога-сына и Святой Дух.

Талант — избыточная энергия, направленная в нравственное русло.

Сов. Власть загнала себя в тупик, пользуясь энтузиазмом вместо платы за труд. Это была ставка на психологию толпы: Энтузиазм — вид массового помешательства сродни помешательству религиозному.

Власть при феодализме — единственный способ интенсивного производства материальных благ. Вот почему Сов. Власть оказалась, по сути, возвратом к феодализму.

Русский обыватель впадает в ажитацию, когда кого-то унижают. При Сталине — интеллигенцию, при Брежневе — евреев и т. п.

У нас никто не чувствует себя защищенным, кроме криминалитета, чиновников и правоохранительных органов.

«В один прекрасный день Россия развалится не как Римская империя на множество частей, а на четыре части, на четыре территории. Северная империя останется подлинной российской Государственностью. На западе сформируется Польша со столицей в Варшаве. Южная часть со столицей в Тифлисе включит в себя Кавказ. Восточная империя вместит в себя западную и Восточную Сибирь». (Кажется, Дюма. Посмотреть!)

Истоки русской ксенофобии.

1. Ненависть к европейской культуре — из крестьянской психологии: для них это была культура господ, т. е. чужая.
2. Сов. Власть вдалбливала всем нам, что европейская культура есть культура буржуазная, а значит, враждебная.
3. СМИ заполонили наши телеэкраны третьесортными американскими фильмами. Рассчитанными на третьи страны. Убийства, культ силы, секс, насилие.
4. Мы, русские, вечные пограничники. Меж Европой и Азией, меж Исламом и Христианством. А пограничник психологически нацелен на врага.
5. Славянофильство, начавшись с идеи восстановления историч. памяти и гордости за свою историю, выродилось в узколобый национализм. От него отчетливо попахивает квасом.
6. Россия в массе своей (крестьянство — прежде всего) не обладала исторической памятью. Сов. Власть окончательно ее разрушила, а поскольку мы «ленивы и нелюбопытны», то читаем только развлекательную белиберду, а уж историю вообще не полагаем за науку. Восторжествовала крестьянская психология:

то, что было до меня, мне неинтересно, поскольку не может принести пользу сегодня.

7. У нас нет и никогда не было национальной идеи, потому что мы в массе своей не ощутили себя единой нацией. У нас нац. идею замещает идеология. Русофильство — тоже идеология, а не идея.

8. Русские в своем большинстве растеряли пассионарность, т. к. более всего пострадали при Сов. Власти. Отсюда — зависть к народам пассионарным, выраженная в ненависти к ним (евреи, лица кавказской национальности и т. п.).

СМЫСЛ собственного существования: от — жениться или выйти замуж, детей бы вырастить, дать им образование, до — найти Трою.

Масштаб личности:

МЫ — люди маленькие.

МЫ — люди темные.

МЫ — люди необразованные.

НАЦИЯ — гобелен, сотканный историей народа на географической основе.

ЗАДАЧА ТОТАЛИТАРНОЙ ВЛАСТИ: превратить человека разумного в человека обучаемого.

У нас произошла «кумиризация» сочиненного Петра Первого.

А почему, собственно? Мы не стремимся к решительным реформам через колено и уж тем паче не собираемся прорубать окно в Европу. Тогда — почему?

Да потому, что он был безмерно жесток. На грани помешательства, но о помешательстве мы и помыслить не можем, а вот жестокость, воспринятая, как «крепкая рука» (Хорош барин!), нас, вечных крепостных, очень даже радует.

Рады из ада, так и рай ни к чему.

Дела уездные, имена тихие…

М. б. течение некоторых фамилий во времени порою в силу обстоятельств превращается в Ниагару. Обрушив и сокрушив нечто в себе самих этой ниагарской деятельностью (м. б. повышенную пассионарность) эти фамилии далее текут величаво, неспешно, спокойно, пока не рассасываются в болотах или не иссякают в песках. Так случилось с московскими Рюриковичами (последний пассионарий — Иван Грозный) и с Романовыми (последний — Петр Великий). Но порою они избирают для своего течения государственный канал, и следуют, так сказать, строго по правительственному графику вне зависимости от окраски этого правительства. Так случилось с МИХАЛКОВЫМИ.

Все естественное — прекрасно, но прекрасно только то, что естественно.

КРЫМСКИЕ ТАТАРЫ, потомки половцев, тюрки, а не татары. Их перманентные набеги и постоянное давление на границах Руси, наконец, дань им в виде обязательных регулярных подарков заслонили в народном сознании Золотую Орду. Своего сюзерена и защитника.

ЛОЗА. Самое удобное дерево. Всегда по ветру: с севера на юг? Пожалуйста. С востока на запад? Да ради Бога. И очень отзывчива на внешнюю температуру. В оттепель непременно раньше всех разрумянится, заалеет даже. Но к заморозкам непременно вернется в некую солидность. Может стать пестро-серой с оттенками мундирного цвета и искорками оранжево-самодержавного.

Покладистое дерево. Само ложится, плетей не ожидая.

Никакая новая упряжь не делает пристяжных резвее, но всегда бьет по коренникам. М. б. для этого она и предназначена?

Китовый ус гнется, но не ломается и не сворачивается. Жизнь тети Тани была китовым усом.

СОВЕТ ЗАВЕТОВ.

Зло не стоит того, чтобы его помнить. Может быть именно по этой причине я и встречал в жизни только добрых людей.

К высокой цели нужно стремиться, а не переть к ней напролом. Только тогда увидишь и обдумаешь все пути ее достижения.

Не плыви по каналу: он прорыт твоими родителями.

Не плыви по протоке: она остаток старого устья.

Плыви по тому, что движется. И непременно — против течения.

ВЕЛИКОЕ ПЕРЕСЕЛЕНИЕ КРЕСТЬЯНСТВА.

В города — с заглотом культуры обывателя.

В селе женщина тонет и растворяется без остатка в психологии общины. В городе приобретает собственное звучание.

Так образовался и сформировался советский обыватель. При крахе идеологии большевиков он стал доминирующим и определяющим в постсоветском обществе.

История — калейдоскоп. Играют и переливаются стекляшки, а нам кажется, что не счесть алмазов. Мы играем вместе с ними, а просвещенный мир смотрит на нас с удивлением.

Мы не создали барона Мюнхаузена, потому что он смотрел в

подзорную трубу, а мы разглядываем калейдоскоп и до сей поры.

Пьем до еды, потому что нас так заставили пить в кабаках, и при этом умиляемся собственной особливостью.

ТРИЕДИНСТВО РУСЬ — РОССИЯ — СССР

Катаклизм Руси закончились официальной верой и всенародным двоеверием.

Катаклизм России — торжеством не столько веры, сколько церкви и монастырей.

КАТАКЛИЗМ БОЛЬШЕВИКОВ — сконцентрировал Россию во чреве ее. Он отверг дух и заставил нас думать чревом, любить чревом, мечтать чревом и трудиться только во имя чрева.

Торжество Чрева России пришло сегодня, поскольку все остальное убил большевизм.

Как базар, так и рынок живут по правилам. Без всяких правил существует толкучка.

И вместо рынка мы получили всеобщую толкучку с ее продажами, воровством, обжорными рядами, красными фонарями, балаганами и Петрушками вместо искусства.

Сов. Власть раздавала землю генералитету за выслугу лет. Как в средневековье. Выслужанты получали ее в Прибалтике, на Кавказе, в Ср. Азии за счет коренного населения.

Сверхзадача любой тоталитарной власти — превратить человека разумного в человека обучаемого. Он элегантно именуется СПЕЦИАЛИСТОМ и сегодня.

Человеческое сообщество зиждется на культуре.

КУЛЬТУРА есть писаные и неписаные законы общежития, приправленные народными обычаями и историческими традициями.

Законы писаные — юридическое обоснование прав государства и гражданина.

Законы неписаные — общественная мораль и личная нравственность.

Обручами, стягивающими эти законы, являются РЕЛИГИЯ и ИСКУССТВО.

Коммунисты создали такую жизненную ситуацию, при которой каждое последующее поколение в лучшем случае повторяло предыдущее. Это похоже на медленное умирание живого существа, которому с каждым днем становится все хуже и хуже.

ВЗБЕЖАТЬ НА ХОЛМ И ОТДОХНУТЬ В ТРАВЕ

Комментарии к жизни ВАСИЛЬЕВА Бориса Львовича, действительного члена РАЕН, участника Великой Отечественной войны и Парада Победы, Народного Депутата СССР, писателя, драматурга, кинодраматурга, публициста, лауреата Государственной Премии СССР, премии Ленинского Комсомола, премии имени Довженко, имени Фадеева, Симонова (за номером 1), Полевого, Сахарова и Министерства внутренних дел, почетного гражданина города Смоленска. Родившегося 21 мая 1924 года в семье военнослужащего в городе Смоленске на Покровской горе и неведомо, когда умершего, который упрямо и легкомысленно едет с ярмарки и все никак не может доехать до последней станции, общей для всех…

КОЛЫБЕЛЬ.

Она есть у каждого просто потому, что ее не может не быть. Все мы рождаемся в результате определенного стечения обстоятельств, случайности, если угодно, однако в этой случайности, как, впрочем, и во всех случайностях, есть своя закономерность. Генетическая цепочка, в результате которой человек появляется на свет, не зависит ни от желания, ни от воли его родителей, и тем не менее она не терпит обрыва. Ее обрыв неминуемо означает гибель рода, его исчезновение, будь ты потомком дворян или купцов, крестьян или мещан — это не имеет ровно никакого значения. Просто дворяне в силу исторических причин, более высокой общей культуры, традиций и общественного положения хранили ее в семейной памяти, а прочие — не хранили, поскольку не представляла она для них никакого смысла и даже интереса: их общественный статус не менялся и меняться не мог. Крестьянский сын пахал землю и с трудом переживал русские зимы точно также, как его отец, дед и прадед. Потомок мещанина тихо и смиренно повторял путь родителей своих в той же нише, некогда отведенной для них городским сообществом, будь то работа по обслуживанию городской общины, служба в стрельцах, ремесленничество или выращивание зелени для горожан. И даже купцы наследовали

вначале лавки, а позднее — «дело» своих предков, лишь развивая его, но, как правило, не дерзая изменять источнику существования собственной семьи. И только дворянство имело возможность искать занятия согласно склонностям своим, почему и нуждалось в памяти предков в той мере, в какой они оказывались вовлеченными в активную социальную жизнь.

Родословная каждого человека есть всего-навсего доля участия предков его в социальной жизни народа, нации, государства. А история народа — производное этих долей, их взаимное влияние друг на друга, и математическое воспроизведение ее, по всей вероятности, не такое уж сложное дело.

Существует легенда, что некий весьма пожилой человек случайно оказал огромную услугу могущественному волшебнику. И растроганный волшебник предложил вернуть его в тот возраст, в котором он пожелает пребывать со всеми силами, обликом, разумом, характером и обстоятельствами, соответствующими выбранному возрасту, будь то детство или юность, зрелость или старость. И после некоторых размышлений облагодетельствованный волшебником счастливец выбрал тот возраст, в котором пребывал в данный момент.

— Но почему же? — удивился волшебник. — Неужели тебе не хочется вновь стать ребенком с чистой душой и восторгом ежедневных открытий? Или юношей, каждое мгновение ощущающем рост мощи собственных сил, переполненном страстной тоской любви и сладостной жаждой мечтаний? Наконец, я могу превратить тебя в сильного, обретшего любовь, семью и место в жизни зрелого человека. Почему ты просишь оставить себя в летах, когда мечтания уже превратились в дым, страсть испарилась, а тело и душа стонут по ночам от груза прожитых лет и совершенных ошибок? Объясни мне, странный человек, твое желание!

— Охотно. Я не хочу еще раз переживать детство, потому что детство человеческое — время необъяснимых и очень болезненных обид. Я не хочу быть юным, потому что юность — исток всех ошибок, которые столь тягостны в сумерках старости. Наконец, я не хочу снова быть зрелым потому, что зрелость вскармливает зависть и дает толчок первым разочарованиям, которые постепенно копятся и отравляют все последующие годы. Покойна только старость, осознавшая себя таковой. Может быть, это и называется мудростью.

Старость не принесла мне мудрости просто в силу моего собственного характера. Но я лишен тоски по прожитым годам. Я вспоминаю о них потому лишь, что каждый человек должен

когда-то посмотреть на изнанку собственного костюма, даже если он не так уж плохо скроен им самим.

Я до сорокалетнего возраста не задумывался о предках своих. Знал с детства, что мама — из рода провинциальных дворян Алексеевых, в раннем детстве — настолько раннем, что помню о нем лишь яркими осколками — часто жил у деда Ивана Ивановича Алексеева в его имении Высоком неподалеку от Ельни, но об этом запрещено было говорить кому бы то ни было. Запрет был строгим, исходил от отца, которого я не только слушался, но и чтил, да мне это было и неинтересно. В военных городках, где мне случалось жить, подобная тема никогда не звучала ни во взрослой, ни тем паче в детской среде, а в Смоленске моими друзьями оказались беспризорники, вообще не помнящие родства своего. Я вполне довольствовался статусом «сына военнослужащего» и был настолько верноподданным, что рассматривал дворянство только как нечто яростно враждебное тому, во что неистово верил. Все пришло значительно позже, я чрезвычайно медленно взрослел, а посему и не задумывался.

Однако сейчас припоминаю, что внушительный отцовский запрет прозвучал в 1931-м году. То есть, как ныне стало для меня ясным, после второй и весьма основательной чистки в армии, которую отец пережил с болью и страхом. Чистка эта коснулась прежде всего командиров из дворянского сословия, которых в Красной Армии было предостаточно, поскольку именно им принадлежит честь создания и самой Красной Армии с ее особой организацией, новой тактикой и новыми традициями. Вероятно отцу было чрезвычайно трудно не только пережить саму чистку, но и понять ее, и внутренне оправдать для самого себя, поскольку офицер без убеждений не может быть офицером безукоризненным.

Мы жили тогда в Миллерово в вагончике, продуваемом со всех сторон. Зима выпала на редкость свирепой, длинной, морозной и ветреной, и я до сей поры помню ее пронизывающий холод. Он ощущался ночью и днем, утром и вечером, и меня не пустили в школу, потому что до нее было неблизко. В вагончике круглые сутки горел огонь в железной печурке, сохранившей название «буржуйка» еще со времен гражданской войны. Днем его поддерживала мама, а ночью отец и мать вставали через каждые два часа, чтобы подбросить полешек в прожорливый зев буржуйки.

В фильме «Офицеры» я вспомнил об этом вагончике.

А однажды в огненное жерло буржуйки полетели наши семейные фотографии и какие-то бумаги. Какие — не помню, но фотографии — помню, хотя родители жгли их ночью. А я

проснулся и смотрел, как, корчась, сгорают толстые дореволюционные паспарту, и ни о чем не спрашивал, потому что все понимал. Мои родители сжигали свое прошлое, и меня это радовало. Может быть потому, что отвечало моим представлениям о «светлом царстве социализма». И об этом я вспомнил в повести «Капля за каплей», хотя и под иным углом зрения.

Разговор состоялся на следующий день, в обед: отец по возможности обедал дома, принося свою порцию в котелке. Мама добавляла туда картошки вместе с отваром, и мы обедали втроем: где в то время жила моя сестра Галя, не помню. Кажется, она оставалась в Смоленске под присмотром маминой сестры тети Тани, потому что была на десять лет старше меня и давно училась в школе.

Из всего разговора я запомнил только запреты: если причины и были, то тогда они пролетели мимо моего внимания. Мне запрещалось говорить, а тем более — писать:

— о том, что мои родители — дворяне;

— о том, что я жил в имении деда, а заодно и о самом деде;

— о том, что мой отец — царский офицер, хотя и перешедший на сторону большевиков добровольно и без колебаний;

— мне безоговорочно предлагалось писать в анкетной графе «Соц. происхождение» — «сын военнослужащего».

С того дня в нашей семье никогда не вспоминали о прошлом. Его как бы вообще не существовало: отсчет шел только с гражданской войны.

О прошлом стала вспоминать мама и, в особенности, тетя Таня уже после смерти отца. В семидесятых годах, и то по моим настойчивым просьбам.

Наша семья не была такой уж уникально осторожной. Так поступало большинство провинциальных дворянских семей, далеких не только от титулованной знати, но и вообще от известных столичных фамилий. И надо сказать, что эта предусмотрительность спасла очень многих, поскольку советские карающие органы никогда не знали истории да и не интересовались ею. Среди моих знакомых много объявилось дворян уже в наши дни, и я не полагаю в них самозванцев. Каждая семья в Советском Союзе выживала в одиночку, и способы их выживания не повод для запоздалых укоров, а повод для горьких размышлений, не имеющих срока давности. Люди отрекались от корней своих не из соображений карьеры (хотя и таковые, конечно же, были) и уж тем паче не из трусости, а во имя спасения собственных детей.

До чего же хрупка, до чего же беззащитна оказалась нравственность всего нашего народа! Дворяне жгли документы и фотографии, дети раскулаченных крестьян брали иные фамилии, убегая из деревень в города, евреи при первой же возможности меняли в паспортах национальность своих детей, а то и свою собственную… Нет, не все, разумеется, не все: я говорю лишь о тенденции. Но именно тенденция в конечном счете и определяет народную нравственность: маргиналам и люмпенам всех сословий России не требовалось ничего менять — так не их ли представления о нравственности торжествуют сегодня в нашем обществе?

Чаще всего это печальное явление объясняют террором, но террор — средство, а не цель. Целью было уничтожение русской культуры и создание на ее обломках культуры советской. Нет, это не зомбирование — словечко, столь любимое нашей журналистикой. Это скорее клонирование. То есть, искусственное создание великого множества одинаковых людей. Одинаковых во всем: в действиях, в реакциях, в одежде, еде, жилище, в любви и ненависти, в восприятии окружающего и вере в абсолютно идеальных Вождей. И во многом, во многом это удалось за восемь десятков лет безостановочного и беззастенчивого растления народа: под культурой, к примеру, ныне уже понимается только искусство и обслуживающие его институты. Театры, библиотеки, музеи. Помилуйте, это всего лишь часть общечеловеческой и общенациональной культуры, никак не более того.

Под культурой Россия когда-то понимала весь спектр системы духовного выживания человека, и прежде всего — нравственность. Нравственность, мораль, понятие о правах человека, его чести и достоинстве, о свободе личности и прочной государственной защите этой свободы, чести и достоинства в гласном и непременно состязательном суде присяжных при строгом соблюдении презумпции невиновности. Культура — это право каждого человека на свободу совести, свободу слова и самовыражения, это неприкосновенность жилища, добровольный выбор места жительства, отношение к женщине, детству и старости. Наконец, культура — это историческая память народа, его тысячелетние традиции, искусство, религия, национальная кухня, система семейного воспитания, представление о долге перед обществом. Не перед общиной — подобное представление способно породить только земляческие отношения, столь свойственные нам сегодня — а перед всем исторически сложившимся социумом, именуемом русским народом. И, к сожалению, именно это существует сегодня «по остаточному принципу», а отнюдь не только одно искусство, которое, кстати, в

России всегда существовало на собственные, в крайнем случае — на земские или меценатские средства, никогда не получая денег из государственного бюджета, а лишь иногда выпрашивая субсидии под конкретные проекты.

Переадресовав всеобщее понятие культуры, как основного показателя социального развития общества, искусству, советская власть возложила его функции на образование, поскольку само искусство подобной смысловой нагрузки вынести просто не в состоянии. Поэтому высшим мерилом культуры стало, естественно, и высшее же образование, причем, неважно, гуманитарное или техническое: диплом и «поплавок» начали отмечать культурный уровень их обладателя, хотя само по себе высшее образование имеет к культуре весьма второстепенное отношение благодаря своей узкой специализации. Да, добавление образования к уже воспринятым с детства основным культурным канонам способно повысить ее уровень, но любое, даже университетское образование, полученное человеком, с детства не подготовленным к восприятию культурных азов, чаще всего срабатывает в обратную сторону. Особенно, если образование это получено заочно или в вечернем институте, что было в СССР массовым явлением. «Специалист подобен флюсу» — это, увы, не шутка бестелесного Козьмы Пруткова, а закон, с проявлениями которого, к сожалению, мы встречаемся сегодня на каждом шагу. Отменные профессионалы, но узкие специалисты высокого класса не устают демонстрировать нам и ныне свое полное культурное невежество в собственных речах, в прессе и, в особенности, на телеэкране. Послушайте выступления большинства наших депутатов всех уровней, последите за их поведением, и вы поймете, насколько я прав. Недаром же наши народные избранники столь яро ненавидят тележурналистов.

И еще один пример, уже — в глобальном масштабе. Индия — страна с преобладанием абсолютно неграмотного населения — поражает воображение европейца уровнем осознанной общечеловеческой культуры, хранителем и воспроизводителем которой является не искусство, а — религия. А Соединенные Штаты Америки, где неграмотных едва ли не меньше, чем у нас, где существует схожий с нами культ образования, бьют в глаза открытым пренебрежением к основам культуры, характерным для подавляющего большинства населения. В этой стране европейская культура заменена высокоразвитой цивилизацией, а это — совсем не адекватная замена. Если цивилизация, условно говоря, облегчает жизнь «в пещере», то культура прежде всего делает ее возможной, безопасной и осмысленной в той же самой человеческой «пещере», из которой мы и до сей поры никак не

можем выбраться, испуганно забиваясь в нее при первых же потрясениях основ нашего привычного бытия.

Естественно возникает вопрос, почему это автор, начавший толковать о родословной, вдруг забыл о ней, перейдя к откровенной публицистике. Поверьте, смена жанра — всего-навсего прием, потому что родословная каждого человека начинается с колыбели, а таковой колыбелью для всех людей без всякого исключения является национальная культура.

То есть духовное наполнение жизни, а не просто ее физическое воплощение. Кстати, любовь и ненависть — явления культурного порядка, тогда как секс и злоба — из арсенала животного мира.

Замена общего, философского понятия «культура» на конкретное и весьма упрощенное к тому же понятие «искусство» вынудила ввести в оборот множество прилагательных, помогающих сообразить, что же имеется в виду. Например, в словосочетании «малая родина», которого не знала Россия. И это естественно: понятие «Малая родина» возникает тогда, когда размывается понятие Родины общей. Таковое размывание понятия произошло потому, что феномена Родины искусство объяснить не в состоянии. Ну, в самом деле, может ли существовать понятие «Малой родины» у жителя Лихтенштейна, Люксембурга или княжества Монако? Куда уж дальше-то уменьшать, спрашивается, до квартала, что ли? Для них их крохотные по территории Родины являются ВЕЛИКИМИ и быть иными не могут, потому что Родина — понятие культурное, а не географическое, и величие ее не в масштабах страны, а в культуре населяющих их народов. Но как только мы заменили культуру на искусство, величие переместилось в область литературы, музыки, живописи и т. п., и нам тут же понадобилось уточнение самого слова «родина» с помощью неуклюжего прилагательного «малая», оскорбительного по самому смыслу своему. Но и этого оказалось недостаточно, и появилось еще одно прилагательное, и все по той же причине: «историческая».

Любопытно, что американцы никогда не пользуются этим уточнением, хотя практически для всех граждан, населяющих Новый Свет — кроме индейцев, разумеется — их исторические родины находятся за океаном. А у нас — единственных в мире! — эти уточнения имеют самое широкое хождение и прежде всего — в прессе, как это ни прискорбно. Естественно задать вопрос: откуда же они появились?

А оба родом — из крестьянской земляческой психологии. Тут уж искусство оказалось бессильным: сработала родная околица, она же — «Малая родина». А те, кто вне ее, тех — вон! Пусть ищут

«историческую родину».

Увы, подмена философского понятия понятием конкретным, зримым, видимым или слышанным всеми, а не постигнутым образованным меньшинством даром не проходит. Мы начинаем бормотать, путаться в словах, суетливо придумывать новые… Зачем все это? Вернитесь к старому русскому понятию культуры, поймите, что искусство — всего лишь составляющая этой национальной культуры (да и то далеко не основная), и все встанет на свои места. Но для этого необходимо хотя бы представить себе, что такое национальная культура, КУЛЬТУРА есть отработанная тысячелетиями СИСТЕМА выживания данного народа в целом и каждого человека в частности как в природе, так и в человеческом сообществе. Следование ее постулатам не только придает осмысленность самой человеческой жизни, но и оберегает ее от конфликтов с соплеменниками, а соплеменников — от грозных, зачастую кровавых столкновений с иными человеческими сообществами. Войны — всегда сбой в культурном сосуществовании государств и народов, ярким примером чего служит грязная война в Чечне. Причем же здесь искусство, господа?..

Дописал до этого места, и в Государственной Думе громко заспорили о том, следует ли в новом российском паспорте восстанавливать печально знаменитую графу номер пять: НАЦИОНАЛЬНОСТЬ.

Конечно, можно: мы же идем своим путем, и пред чугунным нашим маршем с недоумением расступаются все иные народы и государства. Ни у кого из них такого пункта нет — даже у Америки с ее воистину Вавилонским столпотворением народов! — а у нас, как говорится, «с собой было». Правда, в России подобной графы в паспорте не существовало, но ведь мы — не Россия, не обманывайтесь. Мы лишь унаследовали название этого государства с величайшей мировой культурой, не сумев при этом перенести в него даже сущность религии: перенесли всего лишь свое — кстати, опять крестьянское — представление о ней, форму, а не содержание. Но ведь под культурой мы ныне разумеем только лишь искусство, а оно ну, никак не в состоянии определить, что такое религия, какова ее роль в человеческом обществе, цели и задачи, а заодно и ее место в государстве в канун третьего тысячелетия. И наша Церковь с мирской суетностью восстанавливает старые храмы и строит новые, не удосужившись даже выяснить, а сколько всего верующих-то осталось на сегодня в нашей стране? Наша православная церковь начала с беспошлинной торговли сигаретами и спиртным (!), а ныне поспешно захватывает землю вместо того, чтобы

захватывать потерянные души людские, в захлебе от жадности так ни разу и не выступив с христианским пастырским осуждением Чеченской бойни. Кого там гнал плетью из Храма Иисус Христос, господа в средневековых рясах?..

Пользуясь то ли смутой, то ли историческим невежеством нашим, Церковь умудрилась возродиться из пепла куда более могущественной, нежели при царе-батюшке. Государь Петр Великий в свое время лишил ее патриаршества, справедливо усмотрев в священническом сане сем опасное для государства бесконтрольное властвование над душами людскими. И в России не было патриарха вплоть до 1918-го года, когда высокий сан сей был восстановлен Декретом Советской власти. Правительство новой России, конституционно провозгласив свободу совести, и не задумалось о том, чтобы вернуться к старым, существовавшим еще при царе органам церковного управления, подтвердив почему-то Декрет Советской власти, подписанный абсолютно с противоположной целью. И мы получили двух формально равнозначных руководителей: одного — над «телом», то есть, Президента, избираемого на точно определенный срок всем населением, другого — над «душою» в лице Патриарха, избираемого пожизненно узким кругом церковных иерархов. И церковь тем самым получила выбор, кому служить: уходящему завтра Главе государства или послезавтра приходящему. А ну, как мы однажды изберем мусульманина или, упаси Боже, иудея, благо, Конституция наша это ПОКА ЕЩЕ дозволяет?..

Это — гипотетическое предположение, не более того. Российский избиратель никогда этого не допустит просто потому, что рассматривает принадлежность к православной вере точно так же, как при Советской власти рассматривал членство в Коммунистической партии. Недаром все высшие наши руководители, еще вчера бывшие неистовыми атеистами, вдруг стали почти истово верующими, поскольку при гарантированной Конституцией свободе совести добровольно посещают храмы во время праздничных служб, застенчиво тиская церковные свечечки в руках. Церковные иерархи всех степеней освящают уже не только собственные церкви да часовни, но и вполне гражданские сооружения вроде кораблей (в том числе и боевых), государственные памятники и детские приюты. Религия уже проникает в школы не в виде истории, которую необходимо знать каждому, но в облике все того же попа с ведерком и мокрой метелкой: это же прямое нарушение Конституции, поскольку свободу совести завтрашних граждан России опять решают без их участия! Наконец, самое вопиющее. Православная церковь энергично выступила против Конституции открыто и гласно,

заставив-таки Президента утвердить Думский закон о свободе конфессий, удививший весь мир своим средневековым перечнем не допущенных к служению единому Господу конфессий и сект. Точнее — к государственному пирогу, поскольку именно этим руководствовались вчерашние яростные безбожники с депутатскими значками и их вдохновители с панагиями на груди.

А свободная и молодецки задорная журналистика наша помалкивает в тряпочку. Ах, уж лучше помалкивала бы, ей-богу, а то ведь без тени сомнения — о юморе уж и не говорю — но с пафосом даже вещает с телеэкранов о годовщинах различных чудес. То, видите ли, Тамерлан отказался от нашествия на Русь не потому, оказывается, что встретил ожесточенное сопротивление приволжских народов, а потому, что того пожелала икона Божьей Матери. Впрочем, тоже самое говорили и о Батые, не пошедшем на Новгород потому-де, что Божиим помыслом остановлен был и повернут уничтожать жителей Козельска вместо новгородцев: великая милость, неправда ли? И так далее, и я уж жду, что завтра-послезавтра мне объяснят, что и Наполеона-то разгромила икона Божьей Матери Смоленской, а совсем не мужество солдат и офицеров да гений Кутузова.

Ну, а моей колыбелью к великому счастью оказалась Россия, хотя я всю жизнь прожил в ином царстве-государстве, именуемом Союзом Советских Социалистических республик. И очень долго отмывал душу свою от липкой грязи лжи, возведенной в государственную форму общения, но так и не сумел до конца смыть с себя ее сальные пятна.

Случилось так, что я, правоверный комсомолец и бездеятельный коммунист со стажем почти в сорок лет, к старости ощутил себя скорее человеком конца прошлого столетия, нежели столетия нынешнего. Культурные ценности, определяющие как мировоззрение, так и поведение каждого человека, оказались вовсе не советскими, а русскими ценностями, точно воспитывался я доброе столетие назад. И здесь главную роль сыграл отнюдь не пересмотр собственных позиций. И не крах коммунистического режима, на наших глазах превратившийся в режим полукриминальный, как только восчувствовала правящая бюрократия крушение силовых балок, на которых, как доказал сам горький опыт наш, только и держалась советская власть. Главную роль сыграло стечение исторических причин и обстоятельств.

Культура не наследуется последующими поколениями, такого гена не существует, и прекрасная сказка о Маугли есть гениальное открытие и строгое предупреждение человечеству: не отдавайте младенчество в лапы волков, пантер и медведей, если

не хотите получить волков, пантер и медведей в человеческом облике. В жизни любого младенца, будь то человеческое дитя или звереныш, существует отрезок, в котором срабатывает всеобщий закон природы, заставляющий малое существо, еще не способное ничего запоминать, отпечатывать в коре головного мозга образ, которому необходимо подражать, чтобы выжить. Явление это, открытое в тридцатых годах Лауреатом Нобелевской премии Конрадом Лоренцом, называется «импринтингом». На нем основывается передача основной первичной информации поколений не только в природе, но и в человеческом обществе.

Мне выпало созвездие счастья. Во-первых, меня трепетно желали и еще более трепетно ждали мои родители, оторванные друг от друга бесконечной гражданской войной. Во-вторых, мне повезло родиться в семье, где никогда не повышали голоса, никогда не позволяли себе дурного настроения в присутствии кого бы то ни было, будь то родные или посторонние (уж не поминаю о том, что не ругались: мама за всю жизнь не произнесла даже слова «дурак», а самым страшным ругательством отца было слово «шляпа»). В-третьих, в семье никто не пил не только водки, но и вина: считанные рюмки отец начал позволять себе только после войны — со мною вместе, кстати. А теперь представьте, что без любви («с помощью секса») зачатого младенца не просто не хотят, но впадают от него в громкий, истерический ужас, постоянно со слезами повторяют, что от него необходимо избавиться (а ведь он уже существует, он ВСЕ СЛЫШИТ!); мало того, от него начинают избавляться доморощенными женскими хитростями. Его не только не ждут, его заранее ненавидят, как нарушителя покойной и беззаботной жизни, а он — рождается. Ощущаете разницу: родиться при трепетном ожидании или родиться ВОПРЕКИ? Появиться на свет в атмосфере истерии, ругани, слез, а то и пьянства с мордобоем, которые проходят сквозь все хрупкое и беззащитное детство его? Какой пример запомнит он на всю жизнь в качестве образца, которому необходимо (импринтинг!) следовать? А он непременно запомнит, поскольку это — всеобщий закон природы, и ничто не властно его отменить или подправить.

Законы воспитания, которые тысячелетиями вырабатывает каждая нация, созданы культурой, а совсем не искусством. Искусство способно предложить лишь примеры, но никак не законы. Не для этого оно существует, не его это роль в человеческом сообществе.

От младенца ничего не зависит. Ни выбор родителей, ни дата рождения, ни место его появления на свет, ни национальность. Ее лучше всех определил Даль: «На каком языке человек думает, той

национальности он и принадлежит». Кроме того, существует система устойчивого поведения, национальных и исторических привычек, которая называется менталитетом. К примеру, русский считает, собирая пальцы в кулак: «Раз, два…» и так далее, а, скажем, американец для счета выбрасывает их из кулака. Русский никогда не станет рассматривать подарок, врученный ему на дне рождения в присутствии гостей, тогда как европеец непременно откроет этот подарок, чтобы выразить свой восторг, даже если он его при этом и не испытывает. Наконец, вы выпиваем ДО ЕДЫ, тогда как все народы делают это на десерт. Ну и к чему вам запись в паспорте, подтверждающая вашу национальность, когда и так всем ясно, кто вы такой? Вот почему все страны мира отказались от фиксации национальности в паспорте. Все — кроме нас. Поздравляю, дорогие соотечественники, мы — позади планеты всей, но зато — «своим путем».

Все зависит только от родителей. Не от их социального статуса или имущественного ценза, не от политической системы, ни тем паче — от правительства. В бедных неграмотных семьях процент психологически здоровых детей нисколько не меньше, чем в семьях богатых и образованных, чему свидетельством сама история России, в которой крестьянская нравственность всегда была выше, строже и прочнее нравственности дворянской.

Европейская система воспитания подрастающего поколения, а, следовательно, и наша, поскольку мы — из одного гнезда — всегда начинается с запретов. С табу. «Нельзя» — первое понятие, которое по этой системе должен усвоить ребенок. Нельзя капризничать, приставать к взрослым, поздно ложиться спать и непременнейшим образом спрашивать позволения на все свои желания: можно ли выйти из-за стола, пойти гулять, взять лакомство или что бы то ни было, не принадлежащее лично ему. Мне, например, категорически запрещалось ложиться спать позже половины десятого, есть и пить между завтраком и обедом, обедом и ужином и т. п., и я до сей поры следую этим табу. Это — просто пример, потому что запретов было куда больше, чем дозволений. Строгий отбор книг для чтения, фильмов, спектаклей. Категорически запрещалось влезать в разговор взрослых, а в идеале — не присутствовать при нем, но это было сложно, поскольку я всю жизнь прожил в чудовищной тесноте.

Уж не говорю об элементарной вежливости: «доброе утро», «спасибо», «спокойной ночи». Это не просто проявление уважения — это прежде всего воспитание самодисциплины, а тем самым и воли, приучающей от младых ногтей жить не по принципу «Я ХОЧУ», а по принципу «Я ДОЛЖЕН».

Обязан через «Не могу», «Не хочу», «Не желаю».

ГРАД КИТЕЖ

Я родился в этом городе, когда он еще не исчез в пучине мути, поднятой революцией и гражданской войной, кровавым террором победившей культуры, унитожением дворянства и крестьянства, коллективизацией и индустриализацией, новым Крепостным правом и чиновничьим самовластным управлением, Великой Отечественной войной и постсталинским бессмысленным существованием. Точнее, утратой общенародного смысла существования, который сплачивает нацию прочнее любых партийных основ.

Спору нет, Хрущевская оттепель была остро необходима нам, загнанным в угол террором. Однако следует признать, что этот террор силой и страхом вбил в массы некую общенародную идею, столь же недостижимую, как вековечная мечта о Беловодьи, во имя поисков которого снимались когда-то целые села с мест. И брели в надежде, что должна же она существовать где — то, эта земля справедливости без угнетения и крапивного чиновничьего семени. С крушением внушенной Сталиным и его присными идеи построения этого самого Беловодья здесь, на месте, своими силами, в душах и головах образовалась пустота. Эту пустоту попытались тут же занять идейкой о непобедимости в грядущей войне, ради которой и следует потерпеть, потому что уж тогда, когда победим…

И начался поиск врага. Жирного, с золотым оскалом и богатого немыслимо, потому что с точки зрения нормального всемирного обывателя только такие бессовестные типы способны много награбить, не теряя при этом жажды грабить и впредь. Лучше всего на эту роль всемирного злодея подходили Соединенные Штаты Америки, и на многочисленных карикатурах, без которых не обходилась ни одна газета, у жирного буржуина тут же появился американский флаг на цилиндре.

Русский народ не только ленив и нелюбопытен (Пушкин), но и наивен до умиления. Он — верит сразу, без тени сомнения. А потому и не лезет в Энциклопедию, чтобы узнать, с чего это американцы такие кровожадные. А они такие же, как все прочие страны. То есть, блюдут прежде всего свои интересы, и правильно делают.

Так идея построения счастья в собственной стране была подменена идеей построения счастья за счет какого-то побежденного народа. Опыт, доступный массовому пониманию, уже был: мы хорошо пограбили Германию. И если государственные претензии не подлежат обсуждению, поскольку

шли в зачет репараций, то частное мародерство в брошенных домах и квартирах (о неброшенных — умолчим) не пресекалось командованием никогда.

Из побежденной Германии тащили все, что могли упереть. Первая квартира, полученная отцом в военном городке на Хорошевке, в которой я жил с 46 года, была обставлена старой, немыслимо ломаной германской мебелью, награбленной запасливыми интендантами. В деревне Брюковка Пензенской области, куда к своим родителям меня привез мой друг капитан Челухин, все стены в избе его отца были утыканы вилками с немецкой маркой. Это уже прихватил сам Челухин в подарок родителям, которые использовали эти вилки в качестве гвоздей. На них висели бечевки и ремешки, старый хомут для несуществующей лошади и прочая крестьянская мелочевка.

Однако приручeнный к идее советский человек без оной существовать уже не мог. Свято место пусто не бывает, и место кабинетной фантазии о государстве всеобщей справедливости заняла идея о государстве, в котором на справедливость могут претендовать только жители коренной национальности. Таковыми являлись русские, а потому национализм вскоре стал приобретать пугающие черты.

Россия никогда не унижалась до национализма. При всех ее странностях и нечеткостях во внутренней политике, ее правящая дворянская элита была далека от узколобого национализма. Не только потому, что дворянская культура, по канонам которой жила вся Россия до большевистской оккупации, была подчеркнуто интернациональной, а еще и потому, что национализм чересчур уж элементарен для высокоразвитой культуры. Он не предусматривает ни размышлений, ни выбора: коли ты родился русским, так это и есть твой партийный билет. Именно поэтому Герцен и сказал как-то, что «национализм — последнее убежище негодяев».

Так постепенно после войны начал разрушаться тонкий, но все же сохранявшийся пласт русской культуры. Тому способствовало и то обстоятельство, что огромные потери нашей армии вынудили руководство снизить образовательный ценз в военных училищах, который до войны был на уровне 9-классного образования. Его сделали 7-летним, и в армию в огромном количестве пошли юноши из села. Они были мужественными, преданными и отважными воинами, но но отнюдь не воспитателями, а армия после окончания войны требовала нового подхода хотя бы по перечисленным выше причинам. Это прошло мимо офицерского состава, в армии стала процветать дедовщина, уклонение от службы, кулачная дисциплина и — как результат —

армия, которой гордились, стала пугающе чужой для более или менее интеллигентных юношей. К чему это привело, известно каждому: девичьи глазки отвернулись от офицеров, а вместе с ними отвернулась и народная любовь.

Последним этом ряду следует поставить дискредитацию боевых наград. Она началась с невероятной любви Брежнева к орденам, который получил все высшие награды, в том числе и орден Победы, хотя никогда не являлся боевым офицером. А закончилась раздачей особо уважаемого фронтовиками ордена Отечественной Войны, статус которой непременно предусматривал непосредственное участие в боевых действиях, всем подряд участникам войны, которые служили в армии. Просто служили, и все. И более от них ничего не требовалось.

Затем начался период войн, странных своей необязательностью и бессмысленностью. Сначала мы развязали войну в Афганистане, исходя из каких-то геополитических соображений, в результате чего, растеряв и покалечив целое поколение, так ничего и не добились, если, конечно, не считать движения талибов, которое переросло в движение террористическое. Затем мы — дважды! — ринулись усмирять Чеченскую республику (это называлось в первый раз «наведением конституционного порядка», а во второй — «борьбой с незаконными бандформированиями»). Усмиряем и до сей поры, и неизвестно, сколько времени будем еще заниматься этим.

Так сокрушались остатки нашей нравственности, в которую включается и понятие родной истории.

А причем же здесь город-герой Смоленск?..

При том, что захлебнулся он в мутных потоках лжи, террора, бессмыслицы и общей для всей сегодняшней России равнодушной безнравственности, существующей на уголовном принципе «Умри ты сегодня, а я — завтра».

Мне повезло. Я застал Смоленск еще тем провинциальным центром вежливости и внутреннего достоинства, общего дружелюбия и интернационализма, старых форм и старого содержания, соответствующего этим формам. И мне просто необходимо рассказать и каким он был, и каким он стал. И здесь мало одной истории, хотя без нее, увы, не обойтись.

С нее и начнем.

Я не знаю в России ни одного древнего города, в названии которого так точно отражалось бы и основное занятие его жителей, и аромат его сосновых боров, и сам смысл основания этого города на Великом торговом пути «Из Варяг в Греки»., кроме моего родного Смоленска. После долгих мучительных волоков здесь смолились суда, здесь перегружались они на более

крупные (учаны), здесь располагались склады и здесь же отдыхали купцы и кормчие.

Удобная гавань располагалась в устье притока Днепра Смядыни, исчезнувшей еще в конце 19 века. Тогда на месте ее впадения в Днепр стояла часовенка, отмечавшая место убийства князя Глеба.

Может быть, я бы не писал с таким трепетом о древнем Смоленске, если бы не родился в нем на Покровской горе. Место рождения занимает совершенно особое, ни с чем более несравнимое значение в становлении человека, и я свято убежден, что не стал бы писателем, если бы в нем не родился.

Ну, кто встречал отца внизу, у калитки, когда он возвращался со службы вместе с ординарцем? Ординарец слезал с седла, сажал меня в свое седло и вел коня под уздцы Наверх, к маленькому, на три комнаты домику в середине Покровской горы? Кто вместе с ним ходил вечером за водой к раздаточной колонке, где воду раздавали по талонам? Он брал три ведра и коромысло, а дойдя до колонки, поднимал меня, чтобы я сам подал в окошко талончик. А талончик принимала белая ручная крыса без хвоста и старательно передними лапками накалывала талончик на специально предназначенный для этой цели гвоздик.

Наискосок от нашего дома рос огромный дуб. У нас была фотография, на которой были видны его ветви, осеняющие дом. А вокруг дома был сад, в котором росли яблони, кусты крыжовника и смородины и две старых груши. Они уже одичали, но мы собирали их и рассыпали по чердаку под соломой. Там они съеживались и становились сладкими с чуть заметной горчинкой. Я любил их есть, сидя на чердаке. Особенно, когда отец — правда, не часто — давал мне свой полевой бинокль. Я ел груши, рассматривал окрестности и мне было на редкость хорошо и уютно. Только однажды, спускаясь по лестнице, зацепился за ржавый гвоздь и распорол палец. Я долго и очень старательно зализывал его, остановил кровь, но палец все равно решил нарывать. Мне было очень больно, но дядя Карл, который выдавал воду по талонам, подарил мне в утешение свою ручную белую крысу без хвоста.

К тому времени я уже прочел сказку Киплинга о мангусте, почему и нарек своего нового друга Рики (у Киплинга — «Рики-тики-тави»). Мы ели с ней вместе, и мама ставила Рики блюдечко рядом. Рики старательно умывалась перед едой, ела очень аккуратно, и мама всегда ставила ее в пример, как нужно вести себя за столом. А потом меня отправили в именье деда Высокое, и я расстался с моей Рики. Когда вернулся в Смоленск, она уже куда-то ушла. Может быть, искать меня.

Вот эта потеря меня очень огорчила, я даже искал мою Рики по окрестным оврагам, но, увы, не нашел. А потеря костяного ножа для разрезания страниц книги, который мне повезло обнаружить под полом нашей крошечной веранды, меня как-то не огорчала, потому что я полагал, что вещи не знают своих хозяев, а потому и склонны пропадать так же легко, как и находиться вдруг.

Вскоре отца перевели в штаб Белорусского Военного Округа, который располагался в центре Крепости на Козьей горе. Место работы оказалось на другой стороне города, и мои родители решили обменять наш собственный домик на какую-либо квартиру в центре. И мы переехали в Крепость на улицу Декабристов дом 2 дробь 61. Совсем рядом в бывшей синагогой, в которой устроили кинотеатр «Пятнадцатый», и — Крепостью, поскольку улица Декабристов ныряла в Никольские ворота.

НЕЗАБУДКИ НА МИННОМ ПОЛЕ

Мне в жизни сказочно повезло. Я не умер от тифа в 34-м, не погиб в окружении в 41-м, парашют мой раскрылся на всех моих семи десантных прыжках, а в последнем, боевом, под Вязьмой, я нарвался на минную растяжку, но на теле не оказалось даже царапины. Просто швырнуло на мерзлую землю, я оглох, ослеп и очумел настолько, что не помню, как меня вывезли. Но, как потом выяснилось, это было всего лишь мальчишеское везенье, а настоящее счастье ожидало впереди. Я в это верил и стал счастливым. Счастливым в нашем, русском Двадцатом веке — это, ребята, дорогого стоит.

Как я умудрился сдать экзамены в Академию Бронетанковых и Механизированных войск, закончив всего 9 классов и даже не подозревая о биноме Ньютона, это тоже, вероятно, из области везения. Но — умудрился, хотя сдавал в Костроме, в госпитале. Поэтому объявился на первом курсе с опозданием на два месяца. В ноябре 1943-го года. И обалдел в первый же день. На нашем курсе — единственном в Академии! — учились девочки. Частью из фронтовичек, но в основном — из вчерашних школьниц, успешно сдавших конкурсные экзамены. Они все ходили в военной форме, дружно хохотали по каждому поводу и были недосягаемо, сказочно прекрасны. А мне было девятнадцать, и я еще не разучился смотреть на всех девчонок разом.

Правда, одну вскоре выделил: этакий колобок в длинной гимнастерке, стоявший на самом левом фланге во время курсовых построений. Собственно, не столько я ее выделил, сколько майор с обожженным лицом. Нас повезли знакомить с новой техникой — со знаменитой СУ-100. Познакомили и снаружи, и внутри, а потом решили показать, как она стреляет, и майор вызвал рядовую Зорю Поляк. Зоря сказала: «Есть!», взобралась на самоходку, залезла в люк и, как положено, закрыла его за собою. Долго целилась, а потом — пальнула. Самоходка отрывисто рявкнула, подпрыгнула, люк открылся, из него повалил дым, а следом появилась рядовая и еще не обученная Поляк.

Строй дружно грохнул от хохота: Зоря от волнения забыла включить вентилятор, пороховые газы превратили ее в негритянку, а над бровью оказался синяк, поскольку стрелок неплотно прижался к прицелу. И Зоря хохотала вместе со всеми. Не только потому, что тогда ей еще не исполнилось восемнадцати. Просто она никогда не боялась быть смешной.

С летней сессией я справлялся, пока не заболел, почему и не сдал физику вовремя. Экзамен отложили, но это не освобождало

от службы. Я оказался дежурным по общежитию, а дневальным ко мне попала самая маленькая из наших слушательниц, рядовая Зоря Поляк. Единственный Ворошиловский стипендиат на курсе.

— Ты готовишься к экзамену? — спросила Зоря, когда мы вдосталь поболтали о Грине, Паустовском, Блоке и Есенине.

— Зачем? — нахально удивился я. — Пятерка мне и так обеспечена.

И показал своей дневальной билет по физике, который для меня сперли на экзамене заботливые друзья. Боже, что тут началось! Зорька вскочила, одернула гимнастерку, стала алой, будто рак из кипятка, и звенящим от негодования голосом…

— В то время, как наша Родина, истекая кровью, отбивается от фашистских орд, когда ее лучшие сыновья и дочери гибнут на полях сражений…

Ну, и так далее. Я тоже встал, тоже одернул гимнастерку и порвал грешно доставшийся мне билет по физике.

Экзамен я провалил с треском, за что и лишился представления к офицерскому званию, оставшись единственным старшим сержантом на курсе: все вчерашние школьницы стали младшими лейтенантами. Получил выговор по линии командования и общее собрание по линии комсомола. Там меня громили, требуя, как минимум, строгача, пока слово не взяла круглая отличница, младший лейтенант Зоря Поляк.

— Васильев сдаст экзамен по физике. Я ручаюсь за него и даю общему собранию честное комсомольское слово.

И мы начали заниматься. Каждый день после лекций. Зоря была сурова, как айсберг. Сдвинув маленькие бровки, она гоняла меня по курсу физики вдоль и поперек. И так продолжалось до рокового дня переэкзаменовки. Экзамен принимал доцент Фурдуев, и я оказался один на один с самым ироничным преподавателем академии. Взял билет, сел готовиться. А когда робко доложил, что готов к ответу, он спросил, не отрываясь от какой-то книги:

— Кто тебе помогал готовиться?

— Младший лейтенант Поляк.

— Позови ее.

Я позвал своего наставника, ожидавшего в коридоре, не успев сказать, что Фурдуев ни о чем меня еще не спрашивал. Зоря вошла, представилась и замерла у порога.

— Ты лучше меня разобралась в знаниях Васильева. Как по — твоему, какой оценки он заслуживает?

— Если подходить с общими мерками, то четыре, — не задумываясь, ответила Зоря. — Если объективно, на крепкую тройку.

Фурдуев поставил мне четверку, так ни о чем и не спросив, а мы с Зоренькой стали друзьями. Ходили в Консерваторию, в музеи, в театры, если удавалось достать хотя бы входные билеты. А по воскресеньям — в МГУ на открытые лекции по литературе. И ни разу не поцеловались. Просто держались за руки, и нам было хорошо.

А на лекциях обменивались бесконечными записками. Впрочем, так поступали на курсе многие, потому что у нас были девушки. Но я составлял кроссворды всю первую пару, отдавал Зоре, и она решала их на второй паре.

В 45-м, сразу после войны, наш курс выехал в лагеря на озеро Сенеж. Нас разместили в четырехместных палатках, и начались ученья. Кроме основ тактики, стрельбы и многого иного, мы обязаны были сдать на права вождения автомашины, мотоцикла и танка. А для тех, кто не умел ездить на велосипеде, требовалось вначале освоить этот вид транспорта. Зоря не умела, и мы начали «осваивать». А когда Зоря самостоятельно сделала два круга по плацу, подошло и 3-е сентября: день победы над Японией. Он был объявлен праздничным, и желающим разрешили съездить в Москву с условием вернуться к вечерней поверке. Мы тут же выехали, но, как водится, задержались и еле-еле успели на последний поезд. На другой день мы получили выволочку от начальства, но нам все равно было хорошо…

В лагере мы впервые поцеловались и решили пожениться. Сдали последний экзамен и поехали «регистрировать» нашу любовь. Мы — естественно, в военной форме — ехали на трамвае, причем я висел на поручнях, протолкнув Зореньку в тамбур. И больше никого с нами не было, кроме старой нищенки у входа в ЗАГС, которая щедро одаривала нас крестными знамениями. И нам было хорошо.

В том же году наш курс выехал на практику в Ленинград, на Кировский завод. В Ленинграде было голодно, нас кормили трижды в день проросшей пшеницей с сахаром. Завод выпускал тяжелые самоходки. Как-то нам с Зорей выпало счастье выехать на испытания. Самоходки испытывали на Пулковских высотах, и мы гордо ехали через город на бронированном чудовище. На линии Ленинградской обороны все осталось, как было в войну: заплывшие окопы, заросшие блиндажи, колючая проволока, земля, сплошь усеянная осколками. Нас ссадили в какой-то низинке и велели ждать.

И тут я увидел незабудки. Пока Зоря разглядывала вчерашнее поле тяжелейших боев, я перешагнул через проржавевшую колючую проволоку и направился прямехонько к незабудкам. И уже набрал букетик, когда вдруг увидел минную растяжку.

Проследил глазами и заметил мину, к которой она вела. И понял, что меня занесло на не разминированный участок обороны. Осторожно развернулся к юной жене, а она оказалась передо мною. Лицом к лицу.

— Мины.

— Я знаю. Боялась кричать, чтобы ты не бросился ко мне. Сейчас мы осторожно поменяемся местами, и ты пойдешь за мной. Шаг в шаг.

— Первым пойду я.

— Нет, ты пойдешь за мной. Я вижу лучше тебя.

Говорили мы почему-то очень тихо, но лейтенант Васильева говорила так, что спорить было бессмысленно. И мы пошли. Шаг в шаг. И — вышли.

С той поры я часто попадал на минные поля. В январе 1953-го, когда отказался сделать доклад о заговоре «убийц в белых халатах», и только смерть Сталина спасла меня от лагерей. Потом в Москве, когда спектакль ЦТСА по моей первой пьесе «Офицер» был запрещен Политуправлением СА без объяснения причин, и мы десять лет жили на Зорину зарплату в 86 рублей, пока я не написал «А зори здесь тихие…». И еще множество раз. Вот уже 56 лет я иду по минному полю нашей жизни за Зориной спиной. И я безмерно счастлив, потому что иду за своей любовью. Шаг в шаг.

ВКУСИВШИ ПЛОДА…

Кому — как, а ко мне первое познание пришло с возрастом. А первое познание, за которым, как известно, немедленно последовало суровое изгнание из Рая, Библия описывает так:

> «И открылись глаза у них обоих, и узнали они, что наги, и сшили смоковные листья, и сделали себе опоясание».
>
> *(Глава 3, стих 7).*

И я постепенно, по капелькам познавал, что наг есмь, что стыд существует не только за собственную наготу, но прежде всего за наготу других, и что именно это чувство — чувство непереносимого стыда за других — Библия и поставила во главу угла всей человеческой нравственности. С возрастом количество перешло в качество, и ныне я испытываю мучительное чувство стыда не только за себя, но и за других. Глаза мои открылись: я понял всю тяжесть существования вне животного облика личности и вне животного образа жизни.

Мне стыдно за все, вольно или невольно сотворенные мною грехи. От этого мучительного стыда я просыпаюсь среди ночи и долго не могу уснуть.

Мне стыдно, что я давно не посещал могил моих родных и близких. Не стоял над ними в безмолвии, уйдя в воспоминания о тех, кого уже нет. И, отрешившись от суеты земной, не прикасался к их по-советски коллективному надгробью.

Мне стыдно, что я редко звоню своей сестре. Больному старому человеку, так и не нашедшему успокоения в сердце своем.

Мне стыдно, что я бессовестно долго не звонил учителям своим, наставившим и благословившим меня на горнюю стезю русской литературы.

Потом я нашел в себе силы, я позвонил и повинился, я послал им свою последнюю работу, которой они остались довольны. Я покаялся пред ними, но мне не стало легче, потому что я не покаялся во всем том, в чем был и не был виноват.

Мне стыдно перед моей больной, старой собакой. Да, дни ее были сочтены, а предстоящая смерть — длинна и мучительна. Но кто, кто дал мне право распоряжаться судьбою верного, преданного и любящего меня друга? Я до сей поры помню ее все понимающий взгляд, когда последний раз потрепал ее по

загривку…

Мне стыдно за нашу армию. За раздавленных 9-го апреля 1989 года девочек и женщин в Тбилиси. Егор Яковлев, Александр Гельман и я прощались с ними в день их похорон, и боль, которую я тогда испытал, не отпустит меня до последнего вздоха.

Мне до боли стыдно за нашу Государственную Думу. Стыдно за всех, может быть, за исключением одного лишь Иосифа Кобзона, свершившего поступок, достойный интеллигентного и принципиального человека. Дума сознательно и последовательно разрушает Россию, исходя из партийных, то есть, прежде всего — корыстных интересов.

Мне мучительно стыдно за то, что мы натворили в Чечне. Стыдно перед всем ее народом, потому что нет на свете плохих народов — есть лишь плохие правители.

Мне стыдно смотреть в глаза матерям, русским и нерусским, потерявшим своих сынов на той, позорной для России Чеченской войне, на иных войнах и — особенно — в мирные дни. Простите меня, если можете. Ради Бога, простите.

Мне, сыну офицера, надевшему военную форму в семнадцать лет, стыдно за наших генералов. Стыдно за их матерщину, антисемитизм, грубость, недалекость, ура-патриотическое шапкозакидательство. Стыдно за их пренебрежительное отношение к солдатам и офицерам, за их мелочное и немелочное воровство. Стыдно за то, что они носят форму армии, разгромившей фашистскую Германию.

Мне больно и стыдно за непохороненных солдат, погибших как на Великой Отечественной, так и в малопочтенной Чеченской. Павший в бою солдат всегда выше, достойнее и благороднее любого генерала.

Мне стыдно за то, что мы — все мы, не только правители наши! — вспоминаем о чудом выживших солдатах Великой Отечественной только в День Победы. Я — с вами, солдаты! С вами, последние мои однополчане. С вами — до конца.

Мне стыдно за моего Президента. Я дважды с открытым сердцем голосовал за него, но совесть не позволяет мне промолчать. Я ни в чем его не обвиняю, кроме принципиального пренебрежения к собственному президентскому слову. И когда он, как то было с Немцовым и Кириенко, кому-то обещает, что не расстанется с ним до конца собственного президентства, я уже не верю его словам. Я знаю, что он, то ли под влиянием утреннего дурного настроения, то ли из-за собственных просчетов, уволит именно этого человека в первую очередь.

Мне стыдно за наших демократов, разменявших энтузиазм конца восьмидесятых на амбициозные, узкогрупповые интересы.

Это ведь по их вине в России нет единого Народного фронта борьбы против вчерашнего коммунистического мракобесия и мракобесия сегодняшнего. Баркашовско-патриотического.

Мне стыдно за правительство, накачивающее деньги в дырявый бюджет с помощью дешевой водки в наполовину спившейся стране.

Мне очень стыдно за наше телевидение, так и не определившее для себя иных задач, кроме чисто коммерческих и тошнотворно развлекательных.

Я испытываю глубокий стыд перед нашими женщинами, обреченными видеть спивающихся мужей и сынов, выкраивать считанные гроши из семейного кошелька и слушать бесконечную грязную брань.

Мне стыдно за наших детей, лишенных детства, а зачастую и матери с отцом. Я заставляю себя смотреть в их горькие, недетские глаза, то и дело глядящие с экранов телевизора в мою душу.

Мне мучительно больно и невыносимо стыдно заканчивать свою жизнь в стране, с матом и гоготом пропивающей собственную великую культуру. Мы звереем и опускаемся все ниже и ниже, уже прочно забыв, что существуют понятия нравственности и порядочности, стыда и совести, долга и чести.

Я отсчитываю последние дни до собственного семидесятипятилетия спазмами собственного сердца. Но я верю в завтрашний день России. Верю, что кому-нибудь постучится в душу совесть, как постучалась ко мне. Верю, что к прозревшим единицам прибавятся десятки, а к десяткам — тысячи, и мы — завтра, завтра! — поймем, наконец, что свое величие Россия опирала не на атомные бомбы, а на могучий талант нашего народа, подкрепленный столь же могучей нравственностью. И на равных вернемся туда, откуда насильственно, с великой болью и кровью вырвала нас Советская власть. В Европу.

Опомнись, пьяная, побирающаяся, матерящаяся, в полсилы работающая Россия. Я знаю, ты неповинна в бедах своих. Зверски изнасилованная, оплеванная, разутая и раздетая большевиками душа твоя надломилась под тяжестью жертв, принесенных тобою на алтарь безумной идеи. Мы до оскомины вкусили с Древа Коммунистического познания Добра и Зла. Пора уходить из Коммунистического рая в нормальную жизнь, и я, старый русский писатель, заклинаю тебя сделать наконец-то этот последний, решающий шаг.

Хватит демонстрировать всему миру бесстыдную наготу своей хмельной души. С этого Завета началась жизнь человеческая. Вторым Заветом был долг: трудиться в поте лица

своего ради хлеба насущного.

НЕ ПОКАЯВШИСЬ, НЕ СПАСЕШЬСЯ

Лет десять тому назад меня посетил американский корреспондент. И вскоре после завязавшегося разговора — разумеется, через переводчика — на мой вопрос, что его больше всего удивило в Москве, сказал:

— Кладбище на Красной площади. Мне сказали, что там хоронят особо важных персон. Разве люди не равны пред лицом Господа?

Тогда я залопотал что-то беспомощно-советское. У вас, мол, негров вешают. Но теперь. Теперь соглашусь. Да, пред Богом все равны, но нет равных пред Антихристом.

Кладбище в центре столицы и, в особенности, иссохшая мумия последнего фараона, выставленная для поклонения рабов, это — символ.

Символ торжества отрицания, торжества смерти. Гражданская война, закабаление крестьянства, антирелигиозная истерия, раковая сыпь концлагерей унесли из России 68 миллионов жизней. Прибавьте к этому сорок миллионов не родившихся детей. Такого жертвоприношения не знал ни один народ в мире за всю историю человечества.

А ведь ритуал смерти обесценивает жизнь. Радость ее заменяется исступленным неистовством гибели. Вспомните русских раскольников, сжигавших себя вместе с детьми и женами в избах, молодогвардейцев Краснодона или современных камикадзе в Израиле, Чечне, Афганистане. Это — фанатики идеи, а уж религиозная она или социальная, в данном случае неважно.

Важно, что Советская власть целенаправленно лишала нас основополагающих нравственных критериев. Не убий, не укради, не лги. Товарищ маузер вместо мандата, а общее собрание сельчан вместо суда — вот, что нас ожидало. Сколько тысяч бессудных ссыльных крестьян отправились в лагеря, на смерть и муки, сегодня уже забыто. Мы не любим собственной истории. Мы боимся ее какими-то таинственными узлами генетической памяти. Или — совести. Потому что большинство ныне живущих потомки тех, кто расстреливал. Расстрелянные детей не рожают.

Только ведь посеянное — всходит. И взошло сегодня на заплеванной, загаженной почве бывшего государства рабочих и крестьян. Что же укоренилось на этой почве? Хладнокровные убийства, хладнокровный грабеж, хладнокровный цинизм и хладнокровная ложь. Как выяснилось, Истории, а не Богу, дано отмщение за океан безвинно пролитой крови.

Жизнь человека сегодня — куда дешевле его похорон. От

нескольких десятков долларов до нескольких тысяч — в зависимости от веса дичи. И появились прекрасно вооруженные и прекрасно стреляющие специалисты по отстрелам. Их щедро поставляет безумная и бессмысленная война в Чечне. Там ставится рука и отнимается нравственность, поскольку убийство не наказуемо. А Россия спивается, приступы пьяной злобы все чаще охватывают собутыльников, и по числу бытовых преступлений мы впереди планеты всей.

А у тех, кто еще не пропил собственной совести, одна мечта. Унести ноги из этой страны. Хоть в Замбию, хоть в Намибию, хоть на Маркизовы острова. И нормально жить, нормально работая.

Живем за счет внуков и правнуков. Все, все решительно, в том числе и государство, живут за счет сырья. Нефть, руда, редкие металлы, лес, рыба, икра, крабы — даже чернозем. Уссурийские «Кожаные чулки» отстреливают тигров с радиомаяками на ошейниках, алтайские — снежных барсов, кто-то бобров, ондатр, выдр, сайгаков, оленей ради кровавых пант. Дальневосточная рыба сейнерами идет в Японию вместе с крабами и морской капустой, красная волжская перехватывается перед нерестом только ради икры. Такого грабежа природных ресурсов Россия еще не знала. Мы живем одним днем, у нас нет завтрашней жизни, есть только миг да водки море разливанное.

Такое состояние общества характерно для смутных времен. Когда народ теряет смысл существования, а власть становится представляющей таковую.

Десять лет мы топчемся на месте. Выбираем, голосуем, принимаем законы, а воз и ныне там. Это — видимость государства, а бессмысленная война в Чечне — мультипликация былого могущества вместе с лоснящимися ликами генералов. И не сдвинемся с места, пока окончательно не разворуем собственной страны.

Нас держат мертвецы у Кремлевской стены всероссийского плача. Мы не отреклись от их кровавых деяний, мы не объявили ни собственному народу, ни всему миру, что этот путь отныне нами закрыт навсегда. Так сделала Германия, Италия, Япония, но мы и здесь пошли своей торной тропинкой.

Мы не покаялись, а потому и не спаслись. Только Покаяние могуче — все остальное есть слабость. Наша держава велика лишь своими размерами.

Динозавры вымирают куда быстрее, чем все прочие живые существа… Уж слишком они малоподвижны для сегодняшнего дня.

notes

Примечания

1

Россия: Четыре книги бытия, стр. 65–98, сожалею данный текст недоступен буду благодарен если у Вас есть текст пришлите на geka.pat@yandex.ru

2

Евангегелие от Иосифа, или Вера — Надежда — Ненависть, стр. 112–132, сожалею данный текст недоступен буду благодарен если у Вас есть текст пришлите на geka.pat@yandex.ru

3

Обретение смысла, стр. 186–201, сожалею данный текст недоступен буду благодарен если у Вас есть текст пришлите на geka.pat@yandex.ru

4

20, Выбор, стр 206–209, файл не доступен сожалею данный текст недоступен буду благодарен если у Вас есть текст пришлите на geka.pat@yandex.ru

5

21, Патриот — сквозь прицел истории, стр 209–229, файл не доступен сожалею данный текст недоступен буду благодарен если у — ас есть текст пришлите на geka.pat@yandex.ru

6

24, Пятый пункт, стр 249–255, файл не доступен сожалею данный текст недоступен буду благодарен если у — ас есть текст пришлите на geka.pat@yandex.ru

7

Героическая трагедия, сожалею данный текст недоступен буду благодарен если у — ас есть текст пришлите на geka.pat@yandex.ru